

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА
И ГОСУДАРСТВА,
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ
И ГОСУДАРСТВЕ**

Theory and History of Law and State,
History of Law and State Studies

**ТРУДОВОЕ ПРАВО,
ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Labor Law, Social Security Law

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И КРИМИНОЛОГИЯ,
УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

Criminal Law and Criminology,
Penitentiary Law

**КРИМИНАЛИСТИКА,
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Criminalistics, Forensic Activity,
Operational And Investigative
Activities

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО,
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
ПРОЦЕСС**

Administrative Law,
Administrative Process

ISSN 2658-7602 (print)
ISSN 2658-7610 (online)

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 18 · № 4

• 2021 •

Vol. 18 · No. 4

SIBERIAN Law Review

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

Том 18, № 4

2021

Издается с 2004 года

Выходит четыре раза в год

Прежние наименования журнала: «Вестник Омского юридического института» ISSN 2222-856X (2004 год – первая половина 2012 года); «Вестник Омской юридической академии» ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online) (вторая половина 2012 года – первая половина 2019 года)

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение» включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- систему Digital Object Identifier (DOI) – стандарт обозначения информации об объекте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, принятый в англоязычной научной среде;
- каталог Ulrich's Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

ISSN

2658-7602 (print) 2658-7610 (online)

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ
Рег. № ПИ № ФС 77-75350 от 19 апреля 2019 г.
выдана Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индекс в подписном каталоге «Почта России» – ПП812

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение»

Адрес издателя и редакции:
ул. Короленко, д. 12, г. Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@sisblu.ru

Дата выхода в свет: 30.12.2021
Подписано в печать 22.12.2021

Формат 60 x 84 / 8   Усл. печ. л. 15,81
Бумага офсетная   Уч.-изд. л. 10,99
Тираж 200 экз.   Заказ № 5617

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»
Адрес типографии: ул. Жукова, 107, г. Омск, 644046, Россия

Редактор
О. В. Арефьева

Техническое редактирование и компьютерная верстка
Л. А. Зарубина

Редактор текстов на английском языке
Ю. Ф. Петров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии – главный редактор
Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместители главного редактора
Караманукян Давид Тониевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь
Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Бабурин Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Ботруню Карло – доктор философии в области права (Университет Флоренции, Флоренция, Италия, Республика);

Гатт Луисилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсоли Беннинкасо, Неаполь, Италия, Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Деришев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Кожеева Марина Анатольевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Козь-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Кэмпбелл Джон Р. – доктор философии в области социальной антропологии (Университет Лондона, Лондон, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мирелес Майкл Соломон – младший – профессор права (Юридическая школа Макдормонд Университета Пасифик, Сакраменто, Калифорния, Соединенные Штаты Америки);

Мэгте Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Андрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Республика Ирландия);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Паризи Франческо – профессор права (Университет Миннесоты, Миннеаполис, Миннесота, Соединенные Штаты Америки), профессор экономики (Болонский университет, Болонья, Италия, Республика);

Пфандер Джеймс Э. – профессор права (Юридическая школа Северо-Западного Притцкера, Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Симеонид Симеон С. – профессор права, почетный декан (Уилламеттский университет, Сейлем, Орегон, Соединенные Штаты Америки);

Торнхилл Кристофер – профессор права (Манчестерский университет, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Фор Майкл Дж. – профессор сравнительного частного права и экономики (Маастрихтский университет, Маастрихт, Королевство Нидерландов);

Хоссейн Мд Саззат – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Мин – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация)

SIBERIAN LAW REVIEW

Scientific journal

Volume 18, no. 4

2021

Published since 2004

Published four times a year

Previous titles of the journal: "Vestnik of the Omsk Law Institute" ISSN 2222-856X (2004 – first half of 2012);
"Vestnik of the Omsk Law Academy" ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online) (second half of 2012 – first half of 2019)

The scientific journal "Siberian Law Review" is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
- the database "Russian science citation index";
- Digital Object Identifier system (DOI) – standard designation of information about the object in the Internet information and telecommunications network, adopted in the English-speaking academic environment;
- Ulrich's Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
- legal information database "GARANT System";
- scientific electronic library "CyberLeninka" and others.

FOUNDER AND PUBLISHER:

Private educational institution of higher education
"Siberian Law University"

ISSN

2658-7602 (print) 2658-7610 (online)

Extract from the register of registered mass media
Reg. № PI № FS 77-75350 of April 19, 2019
issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Index in the subscription catalog "Russian Post" – PP812

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal "Siberian Law Review" reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal
"Siberian Law Review"

Address of the publisher and the editorial board:
12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 30.12.2021

Signed print 22.12.2021

Format 60 x 84 / 8

Offset paper

Circulation 200 copies

Cond. pr. pg. 12.32

Edit. pr. pg. 10.99

Order number 5617

Printed in LLC "Printing Center "Tatyana"

Printing office address: 107 Zhukova st., Omsk, 644046, Russia

Editor

O. V. Arefeva

Technical editing and desktop publishing

L. A. Zarubina

Text editor in English

Yu. F. Petrov

EDITORIAL BOARD

The chairman of the editorial board – Editor-in-chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Docent, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Vasilii V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Maxim V. Bavsun – Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Carlo Botrugno – PhD, University of Florence, Florence, Italian Republic;

John R. Campbell – PhD in Social Anthropology, University of London, London, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Michael G. Faure – Professor of Comparative Private Law and Economics, Maastricht University, Maastricht, Kingdom of the Netherlands;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Docent, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Michael Salomon Mireles, Jr. – Professor of Law, University of the Pacific, McGeorge School of Law, Sacramento, California, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Francesco Parisi – Professor of Law, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota, United States of America; Professor of Economics, University of Bologna, Bologna, Italian Republic;

James E. Pfander – Professor of Law, Northwestern Pritzker School of Law, Chicago, Illinois, United States of America;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Symeon C. Symeonides – Professor of Law, Dean Emeritus, Willamette University College of Law, Salem, Oregon, United States of America;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Manchester, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Docent, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА,
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

- А. Г. Быкова, И. В. Киселев.** Особенности становления российского законодательства
о высшем образовании XVII–XVIII вв. 388
- И. Л. Вершок.** Методологические аспекты динамики правоотношения как социального
и юридического феномена 398

ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

- А. А. Ситников.** Злоупотребление со стороны работодателя правом на управление трудом 413

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ,
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

- Е. З. Сидорова.** Принципы и значение уголовной политики в сфере предупреждения
преступности в образовательной среде 423
- А. В. Сынтин.** К вопросу о целесообразности использования термина «склонение» в статье 230¹
Уголовного кодекса Российской Федерации 433

**КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

- В. И. Балко.** Современная классификация свойств папиллярных узоров рук и ног человека
для решения идентификационных и неидентификационных задач в судебно-экспертной
деятельности 445

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- С. А. Агамагомедова.** Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной
деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения 460
- О. И. Бекетов, А. Д. Майле, А. В. Куянова.** Медиализация и секьюритизация
административно-публичной сферы в условиях пандемии в России и Германии 471
- Информация для авторов** 485

**THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE,
HISTORY OF LAW AND STATE STUDIES**

- A. G. Bykova, I. V. Kiselev.** Features of Formation of Russian Legislation on Higher Education of the XVII-XVIII Centuries 388
- I. L. Vershok.** Methodological Aspects of the Dynamics of Legal Relationships as a Social and Legal Phenomenon. 398

LABOR LAW, SOCIAL SECURITY LAW

- A. A. Sitnikov.** Employer's Abuse of the Right to Labour Management 413

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

- E. Z. Sidorova.** Principles and Significance of Criminal Policy in the Field of Crime Prevention in the Educational Environment 423
- A. V. Syntin.** On the Appropriateness of the Use of the Term "Inducement" in Article 230¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. 433

**CRIMINALISTICS, FORENSIC ACTIVITY,
OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES**

- V. I. Balko.** Modern Classification of the Properties of Papillary Patterns of Human Hands and Feet for the Solution of Identification and Non-Identification Problems in Forensic Expert Activities . . . 445

ADMINISTRATIVE LAW, ADMINISTRATIVE PROCESS

- S. A. Agamagomedova.** Risk-Oriented Approach in the Implementation of Control and Supervision Activities: Theoretical Justification and Problems of Application 460
- O. I. Beketov, A. D. Maile, A.V. Kuyanova.** Medicalization and Securitization of the Administrative-Public Sphere in the Conditions of the Pandemic in Russia and Germany 471

- Information for Authors** 487

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-388-397

Оригинальная научная статья

Особенности становления российского законодательства о высшем образовании XVII–XVIII вв.

Анастасия Геннадьевна Быкова*^{ID}

✉ bykova.ag@omua.ru

Ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская
Федерация

Игорь Васильевич Киселев[▲]^{ID}

✉ ya.i-007@yandex.ru

Ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1, Москва, 129226,
Российская Федерация

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы становления законодательства о высшем образовании в России. Сфера образования является важнейшим условием духовного, профессионального формирования и развития личности, социального благополучия общества, политического и экономического становления государства. Анализ историко-правового опыта регулирования общественных отношений выступает необходимым условием построения современного законодательства в сфере образования. Актуальность исследования особенностей становления российского законодательства о высшем образовании XVII–XVIII вв. заключается в том, что современные общественные отношения в сфере образования урегулированы недостаточно полно. Об этом свидетельствует целый комплекс проблем юридического характера. Особого внимания заслуживают вопросы законодательного регулирования отдельных правомочий участников общественных отношений в сфере высшего образования, подзаконного правового регулирования, а также реализации некоторых правовых норм Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Необходимость разрешения указанных проблем обновляет актуальность теоретических исследований. Ответом на изложенные вопросы является анализ исторических основ российского законодательства о высшем образовании. В дореволюционной России имелся достаточный опыт управления высшим образованием, а также регулирования соответствующих общественных отношений. Полнота исследования предмета общественных отношений в сфере образования в историческом контексте тесно связана с анализом деятельности российских университетов. В статье рассматриваются причины появления учебных заведений в России. Первые отечественные учебные заведения появились в конце XVIII в. – в тот исторический момент, когда экспансия западно-европейских идей организации университетского образования достигла российского государства. Россия испытывала острую необходимость в подготовке специалистов: в сфере государственного управления – чиновников, богословов – для укрепления православной веры, педагогов – для воспитания и пропаганды нравственности. Санкционирование первых нормативных правовых источников в сфере высшего образования были связаны с попытками создания в Москве Славяно-греко-латинской академии. Возрождение в России идей просвещения объективно ускорило процесс создания отечественных учебных заведений. Дальнейшее развитие законодательства о высшем образовании обусловлено реализацией новых идей об учреждении университетов при Императрице Елизавете Петровне и Екатерине Алексеевне. В заключительной части

© Быкова А. Г., Киселев И. В., 2021

* Заведующий кафедрой конституционного и международного права Сибирского юридического университета, доктор исторических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5178-9556>

[▲] Преподаватель кафедры национального публичного и международного права Российского государственного социального университета; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4836-3084>

работы отмечается, что в связи с созданием первого учебного заведения в России издается первый нормативный правовой акт, регулирующий правоотношения в сфере высшего образования, – «Привилегия на академию». На протяжении XVII-XVIII вв. российское законодательство о высшем образовании содержало персональные нормативные правовые акты. Они имели строго адресный характер и регулировали деятельность учебного заведения, его должностных лиц, преподавателей, студентов, а также иных участников академических общественных отношений. Так, непосредственно устанавливался объем полномочий, прав и обязанностей административного и преподавательского персонала, обучающихся в нем студентов и др.

Ключевые слова: история образования; императорские университеты; образовательное право; высшее образование; история российского законодательства.

Для цитирования: Быкова А. Г., Киселев И. В. Особенности становления российского законодательства о высшем образовании XVII–XVIII вв. // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 388–397. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-388-397>

Original scientific article

Features of Formation of Russian Legislation on Higher Education of the XVII-XVIII Centuries

Anastasia G. Bykova**

✉ bykova.ag@omua.ru

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation

Igor V. Kiselev^^

✉ ya.i-007@yandex.ru

4, build. 1 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. The article discusses the formation of legislation on higher education in Russia. The sphere of education is the most important condition for the spiritual, professional formation and development of the individual, the social well-being of society, political and economic formation of the state. An analysis of the historical and legal experience of regulating public relations is a prerequisite for building modern legislation in the field of education. The relevance of the study of the Russian features of legislation on higher education of the XVII-XVIII centuries is that modern social relations in the field of education are not fully regulated. This is evidenced by a range of legal problems. Particular attention should be paid to the legislative regulation of certain powers of participants in public relations in the field of higher education, by-law legal regulation, as well as the implementation of certain legal norms of the Federal Law of 29.12.2012 № 273-FZ. The need to resolve these problems updates the relevance of theoretical problems. The answer to the above questions is an analysis of the historical foundations of Russian legislation on higher education. In the pre-revolutionary Russia, sufficient experience in managing higher education, as well as regulating relevant social relations was in place. The completeness of the study of the subject of public relations in the field of education in the historical context is closely related to the analysis of the activities of Russian universities. The article considers the reasons for the appearance of educational institutions in Russia. The first domestic educational institutions appeared at the end of the 18th century – at a historical moment when the expansion of Western European ideas for organizing university education reached the Russian state. Russia had an urgent need to train specialists in the field of public administration – officials, theologians – to strengthen the Orthodox faith, teachers – to educate and promote morality. The authorization of the first regulatory and legal sources in the field of higher education was associated with attempts to create the Slavic-Greek-Latin Academy in Moscow. The revival of the ideas of education in Russia objectively accelerated the process of creating domestic educational institutions.

© Bykova A. G., Kiselev I. V., 2021

** Head of the Department of Constitutional and International Law of the Siberian Law University, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5178-9556>

^^ Lecturer of the Department of National Public and International Law of the Russian State Social University; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4836-3084>

The further development of legislation on higher education is associated with the implementation of new ideas about the establishment of universities under Empress Elizabeth Petrovna and Catherine the Great. In the final part of the work, it is noted that in connection with the creation of the first educational institution in Russia, the first normative legal act regulating legal relations in the field of higher education is published – "Privilege for the Academy." During the XVII-XVIII centuries Russian legislation on higher education contained personal regulatory legal acts. They were strictly targeted and regulated the activities of the educational institution, its officials, teachers, students, as well as other participants in academic social relations.

Keywords: history of education; imperial universities; educational law; higher education; history of Russian legislation.

For citation: Bykova A. G., Kiselev I. V. Features of Formation of Russian Legislation on Higher Education of the XVII-XVIII Centuries. *Siberian Law Review*. 2021;18(4):388-397. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-388-397> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Становление законодательства о высшем образовании в России связано с созданием учебных заведений. Под высшим образованием в его историческом контексте автор понимает комплекс академических и связанных с ними общественных отношений, которые включали процесс получения (распространения) академических и научных знаний в целях обучения (подготовки) ученых, чиновников, служилых людей, а также ремесленников, купцов и иных категорий занятого населения. Временной период исследуемого российского (царского и имперского) законодательства о высшем образовании составляет около 100 лет. Говорить об истории высшего образования в России, как и в других странах, можно со времени создания первых университетов и академий.

Появление первых учебных заведений в России отмечается различными причинами. По мнению автора, первой из таких причин явилось развитие западно-европейской системы университетского образования – ее качественное и количественное возрастание. Россия на рубеже XVI–XVII вв. являлась частью политического, экономического и социального межгосударственного взаимодействия. В связи с этим она нуждалась в модернизации различных общественных и государственных институтов. Как отмечают различные исследователи, российские учебные заведения появились в конце XVIII в., в тот исторический момент, когда экспансия западно-европейских идей организации университетского образования достигает российского государства [1, р. 193–206; 2; 3; 4, р. 140]. В ответ на новые социальные явления

в России государством предпринимается попытка адаптации иностранных университетских положений "Universitatibus Catholic" [5, р. 48–56]. Стоит упомянуть, что впервые распространение университетских образовательных традиций началось в XVI в. на территорию Речи Посполитой, откуда в XVII в. перешли в Россию.

Второй причиной учреждения учебных заведений в России явилось осознание представителями русской научной общественности в XV в. необходимости специального образования, прежде всего богословского. В 1484 г. новгородский архиепископ Геннадий Гонзов обратился в Ватикан по вопросу формирования в России церковной литературы и организации церковного образования. В 1485 г. в Новгород был отправлен проект буллы об организации преподавания для русских учеников, подготовленный мужским духовным орденом Римской католической церкви для Московского царства [6, р. 140]. Первый русский студент в 1493 г. в Ростовском университете – Сильвестр – учился на церковного переводчика, а Максим Грек учился в итальянских университетах. В 1586 г. представители итальянской научной элиты организовали прием первых русских студентов для обучения в Болонском и Феррарском университетах. Историк С. П. Шевырев указывал: «Государи древней Руси, в заботах своих о благе отечества, давно питали мысль передать России сокровище наук и искусств. Иван IV выписывал ученых и художников в Россию через саксонца Шлитта: Карль V соглашался отпустить их, но завистливая политика Гаизы и Ливонского ордена положила преграду. Борис Годунов желал завести школы и даже университеты, чтобы учить молодых

россиян европейским языкам и наукам» [1, с. 4]. В 1605 г. Лжедмитрий I неоднократно указывал на необходимость создания католического университета [7, р. 389–401].

Стоит отметить, что в XVII в. вопрос о религии в образовании был однозначно решен в пользу православной веры. Как отмечал В. О. Ключевский, после Смутного времени изучение в России европейских наук, основанных на католической вере, считалось чуть ли не изменой Родине. В середине XVII в. в Москве скептически относились к преподавателям с католической верой. Примерами раннего отторжения западных идей в сфере высшего образования явились также случаи неудачной организации в 1632 г. греческой школы в Пскове. Однако необходимость преодоления негативного влияния католической церкви на русскую землю ознаменовала трансформацию идей формирования в России национальных учебных заведений. Представители государственной и духовной властей на церковном соборе 1667 г. сделали выводы о ненужности старообрядческого влияния на образование. Было отмечено, что необходимо организовать учение, которое способно оказать позитивное влияние на государство и церковь.

Третьей причиной явилась потребность в подготовке специалистов: в сфере государственного управления – чиновников; богословов – для укрепления православной веры; педагогов – для воспитания и пропаганды нравственности. Россия нуждалась в грамотных людях, но для подготовки вышеуказанных профессионалов в соответствующих сферах в России учебных заведений не существовало.

Методы исследования, результаты

Для достижения цели исследования были использованы научные методы. Анализ академической деятельности первых российских учебных заведений, а также правового регулирования образовательной деятельности был проведен через рассмотрение политических, экономических, социальных и иных условий бытия российского общества и государства XVII–XVIII вв. Использовались исторический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Первые попытки создания образовательных учреждений по примеру европейских универси-

тетов в России были предприняты в 1667 г. В Заиконоспасском монастыре Симеон Полоцкий и его ученики составили первый план гимнасиона для изучения лингвистики и различных ремесел в России. Данный проект в форме царского указа был подписан Алексеем Михайловичем в 1668 г.¹ В 1670 г. Симеон Полоцкий, патриарх Иосиф, московские монахи и священнослужители подготовили проект грамоты по организации учебного процесса и управлению Иоанно-Богословского училища [8, с. 225]. Однако указанных образовательных учреждений открыто не было.

Дальнейшее санкционирование первых нормативно-правовых источников в сфере высшего образования было связано с попытками создания в Москве Славяно-греко-латинской академии. Взошедший на престол царь Федор Алексеевич поддержал идею московских священнослужителей во главе с Симеоном Полоцким (наставником молодого царя) открыть отечественные учебные заведения на примере западно-европейских университетов. Особое мнение Федора Алексеевича было отражено в одном из проектов будущих нормативных правовых актов: «Царь возымел намерение устроить храмы чином академии и во оных семена мудрости... при том учению свободным наукам». Десятилетние труды московских священнослужителей во главе с Симеоном Полоцким увенчались созданием первого в России нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения в сфере высшего образования – «Привилегия на академию»². В 1682 г. проект был принят, а в 1687 г. учреждена Славяно-греко-латинская академия.

Зачатки формирования институтов образования в России были связаны в первую очередь с намерением государства искать пути совершенствования отечественного образования. Для достижения целей построения отечественных образовательных учреждений и создания собственных академических традиций чиновники обращались к опыту лучших умов XVIII в. В начале правления императора Петра I российское государство столкнулось с тяжелыми политическим, экономическим и культурным кризисами. Отставание России от ведущих европейских стран в этих сферах жизни было колоссальным. Петр I осознавал критическую важность образования для русского народа.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 1: С 1649 по 1675 г. С. 735 // Рос. нац. б-ка. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

² Там же.

Возрождение в России идей просвещения активно ускорило процесс создания отечественных учебных заведений. Об этом свидетельствуют официальные обращения в форме грамоты «о подаении полномочной грамоты и крепости», санкционированной представителями церковной власти Петру I в 1696 г. о скорейшем создании в России новых учебных заведений «со свободными учениями полезным наукам». Мнения государственной и духовной властей в целом совпадали, когда император высказал мнение о европейских университетах: «Студентам всяких наук дано свободное учение, а грабежей и иных дурностей быти не допускают». Указом Петра I от 7 июля 1701 г. были введены преобразования в Славяно-греко-латинской академии³. Петр I провозгласил ее первым государственным университетом в России. Ректором был назначен П. Роговский, получивший образование в европейских университетах Вильно, Оломоуца и Рима. В соответствии с Грамотой Петра I от 26 сентября 1701 г. Киево-могилянская коллегия получила статус академии⁴. Данная грамота явилась вторым законодательным примером регулирования высшего образования в России.

С начала XVIII в. в России указами монарха были учреждены новые учебные заведения, среди которых школа математических и навигацких наук (1701 г.)⁵, артиллерийско-инженерная (пушкарская) школа (1712)⁶, первое медицинское учебное заведение в России – медицинская школа (1707 г.)⁷. В 1714 г. в некоторых провинциальных городах были открыты «шифимые» школы. Они должны были решать задачи массового образования, т. е. «детей любого ранга обучать грамоте и рисункам». Петр I рассчитывал, что школы этого типа будут бесплатными для всех учеников. Всего до 1723 г. открыто 42 шифровальных школы с 1 389 учащимися. В 1715 г. была открыта морская академия, а также другие учреждения, в том числе школы для обучения иностранным языкам. Отдельные нормы права, регулирующие обучение, содержали воинский устав от 30 марта 1716 г. и морской устав от 13 января 1720 г. Были учреждены школы для солдатских детей – гарнизонные школы. В 1721 г. началось создание сети

духовных (или епископских, епархиальных) школ для подготовки священников, а в 1725 г. количество этих школ достигло 45 с общим числом учеников около 3000. В 1724 г. Петр I принял уставы Академии наук и университетской гимназии, которые были открыты через несколько месяцев после его смерти. Формами первых учебных заведений в России являлись академия, университет, школа [1, с. 28–34].

По мнению автора, ошибочные положения относительно российского законодательства о высшем образовании были представлены в работах дореволюционных ученых М. Ф. Владимирского-Буданова и С. В. Рождественского. Они утверждали, что российское законодательство о высшем образовании XVIII в. носило спонтанный характер, что было вызвано отсутствием государственного планирования последнего. Данное утверждение не совсем верно, поскольку в XVIII в. были изданы два государственных плана развития высшего образования: Указ Петра I от 9 июня 1714 г. «О положении в делах образования и науки»⁸ и Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге от 24 июля 1747 г.⁹

Единая национальная система

учебных заведений: от идеи к созданию

В начале XVIII в. появились первые идеи об учреждении единой национальной системы учебных заведений. Например, первый посол России Б. И. Куракин в 1718 г. представил проект «Об учении в России». Основные положения проекта содержат следующие выводы:

- в России требуется создать общие и специальные университеты и академии;
- деятельность учебных заведений должна быть направлена на подготовку государственных служащих;
- профильными факультетами для подготовки специалистов в сфере государственного управления должны быть факультеты лингвистики, политологии, права, философии;
- следует преобразовать уже существующие российские учебные заведения на «международный манер»;

³ Полное собрание законов Российской империи ... Т. 4: С 1700 по 1712 г. С. 171.

⁴ Там же. С. 173–174.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Там же. С. 776–781.

⁷ Там же. С. 360–361.

⁸ Там же. Т. 5: С 1713 по 1719 г. С. 115–117.

⁹ Там же. Т. 12: С 1744 по 1748 г. С. 730–739.

– необходима ликвидация административных препятствий для учебы в российских учебных заведениях представителей всех сословий;

– требуется введение новейших факультетов астрономии, грамматики и риторики, математики, поэзии и др.

В подтверждение основных положений проекта автор акцентировал внимание на европейских университетах. Упоминается положительная практика обучения юристов и политологов в Германии, Италии и Франции. Были также отмечены католические университеты в Болонье, Вене, Вильно, Граце, Праге, Риме, Флоренции как пример «свободного порядка» управления образованием [2; 3; 9, с. 75].

Другим примером служат идеи императорского советника Алексея Курбатова. Он выступал за создание в Москве и Санкт-Петербурге академии свободных лингвистических, церковных, гражданских и военных наук. В провинциях Империи он предлагал создать различные образовательные учреждения для шляхетства и купечества. Планировалось учредить два учебных заведения на каждую губернию, финансирование осуществлять из монастырских домов. Предполагалось не вводить ограничения на обучение для сословий. Основные курсы учреждались по направлениям богословия, лингвистики, права и философии. Идеи советника Петра I были основаны на конкретной цели: русские студенты обязаны быть равными в науках с лучшими студентами Европы [10, с. 76–77].

Петр I поддерживал вышеуказанные идеи, что выражалось в его обращении с просьбами о консультациях к европейским ученым и деятелям в сфере образования. Обсуждались новейшие идеи российского академического и университетского образования, учреждение в стране направлений для подготовки специалистов для военных и гражданских чинов [11, с. 289]. Однозначно был решен вопрос о влиянии церкви на высшее образование. Духовным регламентом от 25 января 1721 г. высшее образование провозглашено светским, а Церковь могла создавать лишь отдельную систему епархиальных школ¹⁰. Соответствующие учебные заведения были созданы в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге (1721 г.), годом позже в Харькове

и Твери. В 1723 г. в Вятке, Казани, Коломне, Холмогорах. В 1724 г. в Вологде и Рязани и других городах. К 1727 г. было открыто около 40 школ [12, с. 180–194].

СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ в России

Реформирование учебных заведений России было ориентировано на классическую европейскую систему образования. Идеи планировалось заимствовать из Германии, Голландии, Италии, Франции и др. стран. Данному процессу способствовала активная пропаганда идей «нового времени», что послужило катализатором развития законодательства о высшем образовании.

В соответствии с указом Петра I от 28 января 1724 г. в России была учреждена Петербургская академия наук, при которой открылся академический университет. Было закреплено положение о том, что в целях развития научной деятельности в России создаются два вида специализированных учреждений: университет и академия. Нормативно-правовые дефиниции указанных институтов были сформулированы следующим образом: «Университет есть собрание ученых, которые обучают молодых людей высшим наукам в том самом виде, в каком они теперь находятся. Академия есть собрание ученых и искусных людей, которые не только знают науки в их современном состоянии, но и сами стараются через новые изобретения их усовершенствовать и умножить, а обучением других не занимаются»¹¹. Одни и те же лица могли состоять как в Академии, так и в университетах, с той лишь разницей, что их выполнение академических функций зависело от того учреждения, где в данный момент осуществлялась деятельность. В Академии не допускалось проведение занятий со студентами. Указом Петра I от 7 декабря 1725 г. был назначен первый президент Академии – Л. Л. Блюменрост¹². Указ Екатерины I от 23 февраля 1725 г. «О приглашении ученых людей в российскую академию наук и о выдаче желающим въехать в Россию нужных пособий» был направлен на увеличение не только иностранных ученых в России, но и студентов¹³.

Базовые принципы функционирования указанных академических институтов были основаны

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи ... Т. 6: С 1720 по 1722 г. С. 314–347.

¹¹ Там же. Т. 7: С 1723 по 1727 г. С. 220–225.

¹² Там же. С. 553–554.

¹³ Там же. С. 425.

на европейских образовательных традициях, что доказывает переписка Петра I, Готфрида Вильгельма Лейбница и Христиана фон Вольфа. Целью деятельности являлось «умножение и развитие наук». Российская Академия наук была создана на основе аналогичной академии в Париже [13, с. 147]. Однако принципиальное отличие отечественного учреждения заключалось в том, что его члены обязаны были вести педагогическую деятельность. Этот факт указывает на то, что Петр I старался воплотить в отечественной академической среде лучшую европейскую практику разных стран, где возможность преподавания учеными в университетах он увидел во время своего пребывания в Нидерландах.

Дальнейшее развитие законодательства о высшем образовании связано с реализацией новых идей об учреждении университетов. Императрица Елизавета Петровна утвердила 24 июля 1747 г. Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, где отражены основные направления развития российской высшей школы. Были изданы законодательные проекты¹⁴. Закреплены две формы учебных заведений – академия и университет. Планировалось открыть новый университет в Москве, который сочетал бы либеральные традиции российских университетов конца XVII в. и идеи государственного управления учебными заведениями¹⁵.

По мнению автора, закрепление соответствующих положений вполне объяснимо, так как в России поддерживалась идея организации обучения в соответствии с традициями средневекового университета (аналог доклассического университета в России). Не скрывалась симпатия к немецким учебным заведениям, которые сочетали черты средневекового университета и университета «новой Европы». О полезности немецкой образовательной практики высказывался М. В. Ломоносов [14, с. 312], что впоследствии было отражено в проекте Московского университета, который был принят 12 января 1755 г. Университет был учрежден именно в Москве по нескольким причинам: на тот момент в Москве проживало самое боль-

шое число дворян и разночинцев; положение столицы географически было ближе к европейским государствам, чем, например, Санкт-Петербурга; наличие большого количества учителей и педагогов, которых содержали помещики. Как следует из указа, последнее обстоятельство играло особую роль, поскольку помещики, желая привить любовь к учебе своим детям, были прямо заинтересованы в финансировании университета. Правительство также было заинтересовано в поощрении и поддержке московских учителей и педагогов, поскольку именно последним отводилась особая роль в распространении научных и академических идей по все Империи, что могло повлиять на борьбу с ересью, невежеством и иными социально-негативными явлениями того времени¹⁶. Организации функционирования Московского университета был посвящен ряд указов Правительствующего Сената с 1756 по 1758 гг.¹⁷

Отдельным законодательным массивом, а также различными образовательными проектами была богата политика Екатерины II. Эпоха просвещенного абсолютизма своеобразно была отражена в законодательных актах правления императрицы¹⁸. Новые реформы в сфере образования включали разработку новых учебных планов для университетов. Под влиянием трудов европейских деятелей науки Коменского, Монтескье, Локка, Фенелона и др. провозглашались задачи высшей школы не только учить, но и воспитывать новое поколение в духе уважения к правам и свободам человека. В соответствии с проектом государственной комиссии «Для создания большего энтузиазма учащихся и лучшей жизни» от 24 июня 1766 г. формировались первые требования академического распорядка, литературы и требований к учебным дисциплинам: «Установить условия научного духовенства и для избежания ситуаций, которые приводят к злоупотреблениям и препятствуют хорошему учению, примерный каталог книг, который должен быть из библиотеки богословских семинарий, а также учить наукам светским и духовным» [10, с. 78–80].

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи ... Т. 7: С 1723 по 1727 г. С. 425.

¹⁵ Там же. Т. 12: С 1744 по 1748 г. С. 730–739.

¹⁶ Там же. Т. 14: С 1754 по 1757 г. С. 284–294.

¹⁷ Там же. С. 330, 398–403, 605–618; Т. 15: С 1758 по 26 июня 1762 г. С. 102–110, 186–190.

¹⁸ Там же. Т. 22: С 1784 по 1788 г. С. 446, 646–669, 672–674.

¹⁹ Там же. Т. 16: С 28 июня 1762 по 1764 г. С. 12.

²⁰ Там же. С. 467.

Относительно действующих учебных заведений Екатерина II осуществила ряд преобразований:

- введение факультетов искусств и изящных наук (Манифест от 6 июля 1762 г.)¹⁹;
- создание классов российской юриспруденции в Московском университете (Манифест от 15 декабря 1763 г.)²⁰.

Образованная в 1764 г. государственная комиссия всесторонне изучала опыт европейских университетов. Ф. Дильтей в своей работе «О учреждении разных училищ для распространения наук и исправления нравов» выдвигал идею создания новых университетов в Батурине (Малороссии) и Дерпте. Был рассмотрен вопрос о введении во всех российских учебных заведениях богословского и философского факультетов. Проект Д. Дидро в 1775 г. «План университета для русского правительства, или проект народного образования во всех науках» предусматривал учредить в России сеть учебных заведений, которые представляли бы собой отдельные учреждения, образуя единый учебный округ под названием «университет» [15, с. 76–84]. В письме императрицы от 24 апреля 1775 г. к Г. А. Потемкину Екатерина скептически отреагировала на французскую модель. Тем не менее 30 сентября 1783 г. указом императрицы учреждалась Российская Академия, учеба в которой была организована по моделям французских академий²¹.

Положительно был воспринят опыт организации австрийских университетов и школы публичного преподавания всех наук для Российского правительства, предложенный Ф. М. Гриммом и др. [16]. Особое внимание уделялось «Венскому учебному плану» (Wiener Studienplan), автором которого являлся австрийский реформатор в сфере образования, профессор Венского университета, юрист Иозеф Зонненфельс. Его отдельные положения были санкционированы российским законодательством. Например, в указе Екатерины II от 7 ноября 1775 г. «Учреждении для управления Губерний Всероссийской империи» закреплено, что государство полностью обеспечивает высшее образование для неимущих, а для имущих обеспечивает его за умеренную плату²².

13 марта 1787 г. Екатерине был представлен проект университетского устава, в котором многие положения, заимствованные из практики

западных университетов, были приспособлены к российской действительности. Речь здесь шла не об идентификации или механическом копировании западного опыта, но об адаптации и творческом усвоении накопленной на Западе культуры. Был использован также опыт Петербургского академического университета, связанного с деятельностью его ректора М. В. Ломоносова, а также устав Московского университета 1780 г., подготовленный И. И. Шуваловым. Согласно новому проекту устава в университете не было богословского факультета. Это было в свое время предусмотрено указом Екатерины 1786 г., в котором подчеркивалось, что «богословский факультет не должен входить в университеты, ибо по правилам, от предков наших принятым и от нас свято наблюдаемым, учение богословия присвоено училищам духовным».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с этим итогом более чем столетнего опыта формирования законодательства о высшем образовании явились попытки регулирования общественных отношений, исходя из преемственности европейского опыта функционирования университетов, с учетом государственных задач.

Автор отмечает ряд особенностей становления российского законодательства о высшем образовании XVII–XVIII вв.:

- формами учебных заведений являлись академия, университет и школа, однако с 1747 г. законодательно установлено 2 формы учебных заведений: академия и университет;
- вместо категорий «высшее учебное заведение», «образовательное учреждение» была использована категория «собрание ученых и учащихся людей»;
- в нормативных правовых актах отсутствовали правовые запреты на учебу в учебных заведениях представителей всех сословий;
- введены категории преподавателей и обучающихся «студент» и «доктор», что являлось русифицированным аналогом европейских академических категорий *studens* и *doctor*;
- формами нормативных правовых актов являлись грамота, доклад, законодательные проекты, манифесты, проект (московского университета), регламенты, указы, уставы.

Таким образом, в связи с созданием первого учебного заведения в России издается первый

²¹ Полное собрание законов Российской империи ... Т. 21: С 1781 по 1783 г. С. 1023–1026.

²² Там же. Т. 20: С 1775 по 1780 г. С. 272.

нормативный правовой акт, регулирующий правоотношения в сфере высшего образования, – «Привилегия на академию». На протяжении XVII–XVIII вв. российское законодательство о высшем образовании содержало персональные нормативные правовые акты. Они имели строго адресный характер и регу-

лировали деятельность учебного заведения, его преподавателей, студентов, а также иных участников академических общественных отношений. Так, непосредственно устанавливался объем полномочий, прав и обязанностей административного и преподавательского персонала, студентов и др.

Список литературы

1. Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1855. 581 с.
2. Cobban A. B. Decentralized Teaching in the Medieval English Universities // *History of Education*. 1976. Vol. 5, iss. 3. P. 193–206. <https://doi.org/10.1080/0046760760050301>
3. Reiter E. H. Masters, Students, and Their Books in the Late Medieval German Universities // *Paedagogica Historica*. 1998. Vol. 34, iss. 2. P. 389–401. <https://doi.org/10.1080/0030923980340205>
4. Ridder-Symoens H. A History of the University in Europe: Volume 1, Universities in the Middle Ages. Cambridge University Press, 1992. 506 p.
5. Очерки истории школьной и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX века / отв. ред. М. Ф. Шабаетова. М. : Педагогика, 1973. 360 с.
6. Andrews T. *Studium Generale: a Chapter of Contemporary History*. The University of London. The Catholic University. The Queen's University. The College of Maynooth. London : Longmans & Company, 1867. 90 p.
7. Larionov A. A. The Role of Public Communication in Establishing the Theological Educational System in Russia in XVIII – Early XIX Century // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. № 236. P. 343–350. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.12.046>
8. Фонкич Б. Л. К истории организации славяно-греко-латинского училища в московской Бронной слободе в конце 60-х гг. XVII в. // *Очерки феодальной России* : сб. ст. М. : УРСС, 1998. Вып. 2. С. 187–225.
9. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб. : Канцелярия Ком. министров, 1902. Какой том? ?? с.
10. Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1912. 680 с.
11. Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге // *Петр Великий* : сб. ст. М. : Л., 1947. С. 289.
12. Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад : Кн. маг. М. С. Елова, 1914. 592 с.
13. Копелевич Ю. Х. Санкт-Петербургская Академия наук и власть в XVIII в. // *Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки* / ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003. С. 122–156.
14. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 10: Служебные документы и письма, 1734–1765 / ред.: Л. И. Андреев, Г. П. Блок, Г. А. Князев. М. : Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 935 с.
15. Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть России XVIII столетия до 1782 г. (Приложение № 2 к тому XLVII Записок Императорской Академии Наук). СПб., 1783. 100 с.
16. Рубинштейн Е. И. Новый источник по истории Московского университета 70-х гг. XVIII в. // *Вестник Московского университета. Сер.: История*. 1986. № 2. С. 65–79.

References

1. Shevyrev S. P. *A History of Moscow Emperor's University Written by Professor-in-Ordinary of the Russian Language Arts and Pedagogy Stepan Shevyrev. 1755–1855*. Moscow: Moscow University Publ.; 1855. 581 p. (In Russ.).
2. Cobban A. B. Decentralized Teaching in the Medieval English Universities. *History of Education*. 1976;5(3):193-206. <https://doi.org/10.1080/0046760760050301>
3. Reiter E. H. Masters, Students, and Their Books in the Late Medieval German Universities. *Paedagogica Historica*. 1998;34(2):389-401. <https://doi.org/10.1080/0030923980340205>
4. Ridder-Symoens H. *A History of the University in Europe: Volume 1, Universities in the Middle Ages*. Cambridge University Press; 1992. 506 p.
5. Shabaeva M. F. (Ed.). *Essays of the History of School and Pedagogical Thought of Peoples of the USSR. XVIII – First Half of the XIX Century*. Moscow: Pedagogika Publ.; 1973. 360 p. (In Russ.).
6. Andrews T. *Studium Generale: a Chapter of Contemporary History*. The University of London. The Catholic University. The Queen's University. The College of Maynooth. London: Longmans & Company; 1867. 90 p.
7. Larionov A. A. The Role of Public Communication in Establishing the Theological Educational System in Russia in XVIII – Early XIX Century. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016;236:343-350. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.12.046>
8. Fonkich B. L. Revisiting the History of Organization of Slavic-Greek-Latin School in Moscow Bronnaya Sloboda in the Late 1760s. In: *Essays of the Feudal Russia*. Iss. 2. Moscow: URSS Publ.; 1998. P. 187–225. (In Russ.).
9. Seredonin S. M. *A Historical Survey of the Activities of the Cabinet*. Saint Petersburg: Cabinet Secretariat Publ.; 1902. (In Russ.).

10. Rozhdestvenskii S. V. *An Outline of the History of Systems of Public Education in Russia in the XVIII–XIX Centuries. Vol. 1.* Saint Petersburg: M. A. Aleksandrov Printing House; 1912. 680 p. (In Russ.).
11. Andreev A. I. Foundation of the Academy of Sciences in Petersburg. In: *Peter the Great*. Moscow, Leningrad; 1947. P. 289. (In Russ.).
12. Kapterev N. F. *The Nature of Attitudes of Russia to the Orthodox Christian Orient in the XVI and XVII Centuries*. 2nd ed. Sergiyev Posad: M. S. Elov Bookshop; 1914. 592 p. (In Russ.).
13. Kopelevich Yu. X. Saint-Petersburg Academy of Sciences and Authorities in the XVIII Century. In: Kolchinskii E. I. (Ed.). *Science and Crises: Comparative Historical Outline*. Saint Petersburg; 2003. P. 122–156. (In Russ.).
14. Lomonosov M. V. *Complete Works. Vol. 10: Official Documents and Letters, 1734–1765*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ.; 1957. 935 p. (In Russ.).
15. Tolstoi D. A. *A View of the Academic Activities in Russia in the XVIII Century before 1782 (Appendix 2 to Volume XLVII of the Proceedings of the Imperial Academy of Sciences)*. Saint Petersburg; 1783. 100 p. (In Russ.).
16. Rubinshtein E. I. A New Source on the History of Moscow University of the 1770s. *Moscow University Bulletin. Series: History*. 1986;2:65–79. (In Russ.).

Поступила | Received
26.07.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
11.10.2021

Принята к публикации | Accepted
18.10.2021

Оригинальная научная статья

Методологические аспекты динамики правоотношения как социального и юридического феномена

Ирина Леонидовна Вершок*

✉ viarshok_irina@mail.ru

Пр. Независимости, 4, Минск, 220030, Республика Беларусь

Аннотация. Статья посвящена изучению правоотношения как феномена, по-разному проявляющегося в двух модусах бытия права: правовой реальности и правовой действительности. Подвергаются критике классические подходы к определению правоотношения как урегулированного правом общественного отношения, а также его узкое понимание в качестве результата реализации правовой нормы при условии наличия соответствующего юридического факта. Признается, что эти подходы не полностью обеспечивают научную характеристику правоотношения как социального и юридического явления. Вместо обычно выделяемых элементов правоотношения в виде субъекта, объекта и содержания предлагается изучение иных, динамических его характеристик. Динамика правоотношения рассматривается как результат интенциональности правового сознания его субъекта. В правовой реальности правоотношение изучается как социальное действие в условиях адаптации субъекта к окружающей среде. Оно обусловлено общей нормативностью биологического, социального и технического происхождения. Рассматривается витальная нормативность правовой реальности как детерминанта правоотношения. Локус контроля в данном модусе правоотношения внутренний, он сосредоточен на субъекте, реализующем свои права и выполняющем обязательства. В правовой действительности правоотношение обусловлено интенциональностью правового сознания субъекта реализовать норму права за счет юридического взаимодействия с другими участниками правоотношения. Нормативность правовой действительности базируется на юридическом нормировании посредством правовых актов (индивидуальных и общих). В правоотношении такого модуса бытия права субъекты осуществляют свои юридические возможности при условии исполнения возложенных на других юридических обязанностей. Локус контроля смещается на иных участников правоотношения, реализующих свои права и выполняющих юридические обязанности. В юридическом взаимодействии взаимное признание права обеспечивает инстанция и (или) сторона правоотношения. В правовой действительности физическая, социальная и ценностная, а также витальная нормативность дополняются юридической нормативностью. Она призвана нивелировать вызванные ограниченностью пространства, а также необратимостью времени социальные противоречия. Доказывается, что предложенная концепция правоотношения способствует решению практических вопросов первичности нормы права или правоотношения, пересмотру критериев дифференциации системы права, определению соотношения правоотношения и правонарушения, научному рассмотрению некоторых отраслевых проблем классификации правоотношений. Отмечается, что предложенная концепция правоотношения как социального действия или юридического взаимодействия, существующих соответственно в правовой реальности или действительности права, является достаточно условной и применимой в познавательных целях. На практике достаточно часто происходит пересечение или взаимное наложение одного типа на другой, переход из модуса правовой реальности в правовую действительность.

Ключевые слова: правоотношение; социальное действие; юридическое взаимодействие; правовое сознание; интенциональность правового сознания; нормативность; правовая реальность; правовая действительность; субъект права.

Для цитирования: Вершок И. Л. Методологические аспекты динамики правоотношения как социального и юридического феномена // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 398–412. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-398-412>

Original scientific article

Methodological Aspects of the Dynamics of Legal Relationships as a Social and Legal Phenomenon

Irina L. Vershok**

✉ viarshok_irina@mail.ru

4 Nezavisimosti ave, Minsk, 220030, Republic of Belarus

Abstract. The article is devoted to the study of legal relationship as a phenomenon that exists in two modes of being of law: legal reality and legal validity. Classical approaches to the definition of a legal relationship as a social relationship regulated by law are criticized. The understanding of the legal relationship as a result of the implementation of legal norm is also criticized. It is recognized that these approaches do not fully provide a scientific characteristic of legal relationships as a social and legal phenomenon. Instead of the usually distinguished elements of a legal relationship in the form of a subject, object and content, it is proposed to study its dynamic parameters. The dynamics of a legal relationship is considered as a result of the intentionality of the legal consciousness of its subject. In legal reality, a legal relationship is studied as a social action in the conditions of adaptation of the subject to the environment. This legal relationship is due to the general normativity of biological, social and technical origin. The vital normativity of legal reality is considered as a determinant of legal relations. The locus of control in this legal relationship is focused on the subject exercising its rights and fulfilling its obligations. In legal validity, the legal relationship is due to the intentionality of the legal consciousness of the subject to implement legal norms through legal interaction with other participants in the legal relationship. The normativity of legal reality is based on legal regulation through legal acts (individual and general). In such a legal relationship, the subjects exercise their legal capabilities to the fulfillment of the legal duties assigned to other subjects. The locus of control is shifted to other participants in the legal relationship who exercise their rights and perform legal duties. In legal interaction, mutual recognition of the right is provided by the instance and/or the party of the legal relationship. In the legal validity, the physical, social and value, as well as vital normativity are supplemented by legal normativity. It is designed to neutralize social contradictions caused by the limitations of space, as well as the irreversibility of time. It is proved that the proposed concept of legal relations contributes to the solution of practical issues of the primacy of the legal norm or legal relationship, the revision of the criteria for differentiation of the legal system, the determination of the ratio of legal relations and offenses, the scientific consideration of some sectoral problems of the classification of legal relations. It is noted that the proposed concept of a legal relationship as a social action or legal interaction is quite conditional and applicable for cognitive purposes. In practice, quite often there is an intersection or mutual overlap of one type with another, a transition from legal reality to legal reality.

Keywords: legal relationship; social and legal action; legal interaction; legal consciousness; intentionality of legal consciousness; normativity; legal reality; legal validity; subject of law.

For citation: Vershok I. L. Methodological Aspects of the Dynamics of Legal Relationships as a Social and Legal Phenomenon. *Siberian Law Review*. 2021;18(4):398-412. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-398-412> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность пересмотра классической теории правоотношения в настоящее время обусловлена происходящими сложными трансформациями природной, социальной, антропогенной и технической среды, которые накладывают отпечаток на современного человека, его потребности и интересы, физические, когнитивные и иные параметры, способствующие адаптации или затрудняющие ее.

Происходит количественный рост правоотношений, вызванный расширением границ правового регулирования, проникающего уже не только в большинство сфер физического и внешних проявлений духовного мира, но также в онлайн-реальность. Кроме того, происходит узкая специализация ряда правовых норм, вызывающая появление большого количества правоотношений, неоднородных по своей структуре

© Vershok I. L., 2021

** Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Belarussian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2758-7174>

и содержанию. Огульное унифицированное структурное деление всех правоотношений на субъект, объект и содержание с использованием системного анализа становится проблематичным. Например, развитие и широкое распространение цифровой реальности и искусственного интеллекта обнаруживает неполноту классической теории правоотношения в части формулировки постулатов о субъекте и объекте правоотношения, а также не помогает в поиске ответов на вопрос о субъектности искусственного интеллекта в правоотношениях с его участием.

Происходит усложнение предмета правового регулирования, что делает проблематичным структурное единообразное деление современных систем права на отрасли и институты, в том числе их дифференциацию на публично-правовые и частно-правовые. В результате выявляется несостоятельность фундаментальных исследований права, связанная с неполнотой предлагаемых критериев деления системы права на отрасли в виде предмета и метода правового регулирования общественных отношений и, соответственно, ситуативного определения границ правового регулирования методом проб и ошибок, часто приводящих к необоснованному вмешательству государства в общественные отношения.

Традиционно возникновение правовых отношений связывалось с волевой, осознанной и целенаправленной деятельностью людей, в основе которой лежал определенный способ материального и духовного производства, в свете его взаимодействия с другими общественными отношениями. В иных случаях правоотношение определялось через его связь с юридической нормой [1, с. 4]. В результате правоотношение вплоть до настоящего времени преимущественно воспринимается в качестве общественного отношения, урегулированного нормой права, а реже характеризуется как специфическая форма (иногда – разновидность) социального взаимодействия субъектов права в целях реализации их законных интересов и достижения того, что предусмотрено законом, иным источником права, в рамках которой субъекты права добиваются удовлетворения интересов, в особом порядке признанных и гарантированных государством [1, с. 81]. В результате таких определений возник ряд практических вопросов по поводу реальных правоотношений. Возможно ли правоотношение

вне волевой деятельности, как в случае связи между родителями и детьми или наследованием по закону? Может ли иметь место правоотношение при отсутствии правовой нормы в случае пробела в праве?

Классический подход к изучению правоотношения, по сути, акцентировал внимание на его детерминированности правовой нормой (что соответствовало взглядам юридического позитивизма) или общественными связями (социологическое направление). Однако происходящие трансформации правоотношения как предмета исследовательской деятельности влекут необходимость пересмотра инструментов познания правоотношения как юридического и социального феномена. При этом уже появляется тенденция изучения правоотношения в новой парадигме, основанной на междисциплинарных разработках [2, с. 27–45; 3, с. 75–80], существенно проблематизирующих подход к определению правоотношения как урегулированного правом общественного отношения со структурой «субъект–объект–содержание». В работе делается попытка обобщить имеющийся позитивный опыт исследований правоотношения, дополнив его исследованием правоотношения на онтологическом уровне познания, базирующемся на знаниях о дифференциации правовой действительности и правовой реальности как двух модусах бытия права.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Дифференциация правовой реальности и правовой действительности проведена с учетом специфики протекания сознания человека, интенционально сконцентрированного на собственных потребностях или правовой норме. Она основана на попытке решения онтологических проблем, постановка которых связана не с непосредственным существованием права, а с тем, «как нечто преобразуется в право, как безмерные притязания личности приобретают форму субъективного права, как мысль о праве преобразуется в действие самого права» [4, с. 179]. В противном случае юридические явления без надлежащего онтологического обоснования изучаются так, будто они обладают способностью к самостоятельным действиям, к собственному бытию, «в то время как единственный онтологически достоверный субъект социального действия – человек – оказывается

всего лишь оператором, на которого исследователем возложена обязанность мыслить правовыми категориями и руководствоваться нормами официального права» [4, с. 179].

Выбор в данной статье нового познавательного направления, связанного с психологическими процессами человека как субъекта правоотношения, обусловлен тем, что «даже если когнитивная наука не может предложить полного объяснения правовых явлений, она может пролить новый свет на то, как работает правовой разум и каковы основные механизмы правового познания» [5].

Таким образом, методологической основой данной работы является разделение правовой реальности и правовой действительности как двух модусов бытия права. Характерно, что такое разделение косвенно можно обнаружить в классических работах по изучению онтологических основ права. Например, «фиксация инвариантного сегмента правовой реальности, неизменного по отношению к изменчивым официальным установлениям», обнаруживается в теории Л. И. Петражицкого [6, с. 70]. Выделяемые им «атрибутивно-императивные первоначальные акты» закладывают основания для социально-психологической правовой реальности, а официальные установления составляют иной, юридический, модус бытия права – правовую действительность.

Двойственность онтологических реальностей права признает также и С. И. Максимов, выделяющий «правовую реальность, как объективно существующий мир права, данный субъекту в практике (опыте) и картину правовой реальности как модель правовой реальности, служащую средством познания и конструирования мира права» [7, с. 147].

Разделение между социальными и нормативными слоями права, «подчеркивая постоянное взаимодействие между правом как символическим нормативным явлением и правовыми практиками, порождающими и воспроизводящими это явление», прослеживается также в критической версии позитивизма Туори [8].

Кроме того, даже сторонники традиционного подхода к теории правоотношения не отрицают, что «те или иные притязания субъектов различных общественных отношений могут вначале фактически удовлетворяться в юридических отношениях до их официального закрепления в нормах законодательства» [1, с. 18]. Действительно, данным утверждением косвенно

но констатируется наличие различных модусов реализации правовых притязаний субъекта права и опосредованно признается двойственность правовой реальности. Однако в таком случае может быть закономерно поставлен логический вопрос, до сих пор не разрешенный в традиционной концепции правоотношения, построенной на гипотезе одномерности бытия права: если притязания субъектов все-таки удовлетворяются до официального закрепления правовых отношений, то зачем еще дополнительно их оформлять в нормативном правовом акте?

На самом деле правовая норма и правовое отношение имеют более сложные пространственные и хронологические уровни соотношения, изучение которых представляется оптимальным именно в двух отдельных модусах – правовой реальности и правовой действительности.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ТРАДИЦИОННОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Признавая значительный эвристический потенциал и практическую обоснованность классического подхода к исследованию правоотношения, все-таки следует признать, что его умозрительная характеристика в качестве одного из вида общественных отношений или как определенной системы (структуры), состоящей из субъекта, объекта и содержания, дает слишком абстрактные параметры правоотношения, которые сложно огульно применять в отраслевых юридических науках. Для преодоления указанных теоретических проблем предлагаем рассмотреть правоотношение как процесс, состоящий из цепочки юридических актов и (или) социально-правовых действий, локализованных в конкретных пространственно-временных пределах и имеющих определенную последовательность. Так, правоотношения по обращению в суд с иском, заявлению, заключению договора или осуществлению исполнительного производства в реальности могут иметь совершенно различные структурные и содержательные параметры в разных точках пространства и времени. Если игнорировать это, то анализ состава правоотношения через его элементарную совокупность (субъект, объект, субъективные права и юридические обязанности) сводится к абстрагированным характеристикам, основывающимся в лучшем случае на фиксации параметров правоотношения лишь на одном

пространственно-временном промежутке, без учета его предыдущего и последующего состояния. Например, правоотношение по защите прав потребителя на своем протяжении может включать различные виды социального действия и юридического взаимодействия, способствующие такой защите. К предпосылке, но не непосредственной реализации защиты прав потребителя можно отнести распространение информации о товаре или услуге, установление режима работы торгового объекта или регулирование порядка оплаты товаров. В свою очередь правоотношением (либо их совокупностью), направленным на непосредственную защиту нарушенного права потребителя, является замена некачественного товара, возмещение убытков или уплата неустойки.

Более того, имеющийся традиционный структурный анализ правоотношения как состоящего из элементов не предполагает, что данные элементы на практике могут оказываться компонентами, также представляющими собой систему, но относящуюся к более низкому уровню структуры. Например, субъектный состав конкретного правоотношения может предполагать сложную совокупность его субъектов и иных участников, совершенно по-разному относящихся к объекту, обладающих различным правовым статусом и выполняющих совершенно разные обязанности. В каждой отрасли права найдется иллюстрация такого вида правоотношения, в котором присутствуют участники, непосредственно не реализующие, но содействующие реализации субъективных прав и юридических обязанностей субъектов.

Правоотношение как феномен, а не взятая в абстракции теоретическая или философская категория – сложное динамическое явление взаимосвязи и взаимодействия между субъектами, обусловленное процессами протекания их правового сознания. Уже в 80–90-х гг. XX в. признавалось, что связь юридических и иных общественных отношений в теории права надлежащего освещения не получила [1, с. 5], однако при этом характеристика правоотношения как урегулированного правом общественного отношения используется и в настоящее время. Классическая догматика права до сих пор не учитывает, что правоотношение представляет собой, кроме всего прочего, и социальный факт, «который можно было бы сопоставить с иными фрагментами социальной реальности и выявить

характер их отношений с помощью научных либо находящихся в распоряжении обыденного сознания средств восприятия. Ее интерес ограничивается областью фактов, имеющих юридические (исключительно юридические. – И. В.) значения и последствия» [3, с. 77].

Определение правового отношения как общественного отношения, урегулированного нормой права, основывалось на логически обусловленной вынужденной констатации родо-видовой связи между общественным и правовым отношением, на основании чего можно было утверждать, что признаки рода (отношения общественного) можно переносить на характеристику вида (отношения общественного правового). При этом категория отношения как общественного рассматривалась в методологической парадигме материалистической философии и преимущественно во множественном числе, с акцентом не на саму суть общественного и также правового отношения, а на его виды (внешние параметры проявления). В свою очередь в юриспруденции, наоборот, чаще делался исследовательский акцент на внутренние характеристики правового отношения – его структуру и (или) состав (внутренние параметры проявления).

Дальнейшее противопоставление формы и содержания, проводимое классической теорией права при изучении правоотношения на основе диалектико-материалистической методологии, позволяло выявить и зафиксировать факты взаимосвязи юридической формы общественного отношения (юридической нормы) и содержания правоотношения (субъективных прав и юридических обязанностей) и случаи их несовпадения (правонарушение). Недостатком при этом являлся одномерный подход к причинно-следственной последовательности при реконструкции динамики правоотношения: правовая норма признавалась исключительно первопричиной, юридическим основанием возникновения правоотношения. В некоторых случаях данные выводы находили свое эмпирическое подтверждение, а иногда нет. Например, установление обязательного дорожного сбора порождает соответствующие правоотношения только после его юридического закрепления (простая линейная зависимость динамики правоотношения от возникновения правовой нормы). Но правоотношение по предоставлению цифровых услуг в области финансов в большей степени зависит не от правотворчества в соответствующей сфере,

а от наличия ряда иных условий – технической оснащенности, соответствующего программного обеспечения, гарантий информационной безопасности в области защиты персональных данных и ряда иных, более значимых в данном случае, по сравнению с нормативным закреплением факторов (сложная нелинейная зависимость динамики правоотношения).

Полагаем, что одной из причиной данной методологической погрешности указанного подхода к определению правоотношения является отсутствие обоснованного разграничения следующих феноменов: отношений между людьми (их взаимосвязи или взаимодействия) и собственно общественных (в данной работе синонимичных термину «социальный»).

При этом даже общеупотребляемое, словарно-справочное значение термина «общественный» предполагает вариативность. С одной стороны, слово «общественный» означает «относящийся к обществу и протекающий в нем, связанный с деятельностью людей в обществе (эндогенное свойство)». С другой стороны, прилагательное «общественный» толкуется как «относящийся к работе по обслуживанию политических, культурных, профессиональных нужд коллектива (экзогенная характеристика)». В таком случае использование прилагательного «общественный» применительно к правовой сфере в связи с его двойственным значением уже подразумевает различное понимание термина «правоотношение», широко интерпретируемого как вид общественного отношения.

На самом деле следует иметь в виду, что человек в процессе своей жизнедеятельности всегда обладает определенным отношением к социальному. В частности, социальная феноменология базируется на аксиоматичном утверждении, что любое отношение человека к окружающему миру является априори социальным, т. е. предполагающим общность времени и пространства с другими людьми. В пространственно-временных параметрах такая социальность проявляется в следующем: «Я, человеческое существо, родившееся в социальном мире и живущее там своей повседневной жизнью, воспринимаю его в опыте, организованном вокруг моего места в нем, открытом моим действиям и интерпретации, но всегда с учетом моей реальной биографически детерминированной ситуации. Во временном измерении в каждый момент моей биографии есть мои “современники”, с которыми

я могу взаимодействовать и реагировать на их действия; “предки”, на которых я не могу воздействовать, но чьи прошлые действия и результаты доступны моей интерпретации и могут воздействовать на мои собственные действия; “потомки”, о которых я ничего не могу знать из опыта, но на которых я могу ориентироваться в своих действиях в более или менее содержательных предвосхищениях будущего (антиципациях)» [9, с. 18]. В соответствии с данным постулатом постановка вопроса о сущности правоотношения должна сводиться не к выявлению его «общественности», а к установлению его динамики и функционального предназначения.

Во-первых, традиционно понимание общественного отношения предполагало его «установленность», т. е. признавалась искусственность построения отношения, обусловленная целенаправленностью деятельности субъектов по вступлению в общественное отношение или внешним воздействием на них для возникновения данного отношения. Однако на самом деле общественные отношения – имманентный признак человека, свойственный его природе. На основании чего необходимо поставить более глобальный вопрос о том, существует ли антипод общественного отношения, т. е. бывают ли между людьми иные, не общественные отношения. Характерно, что уже Ю. И. Гревцов в своей концепции правоотношения доказал, что «существование общественных отношений невозможно объяснить из самих себя, их возникновение не является самоцелью. Они не могут быть оторваны от людей» [1, с. 24]. Аналогичным образом в литературе обнаруживалось отсутствие антипода человеческого поведения, в то время как для действия такая противоположность существовала – бездействие. Тённис в связи с этим утверждал, что нет такого существа, которое могло бы полностью противопоставить себя обществу [10, с. 69].

Даже отказ от общения или умолчание «предполагает включенность лица в ситуацию общения, когда требуется ответить на некоторый поставленный вопрос или высказать свое мнение по некоторому поводу» [11, с. 77–79].

Значит, любой человек, включенный в структуру социальных взаимосвязей, приобретает признаки отнесенности к обществу. Формулировка «общественное отношение», особенно используемая во множественном числе при определении множества «правоотношений», размывает границы термина «правовое отношение», что часто

делает его умозрительным и негативно влияет на его практическую апробацию, а также приводит к нагруженности философского термина юридическим содержанием.

С одной стороны, становится проблематичным признавать определенное множество общественных отношений в качестве правовых в силу того, что они по своему фактическому содержанию не совсем общественные и представляют собой соотнесенность человека не с субъектами, а с объектами окружающего мира (например, правоотношения по реализации технических нормативных правовых актов). С другой стороны, определение правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормой права, приводит к логическому заключению, что любое общественное отношение, урегулированное нормой права, является правовым, что не всегда так, особенно в силу наличия в любой правовой системе ряда неэффективных, мертвых или спящих правовых норм, а также пробелов и иных правовых неопределенностей.

Во-вторых, взаимосвязь людей может присутствовать, но она не всегда получает объективацию, чувственно воспринимаемое материальное проявление (пространственную и временную локализацию) либо не имеет юридического оформления в правоотношении, что часто не разграничивается в классической теории правоотношения. В отличие от теории юридического факта, отделяющей понятие действия от деяния, включающего и бездействие, теория правоотношения не учитывает, что социальная практика изобилует так называемыми «негативными действиями», т. е. сознательным воздержанием от действия, которое не поддается чувственному наблюдению [9, с. 57]. Даже не поднимая проблем реальности духовной (нематериальной) взаимосвязи между людьми, достаточно выделить в качестве иллюстрации реальность правовых связей между супругами, которые длительный период находятся в незарегистрированном браке (отсутствие правоотношения), но совместно воспитывают детей (наличие взаимосвязи и взаимодействия). Либо, наоборот, находясь в зарегистрированном браке (наличие правоотношения), супруги полностью разрывают общение друг с другом (отсутствие брачных отношений как социальной взаимосвязи и взаимодействия).

Иной пример. При заключении договора поручительства поручитель и кредитополуча-

тель часто связаны родственной, дружеской, профессиональной общностью (находятся во взаимосвязи и (или) взаимодействии). Правоотношение поручительства наступает между поручителем и кредитором в результате заключения договора, но реальное взаимодействие поручительства (выполнение поручителем обязанностей должника) может и не наступить, если должник добросовестно выполняет все свои обязательства перед кредитором. А вот для договоров, именуемых в гражданском праве реальными, правоотношение должно возникать одновременно с социальным взаимодействием и последующей взаимосвязью: заключение договора предшествует передаче вещи. Приведенный пример работает в правовой действительности. В правовой реальности обычно происходит обратная последовательность: сначала осуществляется передача вещи, а потом встает вопрос о договорных правоотношениях. В консенсуальных договорах такого совпадения вообще не требуется.

В-третьих, определение правового отношения как разновидности общественного отношения проблематично и со специально-юридических позиций. Категория общественных отношений в настоящее время используется при раскрытии признаков как предмета правового регулирования (предмет правового регулирования – это совокупность общественных отношений), так и правового отношения, что логически влечет вывод об их тождественности или, как минимум, однородности. Однако в юридической практике правовое регулирование как правотворческий или правоприменительный процесс имеет качественно иную природу, темпоральность и пространственную локализацию по сравнению с правоотношением, совпадая лишь в единичных случаях.

Полагаем, что пересмотр теории в указанном направлении и определение соответствующих точных границ терминов «правовое регулирование» и «правовое отношение» автоматически повлечет смену устоявшейся точки зрения о критериях деления системы права на отрасли по предмету и методу правового регулирования, на практике проявляющейся в разделении системы законодательства на иные отрасли, но по сходному предмету правового регулирования. Появится также возможность пересмотра вопроса о первичности правового регулирования перед общественными отношениями.

Однако, даже допуская возможность. но не целесообразность характеристики правового отношения как отношения общественно-го, следует учитывать, что не все связи между людьми могут быть общественными, а тем более правовыми.

ОСНОВАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРАВООТНОШЕНИЯ В РЕАЛЬНОСТИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРАВА

Проникая глубже в смысл термина «правоотношение», раскроем этимологию слова «отношение» в целом, без указания на его общественную принадлежность. В таком случае «отношение» рассматривается как взаимная связь различных величин, предметов, действий или направленность либо как математическая структура, которая формально определяет свойства различных объектов и их взаимосвязи. Данные лингвистические расхождения неслучайны и применительно к характеристике правоотношения наталкивают на следующие выводы, формируемые на уровне не узко-юридических, а междисциплинарных исследований. В таком случае термин «правовое отношение» необходимо рассматривать в двух плоскостях: взаимосвязи между субъектами и внешней формализации взаимодействия между ними.

Для правоотношений правовой реальности отношение проявляется как взаимная связь субъектов, при которой «вступить в отношение, всегда означает проявить общую природу с соотносящимся и обнаружить на этой основе отличие от соотносящегося» Для правовой реальности характерно наличие определенного единства субъектов, в соответствии с концепцией Ф. Тённиса, базирующейся на общности крови, места и (или) духа [10, с. 25]. Из такой общности происходит взаимопонимание: «Все, что соразмерно смыслу того или иного общностного отношения, что имеет смысл в нем и для него, составляет его право, т. е. принимается во внимание как собственная и существенная воля множества связанных друг с другом людей» [10, с. 30–34]. В свою очередь А. Шюц сходную общность именует «мы-группа» и признает принадлежность к ней собственного относительно естественного представления о мире, которое принимается ее членами как нечто само собой разумеющееся [9, с. 558].

Взаимодействие в правоотношении данного модуса бытия строится на основе взаимосвязи,

обусловленной взаимопониманием субъектов. Такие правовые отношения непосредственно состоят из действий людей, преследующих самые различные цели в условиях адаптации к окружающей среде и лишь ориентирующихся на правовые нормы; их возникновение может определяться не обязанностью вступить в правоотношение, но заинтересованностью субъекта права в реализации своих интересов именно через правовые отношения. «Они уже осуществили выборку и проинтерпретировали этот мир в конструктах обыденного мышления повседневной жизни, и именно эти объекты мышления воздействуют на их поведение, определяют цели их действий и доступные средства их достижения, – короче, помогают им сориентироваться в природном и социокультурном окружении и поладить с ним» [9, с. 9].

Данное правоотношение строится на взаимном признании права, а характеристика взаимосвязи с субъектом проявляется в реализации интересов в контексте сосуществования в определенной общности, отношения взаимного настраивания между субъектами. Это отношение устанавливается взаимным участием сторон в потоках переживаний друг друга во внутреннем времени, их совместным проживанием настоящего и переживанием этой совместности как «Мы». Только в этом переживании поведение другого становится значимым для настроенного на него партнера [9, с. 591].

Если говорить о правоотношении как об общественном феномене на уровне правовой реальности, то его социальность обусловлена социальностью знания, информации как основы для интересубъективного взаимодействия. Речь идет о таком знании, которое социально почерпнуто и социально одобрено, т. е. имеет социальное происхождение и авторитетность [9, с. 582], в терминологии Туори, это глубинные структуры права [8]. Сеть социально почерпнутого и социально одобренного знания конституирует внешнюю среду для основного социального отношения [9, с. 583].

В свою очередь нарушения общности вследствие разрушения естественной нормативности, взаимопонимания и взаимосвязи – причина возникновения связи иного, юридического качества. В ней образцы типизированных в правовой реальности конструктов обращаются в стандарты поведения, поддерживаемые уже не традиционными, привычными, а специальными,

юридическими средствами социального контроля, когда право приобретает функцию «защиты ожиданий» [8]. Не случайно при характеристике таких отношений юристы признают, что «субъекты права добиваются удовлетворения интересов, которые в особом порядке признаются и гарантируются государственной властью» [1, с. 24], и Ю. И. Гревцов называет их уже не правовыми, а юридическими.

Другими словами, в правоотношении правовой действительности субъекты осуществляют свои юридические возможности при условии исполнения возложенных на других юридических обязанностей. Юридические отношения имеют обоюдный характер, в них одна сторона может добиться результата, закрепленного в юридическом нормативе, только через «отношение» к другой стороне [1, с. 29]. Характеристика такого правоотношения как общественного проявляется в реализации субъективных прав через выполнение юридических обязанностей, обеспечиваемой посредством реального или потенциального внешнего принуждения.

В юридических правоотношениях взаимного признания права добивается заинтересованный субъект – инстанция (публичное обвинение) и (или) сторона правоотношения (частное обвинение). Социально почерпнутое и социально одобренное знание из правовой реальности заменяется юридическим знанием правовой действительности (знанием норм права), постоянно вынужденно верифицируемым на предмет валидности. От правоприменителя требуется двойная мыслительная операция. С одной стороны, аргумент, на котором основано его решение, должен установить, что социальная информация достаточно широко распространена в обществе, чтобы она способствовала приемлемости его решения. Но, с другой стороны, он должен быть в состоянии продемонстрировать, что он соответствует программе, составленной общей неопределенной концепцией. Эта двойная операция обеспечивает правовую и социальную легитимность конкретной нормы, на которую, по его мнению, судья будет ссылаться как на нормативную информацию. Понятно, что это особенно деликатно, когда общество глубоко разделено по ценностям, поставленным на карту, что делает консенсус невозможным – это «трудные дела»: суд тогда почти обязан принять решение о том, что можно было бы назвать судебным переворотом [12].

Вопрос первичности нормы права или правоотношения

В связи с предложенной интерпретацией двух модусов бытия права и, соответственно, правоотношений, теряет значение дискуссия о первичности правовой нормы или правоотношения. Если ранее в теории версия о первичности правовой нормы или правоотношения строилась на основе выявления прямой причинно-следственной связи (новая правовая норма впоследствии порождает соответствующее ей правоотношение), то на практике невозможно найти в чистом виде прямую корреляцию одной конкретной правовой нормы с аналогичным правоотношением. В предложенной концепции различения правоотношения правовой реальности и правовой действительности, как минимум, потребуются уточнение, в каком модусе бытия проявляется правовая норма, а в каком – правоотношение. Дело в том, что контекстом и факторами осуществления дискуссионной правовой нормы и правоотношения может служить большое количество других (правовых и иных) норм, а также стихийных регуляторов, правовых и иных связей и отношений, которые детерминируют их динамику и трансформацию (различные хронологические, социальные и юридические, нормативные и ненормативные уровни бытия права, определяемые персонально для каждой правовой нормы и правоотношения). Например, обязательство по ношению масок во время пандемии отличается от соответствующей обязанности. В первом случае предполагается самостоятельное социальное действие субъекта по надеванию маски в общественных местах, внутренняя концентрация локуса контроля на самом субъекте, основанные на формирующемся социальном знании об особенностях распространения инфекции и способах защиты окружающих от нее. В этом проявляется правоотношение правовой реальности.

Во втором случае происходит наложение обязанности ношения маски со стороны контрагентов в правоотношении (пассажир в такси просит водителя надеть маску, в противном случае отменяет заказ) или со стороны инстанции. Локус контроля смещается вовне. Реализация права коррелирует с выполнением обязанности. Естественная нормативность дополняется или заменяется юридическими требованиями (правопритязанием или возложением обязанности). Юридические требования

строятся на аргументации, опирающейся на валидные правовые и (или) нормативные правовые акты. Так проявляется правоотношение правовой действительности.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ПРАВООТНОШЕНИЯ

До настоящего времени теория права также не дает ответа на вопрос о разграничении или отождествлении правонарушения и правоотношения. Возможно, в качестве методологической базы поиска путей решения данной проблемы следует также попытаться принять разграничение правовой действительности и правовой реальности.

Правонарушение на уровне правовой реальности основано на нарушении целостности и взаимосвязей общности, утраты взаимопонимания. Его факт может являться или нет основанием для перехода в модус правовой действительности. В определенной степени это обуславливает то, что в современной теории права осуществляется разграничение вины на моральную и уголовную, а также рассматривается и наказание без перекладывания вины [13].

В связи с этим трудно согласиться с Ю. И. Гревцовым, признающим, что «именно вступление в правовое общественное отношение чаще всего является одним из основных и начальных шагов по приведению в действие механизма осуществления права. Невступление в правовое отношение в ситуациях, когда такое предусмотрено или допускается законодательством, может означать с социальной точки зрения только, что человек обратился к иным способам достижения цели, нередко в обход закона и вовсе отказался от использования субъективного права и тем самым не обеспечил возникновения рассматриваемой разновидности социальных отношений» [1, с. 59]. Из данного утверждения следует, что «обход закона» в пользу других социальных норм, а также отказ от субъективного права характеризуется автором исключительно негативно, что может быть оправдано с юридических, но не с социально-правовых позиций. Например, деятельное раскаяние в уголовном праве может быть основанием освобождения от уголовной ответственности, что с формально-юридической точки зрения нарушает принцип неотвратимости ответственности, но с социально-правовой точки зрения может дать возможность преступнику прояв-

лять сопереживание с пострадавшим и пытаться смягчить последствия содеянного в стремлении загладить свою вину. К тому же деятельное раскаяние способствует процессуальной экономии.

Аналогичным образом и отказ от субъективного права может иметь конструктивные социально-правовые последствия. Например, отказ супругов от права заключать брачный договор может быть обусловлен их взаимным признанием собственных обязанностей перед Богом во время венчания и (или) перед родственниками во время регистрации брака. Кроме того, в первом утверждении Ю. И. Гревцова речь идет о реализации права, а во втором – закона, т. е. делается логическая ошибка в виде подмены понятий.

Полагаем, что в приведенном выше тезисе Ю. И. Гревцова опосредованно констатируется две разновидности правоотношений, которые в настоящей работе отнесены к двум модусам бытия права: реальности и действительности.

Правонарушением в правовой реальности является невыполнение взятого на себя обязательства и по своей природе не является нарушением нормы права. Виновный в таком случае может претерпевать внутренние угрызения совести, терпеть репутационные издержки и подвергаться иному воздействию, которое относится к социальной, но не юридической ответственности. В крайнем случае, здесь может идти речь о перспективной юридической ответственности.

Правонарушением правовой действительности можно признать невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей, возложенных на субъекта контрагентом и (или) инстанцией в правоотношении. При этом необходимо признать, что в правоотношении правовой действительности реально имело место такое невыполнение обязанности, при котором произошло неосуществление (не полное осуществление) прав контрагента в правоотношении.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ В РЕАЛЬНОСТИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРАВА

Актуальными примерами правоотношения в правовой реальности можно назвать сложившееся в настоящее время правовое отношение экономики совместного потребления, которое развивается на взаимном доверии и взаимопомощи без юридического определения субъектов и детального опосредования их прав и обязанностей. Его аналогом в правовой действительности можно признать правоотношение аренды.

При этом правовое регулирование, т. е. трансформация таких правовых отношений из правовой реальности в правовую действительность заключается в поиске и выявлении наиболее типичных и устоявшихся общественных отношений пользования чужим имуществом, требующих своего упорядочения, и исключения нетипичных. Однако следует при этом иметь в виду, что возрастание анонимности (свойственное для перехода из правовой реальности в правовую действительность. – И. В.) влечет за собой убывание полноты содержания. Чем более анонимен типизируемый конструкт, тем он более далек от уникальной индивидуальности человека и тем меньше черт его личности и образцов поведения входят в типизацию как релевантные наличным целям, для достижения которых и создан этот тип. [9, с. 20].

В правовой реальности правоотношение проявляется в форме социального действия (дал займы другу, оказал помощь соседу на приусадебном участке, по своей инициативе надел защитную маску в общественном транспорте во время болезни гриппом). Здесь реализация права зависит от правового поведения самого субъекта социального действия, пожелавшего давать займы, осуществлять выполнение работы или защитить близких от вируса, и не находится в жесткой корреляции с деятельностью контрагента. В правовой действительности правоотношение – это юридическое взаимодействие, при котором реализация права возможна путем взаимного выполнения прав и обязанностей в договорных отношениях.

Однако следует отметить, что в таком случае классификация правоотношений на абсолютные и относительные демонстрирует отсутствие некоего теоретического обоснования и не всегда находит свое практическое подтверждение.

В частности, традиционное отнесение правоотношения собственности к виду абсолютных правоотношений находит проявление исключительно в правовой реальности. Но в правовой действительности такое правовое отношение вынужденно трансформируется в относительное. Например, право собственника на купленную квартиру на уровне правовой реальности его повседневной жизни в данной квартире должны обеспечивать все – всякий и каждый обязаны воздерживаться от нарушения данного субъективного права. Но когда этот же собственник начинает сдавать данную недвижимость в аренду,

передавать по наследству или даже заниматься официальной перепланировкой, то его правомочия как собственника существенно ограничиваются конкретными правами других сторон правоотношения и (или) инстанции, по отношению к которым у него появляются обязанности и черты относительного правоотношения.

Учитывая имеющиеся уже готовые языковые конструкции, предусматривающие смысловое различие юридического и правового отношения, а также рассмотренные выше критические замечания по поводу использования термина «общественное отношение» предлагаем называть правоотношения в правовой реальности *социально-правовым действием*, а в правовой действительности – *юридическим взаимодействием*.

Динамика правоотношений правовой реальности и правовой действительности обусловлена специфическими социо-психическими факторами. В правовой реальности механизм регулятивного воздействия основан на том, что английские психологи (Льюис, Ромене) сформулировали как теорему “lapsing intelligence (ошибающийся разум)” [10, с. 148]. В соответствии с ней действия, осуществляемые с участием мышления или, как у животных, с участием определенных актов восприятия или представления, становятся произвольными или бессознательными. Чтобы проявиться, такие действия нуждаются во все менее сильном или все более универсальном раздражителе: «процесс, всеобщее содержание которого состоит в срастании интеллектуальной деятельности с кинетическими импульсами вообще». Подвергая сомнению признание бессознательного в деятельности психически и физически здорового человека в состоянии бодрствования, согласимся в ином: сформулированный выше механизм формирует привычку как вторую натуру по отношению к инстинктам (третьей натурой признается память) [10, с. 155].

Интенциональность правового сознания субъекта правового отношения правовой реальности направлена на обычную реализацию потребностей и интересов при адаптации к окружающей действительности. Необходимость во внешнем контроле за таким поведением отсутствует, локус контроля у субъекта внутрилично сосредоточен. Возникновение и окончание, стадийность правоотношения правовой реальности заранее внешне не заданы, и может быть множество причин рассматривать что-либо

как правовую норму и обязательство. Некоторые из этих причин являются концептуальными, другие – эмпирическими или фактическими, а некоторые являются описательными или нормативными [8].

В свою очередь в правовой действительности субъекты права включаются в ту или иную форму юридического взаимодействия (правового отношения) при наличии «психической склонности обращаться к ней» [1, с. 18]. Еще одним необходимым параметром субъектов является «их обоюдная друг для друга ценность» [4, с. 179], а также возможность взаимного контроля и (или) контроля со стороны инстанции (происходит смещение локуса контроля). Если в правовой реальности субъект предоставлен сам себе, его поведение обусловлено «волевыми формами расположенности, привычки и памяти» [10, с. 189], то его вступление во взаимосвязь с другими на уровне правовой действительности полностью меняет положение дел – с необходимостью появляются «волевые формы осмотристельности, решения и понятия» [10, с. 188]. Условия и пространственно-временные (исковая давность, подведомственность и подсудность и т. д.) границы начала и окончания правового отношения правовой действительности, а часто и его стадийность, заранее формально определены.

Так, у Иоанна Златоуста встречаем замечательное выражение, иллюстрирующее границы локуса контроля в правовой реальности и правовой действительности: «До тех пор пока ты не взойшел в суд, ты полный господин над собой, но как скоро переступишь за его порог, ты же подневольный другого, и сколько бы ни усиливался, не можешь уже располагать собой, как хочешь»¹.

В правовой реальности динамика правоотношения локализована пространственно-временными, статусно-ролевыми и морально-идеологическими границами физической реальности. Кроме нормативного социального воздействия на субъектов таких правоотношений, специфической нормативностью обладают также пространство и время: каждое правоотношение локализовано, имеет определенные физические границы и продолжительность существования. Примечательно, что в настоящее время рассматривается еще один вид нормативности, как нам представляется, имеющей существенное влияние на динамику правоотношений в правовой

реальности. Это нормативность жизни [14], рассматриваемая в концепции витализма. В соответствии с ней свойственная для человеческого сознания нормативность кроется в зародыше жизни, а не относится лишь к социальному миру. Установление социальной нормы свойственно лишь живым организмам, нездоровый человек ограничен в формировании нормативности. На фоне отсутствия физической, химической или механической патологии возможно существование биологической патологии, но даже больной организм может структурировать нормативные отношения со своей средой. Человек как живое существо нормален в данной конкретной среде, как наиболее оптимальном морфологическом и функциональном решении, найденном жизнью в ответ на требования окружающей среды. Норму организм находит, торгуясь со средой. Жизнь постулирует ценности не только в социальной среде, но и в самом организме. Это биологическая нормативность. Если биологическая норма возникает одновременно с соответствующей биологической потребностью, то социальные нормы являются результатом противостояния различных социальных интересов и потребностей. В биологической жизни ценности не навязываются произвольно среде абсолютной субъективностью, но они возникают в «споре» между живым существом и его средой.

Кроме того, учитывая возможности в цифровом пространстве создавать дополненную реальность, необходимо констатировать особую нормированность цифровых правоотношений, обусловленную еще и техническими параметрами трансляции, получения и хранения информации.

В правовой действительности пространственно-временные, статусно-ролевые и морально-идеологические границы правоотношения дополняются юридической нормативностью, которая призвана нивелировать вызванные ограниченностью пространства, а также необратимостью времени столкновения и противоречия. Например, необходимость перехода из реальности в действительность права обусловлена возникающими коллизиями пространственных пределов. Субъект права в правовой действительности стремится изменить (скорректировать) будущее с целью «связать правовые последствия с ходом времени» [15, с. 116]. В иных случаях,

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. URL: https://www.dmdonskoy.ru/sites/default/files/field/file-page/svt_ioann_zlatoust_besedy_na_evangelie_ot_matfeya.pdf

«государство применяет временные координаты для организации и упорядочивания общественных отношений. Делается это и с использованием нормативно-правового регулирования, и с помощью индивидуальных государственно-правовых или административно-правовых актов» [15, с. 116]. Например, правоотношения по договору поручительства в правовой действительности предусмотрены для случаев возникновения гипотетической необходимости отвечать перед кредитором при вероятной невозможности должника в будущем выполнять свои долговые обязанности. В свою очередь аналогичные правоотношения в правовой реальности могут состоять в дружеской или родственной помощи должнику выполнить обязательство.

В отличие от правовой реальности, в правовой действительности языком общения с контрагентом является норма права [4, с. 180]. При наличии такой склонности субъект права становится субъектом юридического отношения, носителем юридических прав и обязанностей. Интенциональность его правового сознания направлена на реализацию содержания правовой нормы и связана с признанием наличия и гарантией реализации субъективного права и (или) юридической обязанности внешней инстанцией, чаще всего, в лице государственных органов и должностных лиц. В таком случае, «ссылаясь на норму права, субъекты избавляют себя от лишних и обременительных объяснений собственной мотивации. И потому норма права приобретает экзистенциально важное значение аксиоматического основания поступка. Воля правомочного субъекта объяснению и правовой оценке не подлежит. Право освобождает человека от говорения на тему собственной состоятельности» [4, с. 180]. При этом признавая справедливость данного выражения, все-таки признаем спорным утверждение, претендующее на роль аксиомы о том, что регулирование посредством юридической нормы всегда «усиливает, утверждает, стабилизирует общественный способ взаимодействия людей» [1, с. 28].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования осуществлена типология правоотношения

по онтологическому признаку бытия в правовой реальности или правовой действительности. В соответствии с ней предлагается изучение правоотношения как социально-правового действия и юридического взаимодействия. Однако следует учитывать, что «при любом социальном взаимодействии в системе внутренних релевантностей каждого партнера остается часть, не разделяемая другим. Отсюда вывод – степень готовности к принятию или непринятию навязывания внутренних релевантностей другого, согласию с ним или сопротивлению ему, видимо, можно было бы с выгодой использовать для классификации разных социальных отношений» [9, с. 566]. В связи с этой установкой типологию правоотношения методологически обоснованно продолжать в схеме определенной референции.

Далее между выделенными типами правоотношения правовой реальности и правовой действительности целесообразно определить границу перехода из первого вида правоотношения ко второму с дальнейшей отраслевой классификацией рассмотренных типов на виды. Эта необходимость обусловлена тем, что понятие «тип» не является независимым, а всегда нуждается в дополнении. Нельзя говорить просто об «идеальном типе» как таковом; мы должны указать схему референции, в которой этот идеальный тип может быть использован, т. е. проблеме, ради которой он был сконструирован [9, с. 90].

Предложенная концепция правоотношения как социально-правового действия и юридического взаимодействия, существующих соответственно в правовой реальности и действительности права, является условной и применимой в чистом виде лишь в познавательных целях. Например, в юридической литературе по проблеме конвенциональности процессуальных актов указывается, что данные акты являются процессуальными действиями с точки зрения судебного разбирательства, и в то же время они выступают актами коммуникации – с точки зрения процесса общения в этих процессах [16]. Так, на практике достаточно часто происходит пересечение или взаимное наложение одного типа правоотношения на другой.

Список литературы

1. Гревцов Ю. И. Правовые отношения и осуществление права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 128 с.
2. Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 27–45.

3. Пермяков Ю. Е. Возможен ли спрос на теорию права: правовые суждения в контексте правовых коммуникаций // Право и государство. 2015. № 3 (68). С. 75–80.
4. Пермяков Ю. Е. Обратная перспектива в философском познании права и практической юриспруденции // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания : материалы междунар. науч. конф. 15–17 нояб. 2007 г. СПб. : Факультет философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 179–181.
5. Jakubiec M. Legal Concepts as Mental Representations // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2021. URL: <https://doi.org/10.1007/s11196-021-09853-7>
6. Максимов С. И. Идея политики права Л. И. Петражицкого и ее современное значение // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания : материалы междунар. науч. конф. 15–17 нояб. 2007 г. СПб. : Факультет философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 69–72.
7. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления : [моногр.]. Харьков : Право, 2002. 327 с.
8. Dyrda A., Gizbert-Studnicki T. The Limits of Theoretical Disagreements in Jurisprudence // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2020. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09795-6>
9. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
10. Тённис Ф. Общество и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2002. 452 с.
11. Мясников А. Г., Мясникова О. А. Право на отказ от общения (Кант и современность) // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания : материалы междунар. науч. конф. 15–17 нояб. 2007 г. СПб. : Факультет философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 77–79.
12. Moor P. Le droit et ses limites: le juridique et le non-juridique // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2020. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09776-9>
13. Porro C. Criminal Blame, Exclusion and Moral Dialogue // Criminal Law and Philosophy. 2021. № 15. P. 223–235. <https://doi.org/10.1007/s11572-021-09563-y>
14. Vissio G. Reasoning in Life: Values and Normativity in Georges Canguilhem // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2020. № 33. P. 1019–1031. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09786-7>
15. Залесский В. В. Фактор времени в гражданских правоотношениях // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 114–121.
16. Gmerek K. Procedural Acts as Double-Conventionalized Acts: Considerations on Conventional Acts Performed in a Courtroom Discourse // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2021. № 34. P. 473–495. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09681-1>

References

1. Grevtsov Yu. I. *Legal Relationships and the Implementation of Law*. Leningrad: Leningrad University Publ.; 1987. 128 p. (In Russ.).
2. Polyakov A. V. Normativity of Legal Communication. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2011;5:27-45. (In Russ.).
3. Permyakov Yu. E. Will the Demand for a Theory of Law Be Possible: Legal Judgments in the Context of Legal Communications. *Law and State*. 2015;3:75-80. (In Russ.).
4. Permyakov Yu. E. Reversible Perspective in the Philosophical Cognition of the Law and Practical Jurisprudence. In: *Philosophy of Law in Russia: Theoretical Principles and Moral Foundations*. Saint Petersburg: Faculty of Philosophy and Political Science, St. Petersburg State University Publ.; 2007. P. 179–181. (In Russ.).
5. Jakubiec M. Legal Concepts as Mental Representations. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2021. <https://doi.org/10.1007/s11196-021-09853-7>
6. Maksimov S. I. L. I. Petrażycki's Idea of the Policy of the Law and Its Modern Meaning. In: *Philosophy of Law in Russia: Theoretical Principles and Moral Foundations*. Saint Petersburg: Faculty of Philosophy and Political Science, St. Petersburg State University Publ.; 2007. P. 69–72. (In Russ.).
7. Maksimov S. I. *Legal Reality: an Experience of the Philosophical Comprehension*. Kharkiv: Pravo Publ.; 2002. 327 p. (In Russ.).
8. Dyrda A., Gizbert-Studnicki T. The Limits of Theoretical Disagreements in Jurisprudence. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2020. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09795-6>
9. Schütz A. *Selected Works: The World Enlightened by the Sense*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ.; 2004. 1056 p. (In Russ.).
10. Tönnies F. *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2002. 452 p. (In Russ.).
11. Myasnikov A. G., Myasnikova O. A. The Right for the Refusal of Communication (Kant and the Contemporary World). In: *Philosophy of Law in Russia: Theoretical Principles and Moral Foundations*. Saint Petersburg: Faculty of Philosophy and Political Science, St. Petersburg State University Publ.; 2007. P. 77–79. (In Russ.).
12. Moor P. Le droit et ses limites: le juridique et le non-juridique. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2020. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09776-9> (In French).
13. Porro C. Criminal Blame, Exclusion and Moral Dialogue. *Criminal Law and Philosophy*. 2021;15:223-235. <https://doi.org/10.1007/s11572-021-09563-y>
14. Vissio G. Reasoning in Life: Values and Normativity in Georges Canguilhem. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2020;33:1019-1031. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09786-7>

15. Zalesskii V. V. Time Factor in the Civil Legal Relationships. *Journal of Russian Law*. 2006;9:114-121. (In Russ.).

16. Gmerek K. Procedural Acts as Double Conventionalized Acts: Considerations on Conventional Acts Performed in a Court-room Discourse. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2021;34:473-495. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09681-1>

Поступила | Received

1.08.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised

16.10.2021

Принята к публикации | Accepted

18.10.2021

ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-413-422

Оригинальная научная статья

Злоупотребление со стороны работодателя правом на управление трудом

Александр Анатольевич Ситников*

✉ alexander0692@mail.ru

*11-я линия Васильевского острова, 38, лит. А,
Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация*

Аннотация. В процессе управления трудом работников не исключена ситуация, когда работодатель использует формально правомерные полномочия в целях причинения работнику вреда, поэтому статья посвящена изучению проблемы злоупотребления со стороны работодателя правом на управление трудом. Цель работы – дать правовую характеристику злоупотреблению работодателем правом на управление трудом при реализации диспозитивных полномочий, определить соотношение категории злоупотребления правом с дискриминацией в трудовых отношениях, установить последствия такого злоупотребления, в случае выявления пробела в правовом регулировании проблемных отношений между работодателем и работниками предложить проект норм, дополняющих Трудовой кодекс РФ, обеспечивающих должную защиту прав и законных интересов работников. Помимо общенаучных (анализ, синтез, аналогия), были использованы и частно-научные методы, такие как формально юридический, системный и сравнительно-правовой. В результате были сделаны следующие выводы. Право на управление трудом состоит из нормативно допустимых полномочий, с помощью которых осуществляется оперативное управление трудом. Реализация формально правомерных полномочий в целях причинения вреда работнику является злоупотреблением правом работодателя на управление трудом, таким образом, конститутивным элементом злоупотребления правом выступает неправомерный мотив работодателя. Не будут злоупотреблением действия, следствием которых является нарушение прав работников: их следует относить к дискриминационным действиям, так как реализация права не может повлечь нарушение другого права. В действующем законодательстве отсутствует механизм защиты работников от злоупотреблений со стороны работодателя. Анализ норм Гражданского кодекса РФ показывает, что злоупотребление правом – это форма недобросовестного поведения, принцип добросовестности является общеправовым, а наличие в Трудовом кодексе РФ норм, предусматривающих специальные последствия недобросовестного поведения сторон трудовых отношений помогло бы в решении выявленной проблемы. Предлагается проект норм, дополняющих Трудовой кодекс РФ, которые призваны обеспечить адекватную защиту интересов работников от злоупотреблений правом со стороны работодателя. Как в трудо-правовой доктрине, так и на практике, существует смешение понятий дискриминации работников и злоупотребления правом со стороны работодателя. С точки зрения теории права необходимо различать данные категории, а законодательство должно содержать адекватные механизмы защиты работников от злоупотребления правом со стороны работодателя.

Ключевые слова: трудовое право; управление трудом; злоупотребление правом; дискриминация; законный интерес; принцип добросовестности.

Для цитирования: Ситников А. А. Злоупотребление со стороны работодателя правом на управление трудом // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 413–422. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-413-422>

Employer's Abuse of the Right to Labour Management

Aleksandr A. Sitnikov**

✉ alexander0692@mail.ru

38, lit. A the 11th line of Vasilievsky Ostrov,
Saint Petersburg, 199178, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the process of employees' labor management, it is possible that the employer uses formally legitimate powers to harm the employee, therefore the article is devoted to studying the problem of employer's abuse of the right to manage labor. Purpose. Give a legal description of the employer's abuse of the right to manage labor in the exercise of discretionary powers, determine the relationship between the category of abuse of the right and discrimination in labor relations, and determine the consequences of such abuse, if a gap is identified in the legal regulation of problematic relations between the employer and employees, propose a draft of norms supplementing the Labor Code of the Russian Federation, ensuring proper protection of the rights and legitimate interests of the employees. Methodology. In addition to general scientific methods (analysis, synthesis, analogy), private scientific methods were also used, such as formally legal, systemic and comparative legal. Results. The right to labor management consists of normative permissible powers, with the help of which the operational management of labor is carried out. The exercise of formally legitimate powers with the aim of harming an employee is an abuse of the employer's right to manage labor, so the employer's unlawful motive is a constituent element of abuse of the right. Actions, the result of which is a violation of the rights of workers, are not an abuse: they should be attributed to discriminatory actions, since the exercise of the right cannot entail a violation of another right. It is concluded that the current legislation does not provide a mechanism to protect employees from abuse by the employer. An analysis of the norms of the Civil Code of the Russian Federation shows that abuse of law is a form of unfair behavior, the principle of good faith is a general legal principle, and the existence in the Labor Code of the Russian Federation of norms providing for special consequences of unfair behavior of the parties to labor relations would help in solving the identified problem. A draft of norms supplementing the Labor Code of the Russian Federation designed to ensure adequate protection of the interests of employees from abuse of rights by the employer is proposed. Conclusion. Both in the doctrine and in practice, there is a confusion of the concepts of employee discrimination and abuse of law by the employer. From the point of view of the theory of law, it is necessary to distinguish between these categories, and the legislation should contain adequate mechanisms to protect employees from abuse of law by the employer.

Keywords: labor law; labor management; abuse of law; discrimination; legitimate interest; principle of good faith.

For citation: Sitnikov A. A. Employer's Abuse of the Right to Labour Management. *Siberian Law Review*. 2021;18(4):413-422. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-413-422> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Одной из характеристик трудовых отношений является их субординационный характер: работодатель управляет трудом работников, а, значит, самими работниками, которые являются подчиненной стороной в трудовых отношениях. Чтобы, с одной стороны, процесс управления трудом был эффективным, а с другой стороны, для ограничения необоснованного вторжения работодателя в область личных прав работников и обеспечения их безопасности и социальной

защиты, трудовое законодательство определяет дозволенные формы и пределы реализации работодателем своей власти, в том числе путем установления конкретных полномочий, которые последний вправе реализовывать в процессе управления трудом. Однако это не исключает ситуации, когда работодатель использует формально правомерные полномочия исключительно с целью причинить вред работнику.

В связи с этим целями нашего исследования являются определение того, какие действия

работодателя можно считать злоупотреблением правом на управление трудом и можно ли разграничить такие категории, как «злоупотребление правом» и «дискриминация», а также выяснение, какие последствия влечет злоупотребление правом на управление трудом. В предмет нашего исследования не входили вопросы, связанные с проблемами доказывания факта злоупотребления при рассмотрении трудовых споров. В работе над статьей, помимо общенаучных (анализ, синтез, аналогия), были использованы и частнонаучные методы, такие как формально-юридический, системный и сравнительно-правовой.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОМ

В связи с неотделимостью трудовой способности от личности работника отношения по управлению трудом представляют собой пример социального управления, неотъемлемым содержанием которого являются отношения субординации [1, с. 11]. Следовательно, право управлять трудом – это право работодателя на реализацию властных полномочий в отношении подчиненных работников в течение всего времени существования трудового отношения между ними. Обладание работодателем данным правом есть следствие реализации конституционного права на свободное занятие не запрещенной законом экономической деятельностью (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ), обеспеченной правом на реализацию полномочий собственника имущества (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ) [2]. Однако работодатель – это частный субъект с интересами, противоположными интересам работников, что приводит к риску злоупотреблений с его стороны. Исходя из этого, государство посредством законодательного регулирования устанавливает ограничения пределов осуществления власти работодателя, на что указывали еще С. А. Иванов [3, с. 6] и А. С. Пашков [4, с. 6]. Поэтому Трудовой кодекс РФ и другие

нормативные акты, регулирующие трудовые отношения, являются формой существования ограничений права работодателя на управление трудом, устанавливающих дозволенные пределы его реализации. Иными словами, все полномочия работодателя, которые даны ему нормативно, являются составными частями права работодателя на управление трудом, а их использование – примеры возможной реализации данного права.

Этот вывод может быть проиллюстрирован практикой Конституционного Суда РФ¹. Так, в постановлении от 24 января 2002 г. № 3-П отмечено: «Указанные конституционные права (ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 35 Конституции РФ. – А. С.) предполагают наличие у работодателя (физического или юридического лица) ряда конкретных правомочий, позволяющих ему в целях осуществления эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом самостоятельно, под свою ответственность принимать необходимые кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала)».

Таким образом, предлагаем понимать под правом на управление трудом объективно необходимую, фактически существующую и юридически гарантированную путем провозглашения на конституционном уровне принципов свободы экономической деятельности и свободы реализации правомочий собственника возможность управления действиями работников в нормативно дозволенных (прямо предусмотренных на нормативном уровне либо не противоречащих конституционным основаниям) видах, формах и пределах, обеспечивающую свободное, беспрепятственное, полноценное и наиболее эффективное занятие социально-полезной деятельностью.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОМ

В научной литературе² [5, с. 147] неоднократно обращали внимание на отсутствие

¹ См., напр.: *По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово* : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 янв. 2002 г. № 3-П // Рос. газ. 2002. 7 февр. ; *По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан* : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 марта 2005 г. № 3-П // Рос. газ. 2005. 23 марта ; *По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Остаева* : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 декабря 2011 г. № 28-П // Рос. газ. 2011. 30 дек.

² Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Расторжение трудового договора (анализ актуальной судебной практики, рекомендации) // Библиотечка «Российской газеты». М. : Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 13. 160 с.

в Трудовом кодексе РФ отдельных положений о злоупотреблении правом в трудовых отношениях и указывали на общеправовой характер принципа запрета на злоупотребление правом³. Данный вывод был также подтвержден практикой высших судебных инстанций⁴. Отметим, что и в иностранной литературе проблема злоупотребления правом нашла отражение: как со стороны работодателя [6, с. 690], так со стороны работников⁵ и профсоюзов [7, с. 72]. Но в доктрине до сих пор нет единого мнения о природе данного явления.

Дискуссия по этому вопросу ведется давно, переключаясь из цивилистической науки в трудовую, и наиболее полный обзор всех существующих мнений по данной проблеме представлен в диссертации Е. М. Офман⁶. Все их можно свести к трем основным позициям. Приверженцы первой относят злоупотребление правом к неправомерным действиям [8]. В соответствии со второй злоупотребление представляет собой правомерную реализацию норм права в противоречии с их назначением и целями [9, с. 484]. Согласно третьей злоупотребление не относится ни к правомерным действиям, ни к правонарушениям [10, с. 65]. Но более важным для целей нашего исследования является вопрос последствий злоупотребления правом. На этот счет в доктрине существуют две точки зрения. Первая состоит в том, что злоупотребление правом может влечь нарушение субъективных прав иных лиц, в соответствии со второй при злоупотреблении нарушения субъективных прав не происходит, в таком случае речь идет лишь о нарушении законных интересов [11, с. 268] либо нравственных принципов общества [12, с. 83], что влечет моральный вред для потерпевшего.

Мы не можем согласиться с тем, что злоупотребление правом является правонарушением и, соответственно, с тем, что злоупотребление влечет нарушение чужих субъективных прав,

по следующим причинам. Действия, выступающие злоупотреблением, представляют реализацию лицом принадлежащего ему права, но с целью причинить вред. Реализация одним лицом права в формально предусмотренных рамках не может нарушить право другого лица, иначе это была бы реализация неправомерных действий, которые не могут быть содержанием права, которым злоупотребляют. Поэтому любое нарушение прав третьих лиц является следствием неправомерных действий, а значит, правонарушение не может быть злоупотреблением правом. В связи с этим при злоупотреблении не нарушается субъективное право иного лица, но его интересам причиняется вред вне области спектра обладаемых прав. Поэтому согласимся с С. А. Бурмистровой, указавшей, что злоупотребление правом образует неправомерный правовой интерес, не подлежащий защите, и одновременно нарушает правовые интересы иных участников правоотношения [13, с. 143].

Таким образом, исходя из предложенного нами определения права на управление трудом, злоупотреблением со стороны работодателя данным правом будут случаи реализации дозволенных полномочий по управлению трудом в целях причинения вреда интересам работников и, как правило, причинения им морального вреда. В связи с этим представляется неверным, когда в качестве примеров злоупотребления правом со стороны работодателя в некоторых научных статьях приводятся случаи мнимого сокращения (когда на место сокращенного работника сразу принимается новый) [14, с. 12] либо уклонения работодателя от оформления трудового договора⁷. Во втором случае работодатель не злоупотребляет правом, а нарушает предусмотренную ч. 2 ст. 67 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) обязанность оформить трудовой договор. Что касается мнимого сокращения, то, как мы видим из практики Верховного

³ Орловский Ю. П., Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Настольная книга кадровика: юридические аспекты / отв. ред. Ю. П. Орловский. 3-е изд. М.: Инфра-М, 2018. 372 с.

⁴ Пункт 4.3 постановления Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 марта 2005 г. № 3-П, п. 27 постановления Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 (О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 // Рос. газ. 2004. 8 апр.).

⁵ Cushman B. The Employer's Handbook 2009-10: An Essential Guide to Employment Law, Personnel Policies, and Procedures. 6th ed. London, Philadelphia : Kogan Page, 2009. P. 226.

⁶ Офман Е. М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 189.

⁷ Пономарева Ю. Приемы самозащиты от... работника // Практическая бухгалтерия. 2019. № 11. С. 50.

Суда⁸, работодатель обладает правом расторгнуть трудовые договоры в связи с сокращением численности или штата работников, когда такое сокращение экономически обоснованно, т. е. работодатель вынужден сократить свои издержки на содержание работников, в то время как сокращение без наличия экономических оснований будет являться правонарушением со стороны работодателя. Поэтому приведенные ситуации представляют не злоупотребление правом, а правонарушение.

На наш взгляд, злоупотреблением правом на управление трудом будут распорядительные действия работодателя, которые, с точки зрения работника, негативным образом выделяют его среди других работников, тем самым причиняя ему моральные страдания либо иные неудобства. Это, например, установление отпуска в неудобное для работника время, невыплата ему премии, не входящей в систему оплаты труда, при выплате остальным членам трудового коллектива, привлечение работника к дисциплинарной ответственности в ситуации, когда несколько работников совершили один и тот же дисциплинарный проступок, а к ответственности привлекается только один. В приведенных примерах права работника не нарушаются: он не лишается права на отпуск; у него нет права на получение бонусной премии, чтобы оно было нарушено; для привлечения к ответственности конкретного работника есть все законные основания. Характер данных действий сразу отсылает нас к такому противоправному явлению, как дискриминация в трудовых отношениях. В связи с чем проведем разграничение категорий «злоупотребление правом» и «дискриминация».

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ДИСКРИМИНАЦИЯ» И «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ»

Дискриминация есть нарушение общеправового принципа равенства всех перед законом и судом, который нашел отраслевое преломле-

ние в трудо-правовых отношениях в ряде норм Декларации Международной организации труда от 18 июня 1998 г. «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» и ТК РФ. Так, из ч. 2 ст. 3 ТК РФ можно вывести легальное определение дискриминации, под которой понимается ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника. В доктрине также немало сказано о дискриминации, но для целей нашего исследования, исходя из того, что мы анализируем распорядительные действия работодателя, остановимся на одном из определений, которое дал В. М. Коншаков применительно к ним: это действия, акты, лишаящие возможности одних и предоставляющие дополнительные возможности другим реализовать те или иные права либо избежать выполнения обязанности или наступления ответственности (нарушение равенства возможностей)⁹.

Таким образом, мы видим, что актами дискриминации со стороны работодателя будут распорядительные действия, направленные на нарушение принципа равенства и нарушающие права работника, т. е. дискриминационные действия – это всегда действия неправомерные, в отличие от действий, являющихся злоупотреблением правом. Однако Конвенция Международной организации труда от 22 мая 1958 г. № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий» дает более широкое понятие дискриминации, отличающееся от содержащегося в ТК РФ, на что неоднократно обращалось внимание в научных кругах [15]. Она называет дискриминацией также всякое различие, исключение или предпочтение, имеющее своим результатом ликвидацию или ограничение равенства обращения в области труда и занятий. И в научной литературе существует устойчивое мнение, что дискриминацией будет не только неравенство, приводящее к нарушению прав, но и в принципе ситуация нарушения равенства

⁸ Заявление в части признания правоотношений между истицей и ответчиком трудовыми удовлетворено, так как обстоятельства, установленные судом, свидетельствуют о сложившихся трудовых отношениях : определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 21 марта 2008 г. № 25-В07-27 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2008. № 10 ; Дело о восстановлении на работе передано для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции, поскольку суд при разрешении спора не учел положения действующего трудового законодательства и не проверил содержание должностных обязанностей экономиста по претензионной работе, а также возможность исполнения истицей этих обязанностей : определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 3 дек. 2007 г. № 19-В07-34. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

⁹ Коншаков В. М. Проблемы конституционализации правового регулирования социально-трудовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2014. С. 86.

в целом, без сопутствующих нарушений прав¹⁰ [16]. К такому же выводу приходит ряд ученых на основе практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) [17, с. 36; 18].

Такое широкое толкование понятия «дискриминация» не совсем верно и приводит к его слиянию с понятием «злоупотребление правом», которое, на наш взгляд, не имеет формы правонарушения. Во-первых, в системном истолковании чч. 1 и 2 ст. 3 ТК РФ дискриминацией являются действия, приводящие к нарушению прав работника, что подтверждается логикой нормы ч. 4 указанной статьи, которая в качестве последствий дискриминации называет восстановление нарушенных прав. Во-вторых, и Конституционный, и Верховный Суд РФ в своих правовых позициях разделяют запрет злоупотребления правом и запрет дискриминации, ссылаясь на них, как на два самостоятельных принципа. Так, Конституционный Суд РФ в п. 4.3. постановления от 15 марта 2005 г. № 3-П прямо перечисляет данные принципы как самостоятельные. О том, что Верховный Суд РФ рассматривает указанные принципы также в качестве самостоятельных, свидетельствуют, например, абз. 3 п. 9 постановления Пленума от 2 июня 2015 г. № 21. В-третьих, хоть и ЕСПЧ отмечает, что дискриминацией выступает ситуация неравного обращения с работниками, но в то же время, он рассматривает жалобу по ст. 14 Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ) о запрещении дискриминации только в сочетании с жалобой на нарушение одного из материальных прав, предусмотренных ЕКПЧ, что подтверждает практика ЕСПЧ¹¹.

Таким образом, нам представляется верным разграничить акты дискриминации и злоупотребления правом по последствиям данных действий: если в результате действий работодателя, направленных на негативное выделение работника среди остальных работников, происходит нарушение прав такого работника – это дискриминация, если нет, то злоупотребление правом. Поэтому приведенные нами ранее примеры

являются реализацией правомерных действий, которые не нарушают прав работников, но мотивы их дискриминационные, поэтому данные действия представляют злоупотребление правом со стороны работодателя.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ НА УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОМ

На сложность реализации защиты потерпевшей стороны от злоупотребления другой стороны трудовых отношений в научной литературе указывалось именно в связи с формально правомерным характером действий последней [19, с. 13]. В связи с общетрасловым характером принципа запрета злоупотребления правом и разъяснениями, данными Верховным Судом в п. 27 постановления Пленума от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» применительно к злоупотреблению правом со стороны работника, общим последствием злоупотребления выступает возможный отказ в судебной защите права, которым сторона злоупотребила. Очевидно, что такой подход будет действенным, когда правом злоупотребляет работник, потому что работодатель, используя свои властные полномочия, по общему правилу, в судебной защите не нуждается. Необеспечение судебной защитой распорядительных действий работодателя, имеющих целью установление неравенства среди работников, никак не защитит интересы последних.

Попробуем найти возможные выходы из данной проблемной ситуации. Для определения действий работодателя как являющихся следствием злоупотребления правом на управление трудом конститутивное значение принимает его мотив: фактически он должен быть дискриминационным. В соответствии с п. 2 ст. 278 ТК РФ работодатель может расторгнуть трудовой договор с руководителем организации в случае принятия уполномоченным органом юридического лица либо собственником решения о расторжении трудового договора с руководителем. Данное

¹⁰ Также см.: Герасимова Е. С., Саурин С. А., Лютов Н. Л. Эффективность защиты от дискриминации в трудовых отношениях по признаку пола в законодательстве и на практике в России : аналитический доклад. URL: <http://trudprava.ru/images/files/research/Discrimination%20on%20grounds%20of%20sex%20in%20labour%20relations%202015.pdf>

¹¹ См., напр.: *По делу «Даниленков и другие против России»* [Danilenkov and others v. Russia] (жалоба № 67336/01) : постановление Европ. суда по правам человека от 30 июля 2009 г. // Рос. хроника Европ. Суда. 2010. № 2 ; *По делу «Молдован и другие против Румынии (№ 2)»* [Moldovan and others v. Romania (no. 2)] (жалобы №№ 41138/98 и 64320/01) : постановление Европ. суда по правам человека от 12 июля 2005 г. URL: <http://www.echr.coe.int> ; *По делу «Бончковский и другие против Польши»* [Baczowski and others v. Poland] (жалоба № 1543/06) : постановление Европ. суда по правам человека от 3 мая 2007 г. // Бюллетень Европ. Суда по правам человека. 2007. № 12.

основание для расторжения трудового договора, в отличие от ситуации с сокращением численности или штата, не требует какой-либо обоснованности: соответствующему лицу просто достаточно принять такое решение [20, с. 97]. Однако Конституционный Суд РФ в постановлении от 15 марта 2005 г. № 3-П указал, что если при принятии решения о расторжении трудового договора с руководителем организации были нарушены принципы недопустимости злоупотребления правом и запрещения дискриминации при осуществлении прав и свобод, то руководитель организации может обратиться за защитой нарушенных прав. Верховный Суд РФ в п. 9 постановления Пленума от 2 июня 2015 г. № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» отметил, что в таком случае увольнение может быть признано незаконным. Мы видим, что в данном случае правовые последствия как для работника, так и для работодателя, в виде признания увольнения незаконным влечет именно неправомерный, дискриминационный мотив последнего при принятии формально правомерного управленческого решения.

Это интересная позиция высших судебных инстанций: незаконными признаются действия работодателя, не нарушающие прав работника, но имеющие цель причинить последнему вред. Выходят ли здесь за нормативно установленные рамки Конституционный и Верховный суды, стремясь защитить интересы работника? Разобраться в данной проблеме мы сможем, обратившись к нормам Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так, п. 1 ст. 10 ГК РФ, давая определение злоупотреблению правом, относит к таковому недобросовестное осуществление гражданских прав. В свою очередь п. 3 ст. 1 ГК РФ в качестве одного из начал гражданского законодательства устанавливает принцип добросовестности. В соответствии с этим можно сделать вывод о том, что принцип запрета злоупотребления правом включает прин-

цип добросовестности субъектов правоотношений, что подтверждается практикой Верховного Суда РФ¹². Мы уже указывали ранее, что принцип запрета злоупотребления правом является общеправовым, и, несмотря на отсутствие соответствующих норм в Трудовом кодексе, его действие полностью распространяется на трудо-правовые отношения, поэтому на основании изложенного можно заключить, что и принцип добросовестности является общеправовым и действует в трудовых правоотношениях. Данный вывод находит поддержку и в научной литературе¹³.

В гражданском праве механизм реализации принципа добросовестности и защиты сторон гражданско-правовых отношений от недобросовестного поведения урегулирован на уровне норм Гражданского кодекса и развит в последующих правовых позициях Верховного Суда, что сделало защиту субъектов гражданского оборота от проявлений недобросовестности других лиц в определенной мере действенной. Механизм защиты здесь не ограничивается лишь отказом в защите права лица, которое злоупотребило правом либо повело себя недобросовестно: если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, в судебном порядке могут быть приняты иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны от недобросовестного поведения другой стороны, например, признание условия, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона соответственно наступившим или ненаступившим; указание, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения; признание сделки, при совершении которой сторона вела себя недобросовестно, недействительной¹⁴.

К сожалению, не такая ситуация в трудовом праве: Трудовой кодекс не содержит ни норм, которые устанавливали бы специальные последствия злоупотребления правом со стороны работодателя, ни норм, обеспечивающих преломление принципа добросовестности сторон в области трудовых отношений. Поэтому работник остается не защищенным

¹² Так, анализ ответа на вопрос № 6, данного в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 г., позволяет сделать вывод, что крайняя форма недобросовестности – это злоупотребление правом (URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/15144/>).

¹³ Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Указ. соч.

¹⁴ Пункт 1 постановления Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Рос. газ. 2015. 30 июня), вопрос 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 марта 2015 г.

от недобросовестных действий работодателя, в том числе, в ситуациях, которые мы приводили в качестве примеров. Однако в указанных ранее постановлениях по вопросу расторжения трудового договора с руководителем организации и Конституционный, и Верховный суды, прямо этого не называя, фактически предлагают способ защиты работника, являющийся релевантным ответом недобросовестным действиям работодателя, применяя иную меру (не отказ в защите права злоупотребившего лица), обеспечивающую защиту интересов добросовестного работника: признание увольнения незаконным. Только в отличие от гражданско-правовых отношений, где все последствия недобросовестного поведения перечислены в ряде норм ГК РФ, в данном случае мы видим пример судебного правотворчества. Поскольку данная позиция формально может быть применима только к случаям увольнения руководителя организации, то как защитить интересы других работников? Приходится констатировать, что в существующей ситуации работники выступают незащищенной стороной от недобросовестных действий работодателя.

На наш взгляд, разрешить данную проблему можно, дополнив содержание Трудового кодекса нормами о запрете злоупотребления правом сторонами трудовых отношений, принципе добросовестности сторон трудовых отношений и последствиях их недобросовестного поведения. Для этого нужно определить, какой механизм защиты в данном случае будет наиболее адекватным. Сделать это мы можем на основе правовых позиций Конституционного и Верховного судов, а также существующего гражданско-правового регулирования. Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что адекватным защитным механизмом в данном случае является отмена, нивелирование тех негативных последствий действий недобросовестной стороны, которыми она хотела причинить вред другой стороне правоотношения. Проиллюстрируем на примерах. Например, несколько работников совершают дисциплинарный проступок, а привлекают к ответственности только одного. Мерой защиты в таком случае будет отмена дисциплинарного взыскания, а не привлечение к дисциплинарной ответственности остальных работников, потому что вред работнику причиняется именно привлечением его к ответственности, а не фактом ненаказанности других. Еще один пример: всем работникам, кроме одного, выплатили премию,

не входящую в систему оплаты труда. Мерой защиты в данном случае будет выплата такой премии обделенному работнику, а не отмена премии всем остальным, так как вред работнику причинен именно невыплатой премии ему, а не выплатой остальным.

Таким образом, предлагаем дополнить ТК РФ статьей следующего содержания:

«Статья 15¹. Пределы осуществления прав сторонами трудовых отношений

При установлении, осуществлении, защите прав и при исполнении обязанностей стороны трудовых отношений должны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны.

Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Не допускается какое-либо злоупотребление правом сторонами трудовых отношений: осуществление стороной трудовых отношений прав исключительно с намерением причинить вред другой стороне трудовых отношений, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное недобросовестное осуществление своих прав и исполнение обязанностей.

В случае несоблюдения работником требований, предусмотренных частью 3 настоящей статьи, суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает работнику в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

В случае совершения работодателем действий, нарушающих требования, предусмотренные частью 3 настоящей статьи, такие действия признаются незаконными, а работодатель обязан устранить все возникшие у работника негативные последствия данных действий. Если следствием данных действий было неполучение работником материального предоставления или его получение в объеме меньшем, чем было предоставлено иным работникам, то работодатель обязан устранить возникшую ситуацию неравенства в фактическом положении работников, предоставив либо увеличив объем соответствующего предоставления».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках проведенного исследования мы дали определение такому понятию, как право работодателя на управление трудом, установив,

что злоупотреблением этим правом будет реализация работодателем нормативно установленных управленческих полномочий в целях причинения работнику вреда. Если же такой вред выражается в нарушении прав работников, то действия работодателя не являются злоупотреблением правом, а представляют собой неправомерные действия. Именно наличие либо отсутствие последствий в виде нарушения прав работников является признаком, по ко-

торому злоупотребление правом отличается от актов дискриминации. Нами также была выявлена проблема, связанная с отсутствием механизма эффективной защиты работников от злоупотреблений со стороны работодателя и предложен вариант ее решения путем введения в ТК РФ норм, определяющих допустимые пределы реализации прав и исполнения обязанностей сторонами трудовых отношений и последствия за их нарушение.

Список литературы

1. Герасимов Б. Н., Чумак В. Г. Социальные технологии в управлении : моногр. Самара : Изд-во СамНЦ РАН, 2014. 396 с.
2. Головина С. Ю. Конституционные принципы и права в сфере труда и их конкретизация в трудовом законодательстве России // Российский юридический журнал. 2015. № 1 (100). С. 132–145.
3. Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П. Советское трудовое право: вопросы теории / отв. ред. С. А. Иванов. М. : Наука, 1978. 368 с.
4. Проблемы правового регулирования труда в развитом социалистическом обществе / под ред. А. С. Пашков. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 257 с.
5. Грабовский И. А., Лилюкова О. С. Злоупотребление правом: правовая категория в трудовых отношениях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 147–150.
6. Bercusson B. European Labour Law. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 752 p.
7. Davies A. C. L. (Anne C. L.). Perspectives on Labour Law. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 257 p.
8. Малейна М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита : моногр. М. : МЗ «Пресс», 2000. 244 с.
9. Милушев Д. Ф. Конструкция «злоупотребление правом» в экономической сфере // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 484–486.
10. Офман Е. М. Правовые последствия злоупотребления правом работодателя и работника // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2010. № 10. С. 64–72.
11. Бирюкова Л. А., Полякова В. А. Злоупотребление правом. Теоретические аспекты // Арбитражные суды: теория и практика правоприменения : сб. ст. к 75-летию Государственного арбитража – Арбитражного суда Свердловской области / отв. ред., сост.: И. В. Решетникова, М. Л. Скуратовский. Екатеринбург, 2006. С. 257–269.
12. Антонов В. Ф. Содержательная характеристика злоупотребления правом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 80–83.
13. Бурмистрова С. А. О применении категории добросовестности при разрешении коллизий интересов // Российский юридический журнал. 2019. № 2 (125). С. 135–143.
14. Акопов Д. Злоупотребление правом сторонами трудового отношения // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2011. № 9. С. 10–15.
15. Lyutov N. Russian Law on Discrimination in Employment: Can it be Compatible with International Labor Standards? // Russian Law Journal. 2016. Vol. 4, № 3. С. 7–50. <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2016-4-3-7-50>
16. Небезина М. В. Запрет дискриминации в сфере трудовых отношений // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 83–90. https://doi.org/10.12737/article_58e39ece856fb2.16965220
17. Сыченко Е. В. Практика Европейского суда по правам человека в области защиты трудовых прав граждан и права на социальное обеспечение : моногр. М. : Юстицинформ, 2014. 140 с.
18. Тимошенко Р. И. Дискриминация и трудовое законодательство // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 11–15.
19. Головина С. Ю. Способы преодоления судами пробелов и иных дефектов трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 11–14.
20. Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Процедурные нормы в механизме правового регулирования трудовых отношений // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 80–99. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.9.7>

References

1. Gerasimov B. N., Chumak V. G. *Social Technologies in Management*. Samara : Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2014. 396 p. (In Russ.).
2. Golovina S. Yu. The Constitutional Principles and Rights at Work and Their Specification in the Labour Legislation of Russia. *Russian Juridical Journal*. 2015;1:132-145. (In Russ.).
3. Ivanov S. A., Livshits R. Z., Orlovskii Yu. P. *Soviet Labour Law: Matters of Theory*. Moscow: Nauka Publ.; 1978. 368 p. (In Russ.).
4. Pashkov A. S. (Ed.). *Problems of Legal Regulation of Labour in the Developed Socialist Society*. Leningrad: Leningrad University Publ., 1984. 257 p. (In Russ.).

5. Grabovskiy I. A., Lilikova O. S. Abuse of the Right: Comparative Analysis of the Civil and Labour Relations. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy Sociology Law*. 2013;23:147-150. (In Russ.).
6. Bercusson B. *European Labour Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 752 p.
7. Davies A. C. L. (Anne C. L.). *Perspectives on Labour Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 257 p.
8. Maleina M. N. *Personal Non-Property Right of Citizens: Concept, Implementation, Protection*. Moscow: MZ «Press» Publ., 2000. 244 p. (In Russ.).
9. Milushev D. F. Construct of “Abuse of Right” in the Economic Sphere. *Juridical Techniques*. 2013;7(2):484-486. (In Russ.).
10. Ofman E. M. Legal Consequences of the Abuse of Law of the Employer and Employee. *Human Resource Officer: Labour Law for the Human Resource Officer*. 2010;10:64-72. (In Russ.).
11. Reshetnikova I. V., Skuratovskii M. L. (Eds.). Biryukova L. A., Polyakova V. A. Abuse of Law. Theoretical Aspects. In: *Arbitration Courts: Law Enforcement Theory and Practice*. Yekaterinburg, 2006. P. 257–269. (In Russ.).
12. Antonov V. F. Substantial Characteristic of Abuse of the Right. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018;1:80-83. (In Russ.).
13. Burmistrova S. A. On the Application of Good Faith in the Resolution of Conflicts of Interest. *Russian Juridical Journal*. 2019;2:135-143. (In Russ.).
14. Akopov D. Abuse of Law by the Parties to the Legal Relationship. *Kadrovik. Trudovoe pravo dlya kadrovika*. 2011;9:10-15. (In Russ.).
15. Lyutov N. Russian Law on Discrimination in Employment: Can it be Compatible with International Labor Standards? *Russian Law Journal*. 2016;4(3):7-50. <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2016-4-3-7-50>
16. Nevezhina M. V. Prohibition of Discrimination in the Sphere of Labor Relations. *Journal of Russian Law*. 2017;4:83-90. https://doi.org/10.12737/article_58e39ece856fb2.16965220 (In Russ.).
17. Sychenko E. V. *Practice of the European Court of Human Rights in the Area of Protection of the Citizens' Labour Rights and Right to Social Security*. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2014. 140 p. (In Russ.).
18. Timoshenko R. I. Discrimination and Labor Legislation. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2017;3:11-15. (In Russ.).
19. Golovina S. Yu. Means of Overcoming Gaps and Other Labor Law Defects by Courts. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2018;4:11-14. (In Russ.).
20. Nurtidinova A. F., Chikanova L. A. Procedural Rules in the Mechanism of Legal Regulation of Labor Relations. *Journal of Russian Law*. 2019;9:80-99. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.9.7> (In Russ.).

Поступила | Received
27.08.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
11.10.2021

Принята к публикации | Accepted
11.10.2021

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.9

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-423-432

Оригинальная научная статья

Принципы и значение уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде

Екатерина Закариевна Сидорова*

✉ ketrik6@mail.ru

Ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074, Российская
Федерация

Аннотация. Современная отечественная система образования развивается и совершенствуется. Вместе с тем она часто остается не защищенной от различного рода угроз и опасностей криминального характера. Особую тревогу вызывает преступность обучающихся, которые, как показывает практика, нередко совершают противоправные деяния, направленные против иных участников образовательных отношений. Представляется, что важный профилактический потенциал в данном аспекте имеет формирование и развитие уголовной политики в области превенции всех существующих криминальных явлений в сфере образования. Автор раскрывает общие и специальные принципы уголовной политики в указанной сфере общественных отношений. К общим принципам он относит принципы законности, справедливости, гуманизма, равенства граждан перед законом, демократизма, а также принцип неотвратимости ответственности при реализации уголовной политики. К специальным принципам уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде отнесены принципы: соответствия задач, полномочий и ресурсов; опережающего характера стратегических решений; научности; комплексности; соответствия нравственности; целеустремленности; сочетания единоначалия и коллегиальности. Анализ указанных принципов показал, что в настоящее время они часто нарушаются в ходе реализации уголовной политики. Однако автор полагает, что такие нарушения неизбежны, поскольку, стремясь соблюсти один принцип, государство в определенной части нарушает второй. В целом уголовная политика находит отражение в первую очередь в действующих нормативных правовых актах. Отмечается, что уголовной политике в сфере образования уделяется достаточно большое внимание, однако по-прежнему отсутствует единая государственная стратегия развития данного направления. Основная цель уголовной политики в области предупреждения преступности в образовательной среде заключается, по мнению автора, в том, чтобы воздействовать на криминальные явления путем разработки теоретических идей, направленных на противодействие и предупреждение преступности. Отмечается, что современная уголовная политика России формируется по двум направлениям. Первое заключается в совершенствовании законодательства, а второе подразумевает формирование и совершенствование криминологии, раскрывающей природу оснований преступности и разрабатывающей меры ее предупреждения. Представляется, что развитие данных направлений, как и иные научные исследования в области уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде, будет способствовать выработке единой государственной системы профилактики всех существующих криминальных явлений в сфере образования.

Ключевые слова: уголовная политика; криминологическая безопасность; принципы уголовной политики; система образования; профилактика преступности в образовании; криминологическая превенция.

Для цитирования: Сидорова Е. З. Принципы и значение уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 423–432. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-423-432>

© Сидорова Е. З., 2021

* Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3477-3816>

Original scientific article

Principles and Significance of Criminal Policy in the Field of Crime Prevention in the Educational Environment

Ekaterina Z. Sidorova**

✉ ketrik6@mail.ru

Lermontov str., 110, Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The modern domestic education system is developing and improving. At the same time, it often remains unprotected from various kinds of threats and dangers of a criminal nature. Of particular concern is the criminality of students, who, as practice shows, often commit illegal acts directed against other participants in educational relations. It seems that the formation and development of criminal policy in the field of prevention of all existing criminal phenomena in the field of education has an important preventive potential in this aspect. In this article, the author reveals the general and special principles of criminal policy in this sphere of public relations. The author refers to the general principles of legality, justice, humanism, equality of citizens before the law, democracy, as well as the principle of the inevitability of responsibility in the implementation of criminal policy. In turn, the special principles of criminal policy in the field of crime prevention in the educational environment include: the principle of matching tasks, powers and resources; the principle of the proactive nature of strategic decisions; the principle of scientific; the principle of complexity; the principle of compliance with morality; the principle of purposefulness; the principle of combining unity of command and collegiality. The analysis of the implementation of these principles has shown that at present, oddly enough, they are often violated during the implementation of criminal policy. However, the author believes that such violations are inevitable, since, in an effort to comply with one principle, the state to a certain extent violates the second one. In general, the criminal policy is reflected primarily in the existing normative legal acts. The analysis of these acts shows that at the present time a lot of attention is paid to the criminal policy in the field of education, but there is still no unified state strategy for the development of this area. The main goal of criminal policy in the field of crime prevention in the educational environment, according to the author, is to influence criminal phenomena by developing theoretical ideas aimed at countering and preventing crime. The author notes that the modern criminal policy of Russia is formed in two directions. The first direction is to improve legislation, and the second direction implies the formation and improvement of criminology, which reveals the nature of the grounds of crime and develops measures to prevent it. It seems that the development of these areas, as well as other scientific research in the field of criminal policy in the field of crime prevention in the educational environment, will contribute to the development of a unified state system for the prevention of all existing criminal phenomena in the field of education.

Keywords: criminal policy; criminological security; principles of criminal policy; education system; crime prevention in education; criminological prevention.

For citation: Sidorova E. Z. Principles and Significance of Criminal Policy in the Field of Crime Prevention in the Educational Environment. *Siberian Law Review*. 2021;18(4):423-432. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-423-432> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время среди специалистов в области криминологической и уголовно-правовой науки нет единого мнения о том, что следует понимать под термином «уголовная политика». Отсутствует также определение понятия «уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде». Ранее проведенные ис-

следования показали, что под последним из указанных терминов можно понимать целенаправленную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, ориентированную на борьбу с преступностью, проявляющейся в сфере образования, а также иными негативными социальными явлениями криминального и криминогенного характера в данной

© Sidorova E. Z., 2021

** Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3477-3816>

области общественных отношений (коррупция, экстремизм, скулшутинг, склонение обучающихся к суицидальному поведению и т. д.). [1, с. 263].

К сожалению, сфера образования, как показывает практика, остается сегодня очень уязвимой и подверженной влиянию различных негативных факторов, носящих часто криминальный характер. Подтверждением тому выступает недавний трагический случай скулшутинга, произошедший в мае 2021 г. в Казани, когда школьник совершил массовое убийство учащихся и педагогов. Подобные проблемы актуализируют необходимость выработки единой государственной уголовной политики, направленной на предупреждение преступности в образовательной среде.

Любая государственная политика строится на определенных принципах. Уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде также не является исключением.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В научной литературе отмечается, что любой принцип представляет собой основополагающее начало, фундамент норм, составляющих любой закон, и требует корректной интерпретации [2, с. 74].

В связи с этим можно обоснованно утверждать, что основой противодействия преступности служат принципы уголовной политики, которые выделяются при определении стратегических и тактических направлений, а также влияют на правоприменительную практику. Это основополагающие идеи деятельности государства в лице его органов и их должностных лиц в сфере охраны благ и законных интересов, являющихся наиболее важными для личности, общества и государства, от преступных посягательств [3, с. 66].

Принципы уголовной политики определяют:

- 1) направления противодействия преступности;
- 2) перспективы охраны общественных отношений от преступных посягательств.

Однако в научной литературе по данному вопросу нет единства мнений. Профессор С. С. Босхолов отмечает, что в данных принципах концентрируется и выражается сама уголовная политика [4, с. 32]. Большинство

ученых-правоведов считают, что принципы уголовной политики не тождественны принципам уголовно-правовой политики и принципам уголовного права. Однако в научной литературе можно встретить мнение, что принципы уголовной политики и уголовно-правовой политики идентичны [5, с. 31].

Несомненно, принципы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права и принципы уголовной политики тесным образом пересекаются. Последние выкристаллизовывались из уголовного права. И вместе с тем, не вдаваясь в научную полемику, отметим, что считаем целесообразным не отождествлять данные принципы и раскроем те, которые характерны именно для уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде.

В юридической литературе пользуется популярностью разделение всех правовых принципов либо на общие и частные, либо на общие, межотраслевые и отраслевые¹. Вместе с тем главная задача заключается не только в том, чтобы представить правильную классификацию принципов уголовной политики, но и раскрыть их содержание.

Доктрина уголовного права делит принципы на общие и специальные. Общие находят отражение в большинстве нормативных правовых актов, принимаемых на федеральном уровне. Если вести речь об уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законах, то они служат тому подтверждением. К *общим* принципам уголовной политики в указанной нами сфере следует относить:

- 1) принцип законности в уголовной политике;
- 2) принцип справедливости уголовной политики;
- 3) принцип гуманизма уголовной политики;
- 4) принцип равенства граждан перед законом при реализации уголовной политики;
- 5) принцип демократизма в уголовной политике;
- 6) принцип неотвратимости ответственности при реализации уголовной политики.

К *специальным* принципам уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде можно отнести:

- 1) принцип соответствия задач, полномочий и ресурсов;

¹ Ревин В. П., Жариков Ю. С., Ревина В. В. Уголовная политика : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020. С. 16.

- 2) принцип опережающего характера стратегических решений;
- 3) принцип научности;
- 4) принцип комплексности;
- 5) принцип соответствия нравственности;
- 6) принцип целеустремленности;
- 7) принцип сочетания единоначалия и коллегиальности.

В научной литературе можно встретить различные мнения относительно принципов уголовной политики. Некоторые авторы в качестве самостоятельных принципов выделяют принцип ответственности органов и должностных лиц за принятие (непринятие) должного решения, направленного на реализацию правового предписания в области уголовной политики; принцип международного сотрудничества и взаимопомощи в борьбе с преступностью; принцип обеспечения общественной и национальной безопасности и др. Наша задача заключается в том, чтобы понять сущность уголовной политики, поэтому рассмотрим принципы более подробно.

Анализ общих принципов уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде

1. *Принцип законности в уголовной политике.* Данный принцип предполагает соответствие деятельности уголовной политики Конституции Российской Федерации, законам, подзаконным актам и управленческим решениям. Выражается также в соответствии вновь принимаемых норм уже существующим [6, с. 13]. Правоприменитель должен руководствоваться только нормой закона при принятии решения (ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Но если правоприменитель должен руководствоваться только нормой закона, а УК РФ является единственным источником уголовного права, почему суды при принятии решения руководствуются положениями постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации? Разумеется, Верховный Суд России обладает высшими полномочиями относительно деятельности нижестоящих судов. И такой подход даже оправдан, поскольку реализует принцип справедливости за счет формирования единообразного подхода к разрешению подобных дел. Однако с формально-юридической точки зрения нарушается принцип законности, поскольку правоприменитель ориентируется не только на норму закона,

но и на разъяснение относительно ее применения, положение о недопустимости применения закона по аналогии, ставится также под сомнение утверждение об отсутствии в Российской Федерации системы судебного прецедента.

2. *Принцип справедливости уголовной политики.* Он выражается в обоснованности решений законодателя и правоприменителя, их соотносимости с ранее принятыми решениями, ситуацией в государстве. Кроме того, принцип справедливости означает, что суд при назначении наказания должен руководствоваться не эмоциями, не чувством мести, а объективной оценкой как совершенного преступления, так и личности виновного лица. Однако, к сожалению, принцип справедливости не всегда соблюдается. Полагая, нарушением принципа справедливости можно назвать уголовно-правовое послабление для субъектов предпринимательской деятельности, а также такое основание освобождения от уголовной ответственности, как освобождение в связи с назначением судебного штрафа (напомним, виновный освобождается от уголовной ответственности в предусмотренных законом случаях, если имеет возможность выплатить судебный штраф, в случае отсутствия такой возможности данное основание не рассматривается). Подобное же утверждение, на наш взгляд, применимо к уголовно-процессуальной мере – освобождению из-под стражи под залог.

3. *Принцип гуманизма уголовной политики.* Данный принцип закреплен в ст. 2 Конституции России и ст. 7 УК РФ. Выражается в недопустимости применения унижающих человеческое достоинство и приносящих страдание наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, в соблюдении прав граждан даже в случае совершения ими преступления и применения к ним в связи с этим уголовно-правовых мер. Вместе с тем принцип гуманизма нарушается существованием в уголовном законе такого вида наказания, как смертная казнь. Несмотря на то что на применение смертной казни наложен мораторий, само существование данного пункта в ст. 44 УК РФ представляется вступающим в противоречие со ст. 7 УК РФ.

4. *Принцип равенства граждан перед законом при реализации уголовной политики.* Данный принцип закреплен в ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации и нашел свое отражение в ст. 4 УК РФ. Несмотря на свою «статусность», в демократическом государстве

и современном развитом обществе, где человек независимо от его происхождения и других факторов признается высшей ценностью, этот принцип также нарушается рядом нормативных предписаний. Разумеется, «исключения из правила» могут быть аргументированы, что не исключает возможности называть их нарушениями. Такие нарушения проявляются в нормах об уже упоминавшемся ранее судебном штрафе, об экономических послаблениях, но самое яркое выражение они находят в положении о дипломатическом иммунитете (ч. 4 ст. 11 УК РФ).

5. *Принцип демократизма в уголовной политике.* Данный принцип подразумевает прежде всего широкое участие граждан и их объединений в реализации задач уголовной политики. Для укрепления государственности и правовых основ общественной жизни необходимы как прямое участие граждан, так и их воздействие на деятельность государственного аппарата, правоохранительных органов с помощью гласности и максимально возможной открытости этой деятельности. Необходим мониторинг, учет общественного мнения и развитие гражданского контроля. Государство самостоятельно определяет основные направления борьбы с преступностью, однако в этой деятельности должно в той или иной мере принимать участие и общество, его представители. Усилия государства в решении данного вопроса могут увенчаться успехом только при взаимодействии всех институтов гражданского общества и каждого гражданина в частности. Данной позиции придерживается большинство криминологов всего мира, что нашло отражение в ряде резолюций ООН [7, с. 16].

6. *Принцип неотвратимости ответственности при реализации уголовной политики.* Названный принцип подразумевает, что каждое лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, должно понести за него ответственность. В этом случае реализация принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление требует эффективной работы правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Кроме того, рассматриваемый принцип, на наш взгляд, включает также ответственность органов и должностных лиц за принятие (непринятие) решения, направленного на реализацию правового предписания в области уголовной политики. Как уже было сказано, некоторые авторы называют данный принцип в качестве самостоятельного. В этом случае речь идет о том,

что деятельность субъектов уголовной политики заключается в выполнении возложенных на них обязанностей, для чего они (субъекты) наделяются определенными правами. Нарушение баланса прав и обязанностей органов и должностных лиц в сторону произвольного сужения или расширения круга полномочий приводит к нарушению как данного принципа, так и других (законности, гуманизма, демократизма), что противоречит социальным интересам и запросам.

АНАЛИЗ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

1. *Принцип соответствия задач, полномочий и ресурсов.* Названный принцип подразумевает, что все принимаемые в рамках реализации уголовной политики меры должны быть теоретически обоснованы и внедрены с учетом имеющегося потенциала их реализации. В отсутствие такового разработка уголовно-правовых мер, пусть и теоретически весьма эффективных, станет бесполезной и бессмысленной. Кроме того, если перед правоохранительными органами ставятся новые задачи в сфере борьбы с преступностью, следует предусматривать расширение их полномочий путем внесения изменений и дополнений в нормативные правовые акты и выделение необходимых ресурсов. Иными словами, задачи должны быть соотнесены с имеющимися возможностями и реальной ситуацией в сфере борьбы с преступностью. В противном случае, как показывает практика, попытка возложить на субъекты уголовной политики дополнительные задачи без наделения их необходимыми полномочиями, организационно-штатными, финансовыми и материальными ресурсами приведет к выполнению такими субъектами своей работы некачественно, низкоэффективно, поскольку такой субъект не сможет выполнить ее качественно в силу своей перегрузки и отсутствия возможностей. И в этом случае очень важной задачей уголовной политики является разработка методики расчетов согласования возложенных задач, полномочий и ресурсного обеспечения, необходимых для выполнения новых и старых задач.

2. *Принцип опережающего характера стратегических решений.* В научной литературе можно встретить различные определения термина «стратегия» [8, р. 26–37]. В целом, исходя из данного принципа, первоочередной

задачей, как отмечается во всех документах стратегического планирования, принимаемых на федеральном уровне, является предупреждение преступности либо, в случае «нанесения удара», – незамедлительная ответная реакция имеющимися в арсенале средствами. К сожалению, как показывает практика, уголовно-правовые меры следуют за новыми формами преступности, а не наоборот (вспомним мошенничество с использованием электронных средств платежа, склонение к самоубийству). Это логично, поскольку не всегда возможно спрогнозировать направление развития преступности, а тем более – определить ее возможные формы. Стратегические решения, разрабатываемые субъектами уголовной политики, в том числе МВД России, и изложенные в приказах, директивах на предстоящий год и на перспективу, предполагают возможность разработки и принятия именно опережающих решений.

3. *Принцип научности.* Он подразумевает, что при разработке стратегии и тактики борьбы с преступностью, в том числе в сфере образования, следует исходить из объективного положения дел и реальных возможностей для обеспечения эффективного результата в борьбе с преступностью. Некоторые необдуманные, поспешные решения законодателя об отнесении деяний к кругу преступных и уголовно наказуемых влияют на нестабильность преступности, а значит, и бороться с данным негативным явлением становится сложнее. В тех случаях, когда без достаточных научных обоснований криминализуются или декриминализуются те или иные формы противоправного поведения, отвлекаются людские и материальные резервы и, как следствие, снижается эффективность проводимой уголовной политики. На стадии правоприменения соблюдение этого принципа позволяет определить основные направления борьбы с преступностью, сделать наиболее точный прогноз криминальной ситуации на той или иной территории, оптимизировать средства и ресурсы для противодействия криминальным и криминогенным явлениям, осуществлять управление процессами воздействия и контроля над преступностью.

4. *Принцип комплексности.* Данный принцип основан на том, что предусмотренные законом меры и средства противодействия преступности и иным противоправным явлениям, существующим в образовательной среде, необходимо применять последовательно, системно и в совокуп-

ности. Кроме того, при реализации уголовной политики важно согласовывать деятельность всех соответствующих субъектов как по вертикали, так и по горизонтали власти. Важно, чтобы каждый субъект действовал самостоятельно в пределах имеющихся полномочий, однако учитывал идею достижения общей цели.

5. *Принцип соответствия нравственности.* Данный принцип подразумевает допустимость и оправданность постановки и достижения в уголовной политике только таких целей и использования только таких средств, которые соответствуют нормам нравственности. Нравственность и культура являются фундаментом политики государства в целом и уголовной политики в частности. Именно от уровня культуры и нравственности в социуме зависит характер и содержание уголовной политики, характер и содержание ее реализации.

6. *Принцип целеустремленности.* Он подразумевает, что для борьбы с преступностью необходима мобилизация всех ресурсов, поскольку без этого невозможно достижение стратегической цели. Уголовная политика и ее отдельные направления должны формироваться и реализовываться в соответствии с принципом целеустремленности. Большое значение в обеспечении безопасности от криминальных посягательств (угроз) также имеют общество в целом и его отдельные граждане. В научной литературе отмечается, что таких угроз существует большое количество [9, р. 257–278]. И здесь важна общественная позиция и готовность социума поддерживать правоприменителя в вопросе борьбы с криминальными и криминогенными явлениями в образовательной среде, который действует в соответствии с законом.

7. *Принцип сочетания единоначалия и коллегиальности.* Названный принцип подразумевает, с одной стороны, наличие личной ответственности руководителя за принятие решений и организацию исполнения решения при реализации уголовной политики. С другой стороны, элемент коллегиальности обеспечивает обоснованность принимаемых решений в области противодействия преступности и иным криминальным явлениям в образовании.

Нами уже было отмечено, что принципы уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде, как общие, так и специальные, нарушаются в ходе реализации уголовной политики. Однако позволим себе

предположить, что такие нарушения неизбежны, поскольку, стремясь соблюсти один принцип, государство в определенной части нарушает второй.

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ**

В целом уголовная политика находит отражение в первую очередь в действующих нормативно-правовых актах. В связи с этим можно с уверенностью говорить о том, что в настоящий период уголовной политике в сфере образования уделяется достаточно большое внимание, что подтверждается положениями, закрепленными в действующих нормативных актах, в таких как Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы², федеральные законы³, указы Президента Российской Федерации⁴, постановления Правительства Российской Федерации⁵ и иные, а также в правовых предписаниях Конституционного Суда Российской Федерации⁶, Верховного Суда Российской

Федерации⁷ по некоторым видам дел отражено возрастание роли уголовной политики.

Можно говорить о том, что основная цель уголовной политики в области предупреждения преступности в образовательной среде – это воздействие на криминальные явления путем разработки теоретических идей, направленных на противодействие и предупреждение преступности. Государственная функция заключается в борьбе с преступностью, которая несет угрозу безопасности социума и государства в целом и системе образования в частности, уголовно-правовыми средствами. Кроме того, целью уголовной политики является создание уголовно-правовой основы, в качестве которой выступает уголовное законодательство. Взаимодействие уголовной политики и уголовного законодательства подчеркивает приоритетность уголовного закона при осуществлении мер уголовно-правового воздействия.

Проводимая правовая реформа в сфере законодательной регламентации борьбы с преступностью подчеркивает принципиальное значение таких действующих законодательных актов, как Уголовный, Уголовно-процессуальный

² См., напр.: *О судебной системе Российской Федерации* : федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. федер. конституц. закона от 30 окт. 2018 г. № 2-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1 ; 2018. № 45, ст. 6823 ; *О Правительстве Российской Федерации* : федер. конституц. закон от 6 нояб. 2020 г. № 4-ФКЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

³ См., напр.: *О полиции* : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. федер. закона от 6 февр. 2020 г. № 12-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900 ; 2020. № 6, ст. 591.

⁴ См., напр.: *О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью* : указ Президента Рос. Федерации от 18 апр. 1996 г. № 567 (в ред. Указа Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2019 г. № 640) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1958 ; 2020. № 1, ч. 1, ст. 7 ; *О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»* : указ Президента Рос. Федерации от 21 июля 2010 г. № 925 (в ред. указа Президента Рос. Федерации от 15 янв. 2020 г. № 13) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 30, ст. 4070 ; 2020. № 3, ст. 243.

⁵ См., напр.: *О Правительственной комиссии по профилактике правонарушений* : постановление Правительства РФ от 28 марта 2008 г. № 216 (в ред. постановления Правительства Рос. Федерации от 15 окт. 2008 г. № 763) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 14, ст. 1410 ; *Об утверждении Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации* : постановление Правительства Рос. Федерации от 20 июня 2011 г. № 485 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 26, ст. 3808.

⁶ См., напр.: *По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других* : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 апр. 2006 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 18, ст. 2058 ; *По делу о проверке конституционности примечания 2 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Скородумова Дмитрия Анатольевича* : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 янв. 2001 г. № 1-О // Вестн. Конституц. Суда Российской Федерации. 2001. № 3.

⁷ См., напр.: *О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 (в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 18 дек. 2018 г. № 43) // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2016. № 2 ; 2019. № 2 ; *О судебной практике по делам о взыскании и об иных коррупционных преступлениях* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 дек. 2019 г. № 59 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2013. № 9 ; 2020. № 3.

и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации, призванных обеспечивать успешную деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

В целом обращение к действующей в нашей стране уголовной политике в области предупреждения преступности в образовательной среде актуально и объясняется тем, что экономико-социологические изменения, происходящие в России, обязывают государство и его правоохранительные органы принять ряд мер по борьбе с преступностью. Поэтому роль уголовной политики на сегодняшний день возросла, так как уголовно-политические решения являются важным и актуальным средством стабилизации общества и системы образования. Необходимо исследовать конкретные правовые проблемы современной российской уголовной политики. На протяжении многих лет уголовную политику воспринимали в совокупности решений власти, которые направлены на борьбу с преступностью и отличаются свободой закрепления в законодательстве.

Основные причины возрастания роли уголовной политики в области образовательных отношений заключается в следующем:

1) существенное влияние преступности на сферу образования. Например, на систему образования крайне негативно влияют коррупция и недобросовестные доходы участников образовательных отношений;

2) изменение системы базовых ценностей из-за социальных преобразований. Так, коллективизм вытесняется индивидуализмом, что приводит к неправомерному поведению граждан;

3) постоянные изменения и нестабильность в сфере образования, экономике, социальной сфере, культуре, политике, в результате чего возникает недоверие к власти, экстремизм и правовой нигилизм;

4) изменение некоторых критериев оценки деятельности правоохранительных органов.

Концепции обеспечения правопорядка в сфере противодействия преступности в России, в том числе в сфере образования, формируются по двум направлениям:

1) проведение исследований в сфере уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного права;

2) формирование и совершенствование криминологии, раскрывающей природу оснований преступности и разрабатывающей меры ее предупреждения.

Основными направлениями уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде является защита жизни, здоровья, чести и достоинства личности участников образовательных отношений, закрепленных в Конституции России прав и свобод человека и гражданина, собственности, безопасности в сфере образования, мира и безопасности человечества. Уголовная политика в целом способствует поддержанию стабильности государства, проведению оптимальной социально-экономической стратегии России, развитию предпринимательства. Уголовная политика воплощает активное противодействие преступности, в том числе в сфере образования, содействует позитивным интегративным процессам и формированию гражданского общества. Проведение эффективной уголовной политики выступает как вспомогательное средство российской государственности.

Обозначая этапы формирования уголовной политики, следует заметить, что они совпадают с выделяемыми в истории основными этапами развития общества, поскольку с образованием государства неизбежной стала и разработка репрессивно-карательных и воспитательных мер воздействия на нарушителей общественного уклада. Если вести речь о России, то формирование уголовной политики в нашем государстве можно разделить на три крупных этапа: досоветский, советский и постсоветский.

Досоветский этап характеризуется разрозненностью нормативных предписаний, иногда отсутствием их четкого оформления, «наращиванием» уголовно-правового потенциала.

Советский период отличается ярко выраженными карательно-репрессивными мерами, когда даже целью наказания согласно уголовному закону считалась именно кара как таковая.

Постсоветский период представлен современным уголовным законом, постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации. На современном этапе основными направлениями уголовной политики можно назвать либерализацию в сфере регулирования экономических отношений уголовно-правовыми средствами, ужесточение ответственности за преступления террористического характера, закрепление возможности для более широкого круга лиц исправиться и понести ответственность за преступление без назначения наказания или без реального его отбывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что уголовная политика в сфере предупреждения преступности в системе образования должна основываться на деятельности государства, направленной на поддержание правопорядка в образовательной среде, чему будет способствовать эффективное функционирование правоохранительной системы, совершенствование законодательства в области разъяснения порядка применения установленных норм и обеспечения качественного и эффективного их исполнения. Данная деятельность осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях методами, средствами и в формах, соотносимых с административными и экономическими ресурсами государства и влиянием на внутреннюю политику государства мирового сообщества.

Большое количество субъектов, задействованных в реализации уголовной политики, позволит разработать и представить классификацию данных субъектов, однако это, по нашему мнению, является целью иного криминологического исследования. В настоящей работе нами

проанализированы основные принципы уголовной политики, которые, как мы заключили, находятся в некотором противоречии между собой. Считаем, что на сегодняшнем этапе формирования уголовной политики в сфере образования цель государства как субъекта уголовной политики заключается в отыскании баланса между указанными противоречиями.

Современная уголовная политика России формируется по двум направлениям. Первое направление заключается в совершенствовании уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного законодательства, а второе подразумевает формирование и совершенствование криминологии, раскрывающей природу оснований преступности и разрабатывающей меры ее предупреждения. Представляется, что развитие данных направлений, как и иные научные исследования уголовной политики в области предупреждения преступности в образовательной среде [10, с. 188], будет способствовать выработке единой государственной системы профилактики всех существующих криминальных явлений в сфере образования.

Список литературы

1. Сидорова Е. З., Васильев А. М. Уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде: ведомственный уровень // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195). С. 262–265. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_3_262
2. Бархатова Е. Н. Принципы уголовного закона и уголовно-правовые нормы: неочевидные противоречия // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3 (90). С. 74–79.
3. Жуманиязов М. А. Общая характеристика формирования принципов уголовной политики // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2009. № 3 (15). С. 66–70.
4. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационные аспекты : моногр. М. : ЮрИнфоР, 1999. 293 с.
5. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1986. 176 с.
6. Кузнецов А. П. Принципы уголовной политики // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 13–17.
7. Квашиш В. Е. К XIV конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: основные проблемы, цели и задачи // Научный портал МВД России. 2019. № 3 (47). С. 16–21.
8. Security Strategy as a Factor in the Sustainable Development of the Republic of Kazakhstan / E. Sergazin, Z. Esimova, A. Kozhakhmetova, M. Mukasheva // Central Asia and the Caucasus. 2018. Vol. 19, № 1. P. 26–37.
9. Reznikov D. O., Makhutov N. A., Akhmetkhanov R. S. Analysis of Terrorist Attack Scenarios and Measures for Countering Terrorist Threats // Probabilistic Modeling in System Engineering / ed. by A. Kostogryzov. London : IntechOpen, 2018. P. 257–278. <https://doi.org/10.5772/intechopen.75099>
10. Safety Issues of the Russian Educational System / E. Z. Sidorova, V. V. Tarubarov, V. Y. Okruzhko, A. M. Vasiliev, S. I. Pelevin // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Vol. 11, № 1. P. 187–195. [https://doi.org/10.14505/jarle.v11.1\(47\).22](https://doi.org/10.14505/jarle.v11.1(47).22)

References

1. Sidorova E. Z., Vasiliev A. M. Criminal Policy in the Field of Crime Prevention in the Educational Environment: Departmental Level. *Law and State: The Theory and Practice*. 2021;3:262-265. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_3_262 (In Russ.).
2. Barkhatova E. N. Principles of Criminal Law and Criminal Law: Unobvious Contradictions. *Siberian Law Herald*. 2020;3:74-79. (In Russ.).
3. Zhumaniyazov M. A. General Characteristics of the Formation of Principles of Criminal Policy. *Herald of the Institute of Law of the Republic of Kazakhstan*. 2009;3:66-70. (In Russ.).

4. Boskholov S. S. *Foundations of the Criminal Policy: Constitutional, Criminological, Criminal Law and Informational Aspects*. Moscow: YurInfoR Publ.; 1999. 293 p. (In Russ.).
5. Belyaev N. A. *Criminal Law Policy and Ways of Its Implementation*. Leningrad: Zhdanov Leningrad State University Publ.; 1986. 176 p. (In Russ.).
6. Kuznetsov A. P. The Principles of Criminal Policy. *Society and Law*. 2017;1:13-17. (In Russ.).
7. Kvashis V. E. To the Upcoming United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. *Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*. 2019;3:16-21. (In Russ.).
8. Sergazin E., Esimova Z., Kozhakhmetova A., Mukasheva M. Security Strategy as a Factor in the Sustainable Development of the Republic of Kazakhstan. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;19(1):26-37.
9. Reznikov D. O., Makhutov N. A., Akhmetkhanov R. S. Analysis of Terrorist Attack Scenarios and Measures for Countering Terrorist Threats. In: Kostogryzov A. (Ed.). *Probabilistic Modeling in System Engineering*. London: IntechOpen; 2018. P. 257–278. <https://doi.org/10.5772/intechopen.75099>
10. Sidorova E. Z., Tarubarov V. V., Okruzhko V. Y., Vasiliev A. M., Pelevin S. I. Safety Issues of the Russian Educational System. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2020;11(1):187-195. [https://doi.org/10.14505/jarle.v11.1\(47\).22](https://doi.org/10.14505/jarle.v11.1(47).22)

Поступила | Received

12.07.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised

14.07.2021

Принята к публикации | Accepted

19.07.2021

Оригинальная научная статья

К вопросу о целесообразности использования термина «склонение» в статье 230¹ Уголовного кодекса Российской Федерации

Антон Вячеславович Сынтин*

✉ asyntin@gmail.com

Ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская
Федерация

Аннотация. Проблема использования запрещенных субстанций (методов) в спорте существует достаточно давно. Законодатель, криминализовав определенные нарушения антидопинговых правил, с одной стороны, расширил пределы ответственности тренеров, специалистов по спортивной медицине, иных специалистов в области физической культуры и спорта, что может быть расценено положительно, а с другой стороны, допустил при криминализации ошибки, которые влияют на эффективность правоприменения. Среди прочего, при определении термина «склонение» в примечании к ст. 230¹ УК РФ его способы не были ограничены. И если обман, применение насилия и указания являются в достаточной степени общественно опасными, чтобы их можно было расценивать как способы совершения данного преступления, то предоставление информации или предоставление самих запрещенных субстанций (средств использования методов) не могут быть расценены как способ совершения данного преступления. Такое определение способов склонения также приводит к конкуренции с составом, предусмотренным ст. 230² УК РФ. В других составах также существуют разночтения относительно способов склонения, принуждения, вовлечения, что вкупе с отсутствием единого толкования терминов влияет на возможность привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, особенно тренеров, специалистов по спортивной медицине, иных специалистов в области физической культуры и спорта. Проведенный среди юристов опрос также выявил сложности в разграничении этих терминов на практике. На основании анализа уголовного законодательства автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в УК РФ.

Ключевые слова: уголовное право; склонение; вовлечение; принуждение; допинг; субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте.

Для цитирования: Сынтин А. В. К вопросу о целесообразности использования термина «склонение» в статье 230¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 433–444. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-433-444>

Original scientific article

On the Appropriateness of the Use of the Term “Inducement” in Article 230¹ of the Criminal Code of the Russian Federation

Anton V. Syntin**

✉ asyntin@gmail.com

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation

Abstract. The problem of prohibited substances (methods) abuse in sport has existed for quite a long time. On the one hand, by criminalizing certain anti-doping rules violations, legislation expanded the liability limits of coaches, sports medical personnel, and of other specialists in the field of sports, which can be regarded positively. On the other hand, it made certain mistakes which impeded the effectiveness of these laws enforcement. Among other things, there is a problem with definition of the term “inducement”. The term itself is defined

in the note to article 230¹ of the Russian Federation Criminal Code, but there is a controversy in demarcation of inducement methods. While deception, the use of violence and instructions as inducement methods are socially dangerous at substantial level and can be regarded as methods of committing the crime, the provision of information or the prohibited substances themselves (means of using methods) cannot be regarded as methods of committing the crime. Such a definition of inducement means also leads to contradictions with the corpus delicti under Article 230² of the Russian Federation Criminal Code. In addition, there are also different interpretations regarding the methods of inducement, coercion, involvement in the other corpus delicti, which, all together with the lack of a unified interpretation of the terms affects the possibility of bringing the guilty persons, especially coaches, sports medical personnel and other specialists in the field of sports, to criminal responsibility. The survey conducted among lawyers also has revealed difficulties in distinguishing these terms in practice. Based on the criminal legislation analysis, the author comes to the conclusion that the amendments in the Russian Federation Criminal Code are necessary.

Keywords: criminal law; inducement; involvement; coercion; doping; substances and (or) methods prohibited for use in sports.

For citation: Syntin A. V. On the Appropriateness of the Use of the Term “Inducement” in Article 230¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Siberian Law Review*. 2021;18(4):433-444. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-433-444> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Спорт как состязание между «чистыми спортсменами» занимает важную нишу в деятельности человека. Вопреки расхожему мнению, спорт не является исключительно бизнесом. Как альтернатива саморазрушающему поведению (алкоголизм, наркомания) спорт служит ориентиром для подрастающего поколения. Обращаясь к нему, молодое поколение не только сохраняет здоровье, но и приучается к дисциплине и порядку.

М. Яффе так определяет спорт: «Это формально организованная институциональная игра, в которой результат определяется физическими навыками, стратегией или шансом, и которая имеет отличительные характеристики, такие как правила, санкции, роли, должности и разделение труда» [1]. Из этого определения следует и то, что спорт – это соблюдение правил и норм этики.

Б. Мердович указал, что «спорт является неотъемлемой частью социальных потребностей человека, он является универсальным средством понимания и сотрудничества между людьми с целью физического и духовного воспитания, жизнеспособности и здоровья, социальных отношений и отношений, готовности к защите и качества жизни. Это способ спортсменов продемонстрировать и сравнить свои способности с другими участниками» [2].

Допинг в связи с этим является основной моральной проблемой в спорте. Идея запрета

использования различных запрещенных субстанций и методов возникает в силу увеличения интереса к спорту как со стороны общества, так и со стороны государств. Череда смертей спортсменов обусловила развитие нормативного регулирования спорта со стороны спортивных ассоциаций и со стороны государств. Основой для запрета стала идея «честной» игры: принцип *fair play*. Он заключается не только в уважительном отношении к членам команды, судьям, зрителям, противнику, но и в равном и справедливом состязании спортсменов: так, финансовый *fair play* отражает равные возможности в финансовом положении клубов, исключая возможность победы путем покупки сильнейших игроков. Особое место при реализации принципа *fair play* занимает противодействие нарушениям антидопинговых правил (допингу).

Многие авторы указывают на то, что допинг в своей сути аморален и, нарушая правила *fair play*, лицо нарушает этические нормы [3, 4]. Но в некоторых работах отмечено, что аморальность допинга – это проблема, а не утверждение [5]. И хотя само по себе использование запрещенных субстанций и методов не обладает той степенью общественной опасности, чтобы быть криминализированным, действия по принуждению спортсмена к допингу являются преступными.

Лозаннская декларация исходит из того, что допинг влияет на здоровье спортсменов

и молодежи, а также противоречит спортивной и медицинской этике¹. В связи с этим многие государства разработали и внедрили в законодательство уголовно-правовые меры противодействия допингу, в том числе и Россия.

Добровольное использование запрещенных субстанций (методов) спортсменами является не только дисциплинарным, но и административным нарушением. Но если же спортсмена принуждают к использованию таких методов и субстанций, то явно спортивных, дисциплинарных или административных мер в отношении принуждающих недостаточно. Н. Эбер пишет, что «допинг – это несправедливая практика, трудно определяемая и исследуемая. Единственная надежда на искоренение данной практики – соблюдение антидопинговых норм всеми спортсменами (и всем персоналом спортсмена. – А. С.)» [6].

Постановка проблемы использования термина «склонение» в ст. 230¹ УК РФ

В 2016 г. законодатель криминализировал склонение к использованию в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (наряду с использованием в отношении спортсмена вне зависимости от его согласия запрещенных субстанций и методов). Обоснованием для такого решения являлось ужесточение спортивной ответственности в рамках международных антидопинговых актов. Мы считаем, что такое решение в целом отвечает международной практике борьбы с нарушениями антидопинговых правил, но выбор законодателем запрещенных действий в рамках уголовного права требует глубокого научного анализа.

Во многих зарубежных государствах также существует уголовная ответственность за склонение (подстрекательство и иные сходные действия) спортсменов к использованию допинга.

В Кении Антидопинговым актом 2016 г. установлены, среди прочего, следующие преступления: побуждение (в официальном тексте слово “causes”) к использованию субстанций или методов, причем как со стороны обычных людей, так и со стороны участников спортивных

отношений (лица, занимающиеся в спортивных учреждениях, в том числе частных, врачи, ветеринары и т. д.); «подстрекательство» к использованию допинга в спорте (в официальном тексте – “abets”)².

В Rodchenkov Anti-Doping Act, принятом в 2018 г. в США, установлена ответственность за мошеннические действия с допингом: любое лицо сознательно и намеренно проводит, управляет, контролирует, направляет, подстрекает или участвует в мошенничестве с допингом на любом крупном международном соревновании или при подготовке к нему.

Уголовная ответственность за склонение несовершеннолетнего спортсмена к употреблению допинга установлена в ст. 323 УК Украины в разделе XIII особенной части, посвященном преступлениям против здоровья населения³.

Вслед за Россией аналогичные составы преступлений были введены в Белоруссии. В других иностранных государствах также имеются уголовно-правовые запреты какого-либо склонения (принуждения) к использованию (употреблению) запрещенных субстанций и методов.

В связи с принятыми в России изменениями вновь стали актуальны вопросы единства терминологии (С. С. Алексеев, в частности, указал, что «термины в юридической науке едины с терминологией закона и юридическим языком практической юриспруденции, и нарушение этого единства может повлечь за собой неблагоприятные последствия, которые выражаются в “расширениях” или “сужениях” для области законодательства и юридической практики» [7]) при использовании термина «склонение» в уголовном законодательстве. Помимо склонения в уголовном законодательстве используются термины «вовлечение» и «принуждение».

Эти термины, по нашему мнению, сходны, а иногда трудноразличимы на практике. Поэтому в статье мы поставили задачу исследовать значение данных терминов применительно к ст. 230¹ УК РФ и определить наиболее подходящий для диспозиции данной статьи термин.

Опрос практикующих юристов показал, что 75 % специалистов считают, что между

¹ Lausanne Declaration on Doping in Sport : adopted by the World Conference on Doping in Sport 4 February 1999, Lausanne, Switzerland. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/lausanne_declaration_on_doping_in_sport.pdf

² The Anti-Doping Act no. 5 of 2016. URL: <http://kenyalaw.org/8181/exist/rest/db/kenyalex/Kenya/Legislation/English/Acts%20and%20Regulations/A/Anti-Doping%20Act%20-%20No.%205%20of%202016/docs/Anti-DopingAct5of2016.pdf>

³ Уголовный кодекс Украины от 5 апр. 2001 г. № 2341-III (с изм. и доп. по сост. на 20 дек. 2019 г.) // Ведомости Верхов. Рады Украины. 2001. № 25–26.

терминами «склонение», «вовлечение», «принуждение» на практике сложно найти отличия (рис.).

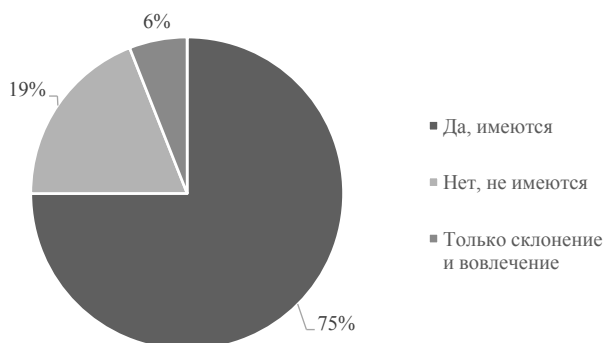

Рис. Ответы на вопрос: «По Вашему мнению, имеются ли трудности на практике при разграничении терминов «склонение», «вовлечение» и «принуждение».

В. П. Реутов отмечает, что так как юридический язык формален и требует высоких стандартов применения, необходимо четко и однотипно использовать термины. Он выделяет следующие требования к юридическому языку: отсутствие экспрессивности, связность, лаконичность, последовательность, простота, компактность изложения, стандартизированность [8, с. 265–269]. Последний критерий нередко в уголовном законодательстве не соблюдается (например, относительно термина «несовершеннолетний»).

В уголовном законодательстве неоспоримыми проблемами в вопросе единства терминологии является отсутствие статьи, разъясняющей основные понятия, а также использование такого приема законодательной техники для описания дефиниций, как «примечание».

Во-первых, использование примечаний-дефиниций актуально только для специфических терминов, отсутствующих в других нормативных правовых актах или в самом законе, а также требующих разъяснения. Во-вторых, наличие примечаний, разъясняющих термины, которые не являются специфическими (исследуемое «склонение» в ст. 230¹ УК РФ), искусственно увеличивает объем нормативного правового акта. Наконец, наличие таких примечаний-дефи-

ний осложняет толкование термина для других норм, где используется данный термин.

Термины «склонение», «вовлечение» и «принуждение» используются в УК РФ достаточно часто, однако применительно практически к каждой норме для их толкования есть разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Так как для разграничения существенное значение имеют только цели и способы, при исследовании мы будем опираться на них.

«СКЛОНЕНИЕ»

КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИН

Распространенным пониманием слов «склонять», «склонить» является «убедить, уговорить (намек на склонение предмета в известную сторону)».

В толковом словаре Ефремовой указано, что «склонять» значит «располагать к кому-либо, привлекать на чью-либо сторону; убеждать, уговаривать делать что-либо, соглашаться на что-либо»⁴. В словарях русских синонимов данный термин обычно раскрывается через такие слова, как задабривать, располагать кого-то, привлекать, уговаривать⁵.

В самой статье под склонением спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, понимаются «любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом субстанции (метода), в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо субстанций, средств применения методов, устранения препятствий к использованию субстанций (методов)».

Само по себе склонение является, наряду с использованием запрещенных субстанций и методов, нарушением антидопинговых правил: в кодексе ВАДА⁶, в Общероссийских антидопинговых правилах существует такое нарушение, как «соучастие» (п. 2.9 в кодексе ВАДА, п. 4.9 Общероссийских антидопинговых правил 2020 г.⁷), куда в том числе и входит подстрекательство (в оригинале – кодексе ВАДА – “*abetting*”, что с английского можно перевести как подстрекательство, глагол “*to abet*” значит «склонять») ⁸.

⁴ Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/>

⁵ Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. М.: Рус. словари, 1999. URL: <https://rus-synonym-dict.slovaronline.com/>

⁶ 2021 World Anti-Doping Code. URL: <https://www.wada-ama.org/en/resources/the-code/world-anti-doping-codee>

⁷ Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил: приказ Минспорта России от 24 июня 2021 г. № 464 (начало действия ред. с 1 янв. 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Ранее Общероссийские антидопинговые правила были утверждены Министром спорта Российской Федерации 11 декабря 2020 г.

⁸ Словарь Мультитран. URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=2&l2=1&s=abetting>

Термин «склонение» впервые в УК РФ употребляется применительно к понятию «подстрекатель».

М. В. Рудик в статье «Склонение как способ подстрекательства (на примере ст. 230¹ УК РФ)» указал, что склонение является специальным способом подстрекательства к совершению преступления. При этом следует помнить, что подстрекательство всегда должно предшествовать преступному поведению соучастника, склоненного к преступлению [9, с. 251–258].

Мы считаем, что это неверная позиция, так как само по себе употребление (использование или попытка использования) спортсменом запрещенных субстанций и методов не является преступлением. Употребление терминов «подстрекательство» и «соучастие» в русифицированной версии кодекса ВАДА и Общероссийских антидопинговых правилах обусловлено, скорее, особенностями перевода, а не попыткой связать данное нарушение с терминами уголовного права. В данном случае нарушения единства терминологии нет, так как Общероссийские антидопинговые правила – имплементация (инкорпорация) кодекса ВАДА, поэтому данных терминов избежать невозможно.

При формулировании понятия подстрекательства способы склонения не ограничены: «путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом». Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях также не ограничивает способы склонения, лишь указывая их примеры.

Например, в постановлении по делам о преступлениях террористической направленности Верховный Суд РФ разъяснил: «Под склонением, вербовкой или иным вовлечением... следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их

в совершение хотя бы одного из указанных преступлений»⁹.

Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 указано, что склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и тому подобное), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых в целях принуждения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ лицом, на которое оказывается воздействие¹⁰. При такой формулировке способы склонения могут быть также любыми.

Применительно к ст. 230¹ УК РФ мы рассматриваем склонение к неправомерному поведению. Законодатель считает, что в определенных случаях действия, направленные на побуждение совершения неправомерного, но опасного или аморального поведения, настолько общественно опасны, что сами по себе являются преступлениями.

К таким деяниям относятся: склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства, склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

В теории уголовного права, действительно, существуют вопросы к содержанию термина «склонение». Так, по мнению М. А. Саблиной, склонение включает только ненасильственные способы воздействия (уговоры, обман, подкуп, убеждение и тому подобное) [10, с. 129–139]. А. Р. Кутуев в своей диссертации указал, что понимание склонения, указанное в ст. 230¹ УК РФ не является точным, так как предполагает в том числе те способы, которые не характерны для классического определения склонения. Поэтому он предлагает изменить примечание

⁹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 9 февр. 2012 г. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

к ст. 230¹ УК РФ в части формулировки и понимать под склонением «любые умышленные действия, нацеленные на возбуждение у спортсмена желания принимать запрещенные субстанции и (или) использовать запрещенные методы, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений»¹¹.

Мы не можем согласиться с такой формулировкой, так как фраза «действия, нацеленные на возбуждение у спортсмена желания» слишком размыта. Кроме того, в данном определении, по сути, воспроизведено определение подстрекательства, которое не ограничено какими-либо способами.

А. Р. Кутуев сам критикует такой способ склонения, как предоставление информации, но при этом его формулировка склонения не исключает данного способа (предоставление информации тоже может вызывать желание употребить допинг¹²). Хотя в целом автор считает склонение к использованию запрещенных субстанций и методов обоснованно криминализированным деянием [11].

Кроме того, в связи с правилом единообразного толкования терминов нельзя в рамках одного УК РФ для каждой статьи установить свое понимание склонения.

Исследовав доктрину и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, можно прийти к выводу, что целью склонения является возбуждение желания совершить какое-либо действие (применительно к ст. 230¹ УК РФ – к использованию запрещенных субстанций и методов). Способы склонения законодателем не ограничены, однако есть теоретические позиции о невозможности квалифицировать данное деяние как склонение (например, путем согласия на совершение преступления или простого одобрения).

Обычно не считаются способами склонения предоставление информации¹³, согласие на совершение преступления (если лицо само не совершает преступление, но одобряет его). Однако в определенных случаях особо активное одобрение также может быть разновидностью склонения.

Хотя О. Ф. Воспякова, исследуя вопрос введения в УК Беларуси аналогов ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ, отмечает, что в УК Беларуси не предусмотрено примечание, раскрывающее понятие «склонение», что осложняет ее применение [12, с. 41–44]. Ограничение применения термина позволяет уточнить пределы уголовной ответственности.

Мы считаем, что само по себе склонение к неправомерному поведению без ограничения его способов не является настолько общественно опасным деянием, чтобы криминализировать его. Вместе с тем в последнее время законодатель идет именно по такому пути, при этом зачастую путая «склонение» и «вовлечение».

«ВОВЛЕЧЕНИЕ»

КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИН

Термин «вовлечение» появляется в УК РФ применительно к статьям о вовлечении несовершеннолетних в различные «негативные» действия: совершение преступления, антиобщественных действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетних, а также в ст. 240 УК РФ (вовлечение в занятие проституцией).

В толковом словаре Ушакова слово «вовлечь» означает «соблазнять, склонять к чему-нибудь, привлекать к участию в работе, деятельности»¹⁴. В словаре синонимов наиболее часто употребляемые синонимы: привлечение, мобилизация, затягивание, втягивание¹⁵. Термин вовлечение очень сложно разделить на практике с термином «склонение».

Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий¹⁶.

Однако стандартное для гл. 20 понятие «вовлечение» в ст. 151² УК РФ толкуется как

¹¹ Кутуев А. Р. Уголовная ответственность за склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 72–73.

¹² Там же.

¹³ Хотя в 230¹ УК РФ «предоставление информации» указано напрямую как способ склонения.

¹⁴ Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/761046>

¹⁵ URL: <https://sinonim.org/s>

¹⁶ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 (ред. от 29 нояб. 2016 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«склонение или иное вовлечение», что дает основания считать, что термин «вовлечение» включает в себя склонение и иные действия, расценивающиеся как вовлечение. При этом возникает вопрос о том, что необходимо понимать под «иным вовлечением».

М. А. Саблина также разделяет термины «склонение» и «вовлечение», где вовлечение является общим понятием для подстрекательства (склонение и принуждение) и иного вовлечения. При этом в иное вовлечение включается пропаганда, призывы и тому подобное¹⁷. Данное разграничение так и осталось бы теоретической разработкой, если бы не введенная в 2017 г. ст. 151² УК РФ, где в диспозиции указано: «Склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом...» и названная формулировка диспозиции ч. 1 ст. 205¹ УК РФ (где еще добавлена «вербовка»).

Но как разграничивать вовлечение и склонение? Оба понятия могут соотноситься как часть и целое или как одинаковые по содержанию. Кроме того, несмотря на позицию, что под иным вовлечением следует понимать пропаганду, призывы и тому подобное, из системного толкования ст.ст. 205¹ и 205³ УК РФ следует, что «иное вовлечение» и «пропаганда», «призывы» и «одобрение» – разные действия.

Н. Н. Бугера указывает, что под вовлечением следует понимать умышленные действия лица, направленные на фактическое совершение вовлекаемым лицом преступления (т. е. здесь необходимо совершить деяние, а под склонением – умышленные действия лица, направленные на возбуждение желания участвовать в совершении преступления (непреступного деяния) [13, с. 35–40].

Это логично проистекает из обобщения судебной практики: в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 преступления, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, пригото-

вления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятия бродяжничеством или попрошайничеством).

В свою очередь в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 указано, что для признания склонения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство или психотропное вещество.

В статье 240 УК РФ также содержится понятие «вовлечение». Действующая редакция УК РФ не раскрывает способы вовлечения в занятие проституцией, что с точки зрения теории позволяет говорить о том, что способ может быть любой.

В УК Казахстана указаны способы вовлечения в занятие проституцией: применение насилия или угрозы его применения, использование зависимого положения, шантажа, уничтожения или повреждения имущества либо путем обмана. Вовлечение несовершеннолетних в совершение уголовных правонарушений, антиобщественных действий, продукции эротического содержания и проституции не содержит указания на способы¹⁸. Однако отдельные из них выделены в качестве квалифицирующих признаков.

На основании данного анализа можно сделать вывод, что склонение и вовлечение, по сути, представляют собой синонимичные понятия.

«ПРИНУЖДЕНИЕ»

КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИН

Кроме этих понятий, в уголовном праве известно понятие «принуждение». С. В. Девятковская считает, что принуждением следует считать незаконное, против воли человека, физическое или психическое воздействие на него с целью заставить совершить определенные действия или воздержаться от их совершения вопреки своей воле [14, с. 126–128]. Значит, способы принуждения предполагают отсутствие добровольности.

В УК РФ принуждение впервые встречается как обстоятельство, исключающее преступность

¹⁷ Саблина М. А. Подстрекательство и его способы: терминологическая пестрота Уголовного кодекса. URL: <https://msablina.ru/podstrekatelstvo-i-ego-sposobyi-term/>

¹⁸ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 30 дек. 2020 г.) // Казахстанская правда. 2014. 9 июля.

деяния: физическое и психическое принуждение. Оно предполагает вынужденность поступка, исключительную обстановку, в которой принуждаемый лишается возможности действовать по своему усмотрению.

В Российской Федерации принуждение используется для описания объективной стороны нескольких составов. Так, в ст. 184 УК РФ установлен уголовно-правовой запрет на принуждение или склонение спортивного судьи или иных лиц к оказанию противоправного влияния на результат противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Также термин «принуждение» встречается, в частности, в ст. 179 УК РФ – принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения; ст. 120 УК РФ – принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации.

В словарях «принуждение» определяется как «силою побуждать к чему-либо; заставлять делать что-либо»¹⁹. М. А. Саблина под принуждением понимает насильственные действия, шантаж, уничтожение имущества и другие подобные действия²⁰ [15].

Философско-правовое понятие принуждения также исходит из отсутствия свободы воли: под принуждением чаще всего понимается направленный действие, имеющее своей целью заставить что-либо сделать или не делать помимо воли субъекта. Термин «принудить» означает «заставить что-нибудь сделать; силой побудить к чему-нибудь» [16, с. 52–60].

В любом случае, в отличие от склонения и вовлечения меры, характерные для принуждения лишают лицо свободы воли. В статье 185 УК Беларуси содержится общий состав принуждения: принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенное под угрозой применения насилия к нему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц²¹.

Значит, белорусский законодатель устанавливает следующие действия, характерные для принуждения:

- 1) угроза применения насилия;
- 2) угроза уничтожения или повреждения имущества;
- 3) угроза распространения клеветнических и иных сведений;
- 4) угроза ущемления прав, свобод и законных интересов.

В статье 309 УК РФ принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний может быть совершено шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких.

Опыт Казахстана также свидетельствует о том, что принуждение в уголовном праве – явление распространенное, часто преступное. Так, УК Казахстана закрепляет следующие составы принуждения: принуждение к изъятию органов или тканей человека, принуждение к участию в забастовке, принуждение к передаче информации, к совершению сделки или отказу от ее совершения (т. е. принуждения к преступным деяниям).

В части 1 ст. 240 УК РФ содержатся термины «вовлечение» и «принуждение», соотносящиеся между собой как целое и часть соответственно, так как вовлечение в занятие проституцией может быть осуществлено в форме принуждения.

Целью принуждения является лишение человека воли для совершения им выгодных действий. Способами принуждения являются лишь те приемы, которые ограничивают или лишают людей свободы воли. Поэтому к способам склонения относят прежде всего применение насилия или угрозу его применения, угрозу уничтожения или повреждения имущества, шантаж и тому подобное.

О. Н. Ярошенко указывает, что вовлечение в занятие проституцией может осуществляться, в частности, обращениями, уговорами, убеждениями, угрозами применения и применением физического или психического насилия. В свою очередь принуждение осуществляется психическим насилием (угрозами), выражающимся в угрозе уничтожения или повреждения

¹⁹ Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/>

²⁰ Саблина М. А. Указ. соч.

²¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <https://pravo.by/>

имущества либо распространения сведений, порочащих потерпевшую или ее близких, а также физическим насилием или угрозой его применения [17, с. 206–208].

Выводы относительно необходимых изменений в ст. 230¹ УК РФ

Мы считаем, что в ст. 230¹ УК РФ термин «склонение» является недопустимым, так как способ совершения преступления не ограничен. Простое предложение запрещенной субстанции или предоставление информации о плюсах употребления допинга не обладает той степенью общественной опасности, какая требуется обычно для преступлений (это применимо ко всем действиям, просто вызывающим интерес или желание использовать допинг).

В свою очередь действия, связанные с насилием, уничтожением имущества, клеветой не оставляют спортсмену выбора, в связи с чем такое принуждение является в достаточной степени общественно опасным. Такой способ, как обман, может быть отнесен к использованию в отношении спортсмена запрещенных субстанций и методов без его согласия.

В настоящей статье мы исходим из того, что законодателем в целом неверно определен объект (здоровье населения). Мы считаем, что объект данного преступления – общественная нравственность (мораль), поэтому данное деяние общественно опасно только при отсутствии добровольности (полном подавлении воли) использования запрещенных субстанций и методов в спорте.

По сути, при конструировании нормы законодатель исходил из сходства нарушений антидопинговых правил с нарушениями в сфере незаконного оборота наркотиков. Данная позиция не нова для доктрины уголовного права. Так, еще в 2008 г. В. В. Сараев предложил ввести в УК РФ новую статью (234¹ УК РФ, в соответствии с нумерацией УК РФ на 2008 г.), запрещающую незаконный оборот допинга [18, с. 26–29]. При этом ученый посчитал недостаточно обоснованным введение ответственности за склонение (принуждение) к допингу²² [18]. Ученый сделал такой вывод на основании, во-первых, небольшой распространенности деяния, а во-вторых, того,

что инициатором нарушения часто выступает спортсмен. Мы не согласны с данной позицией по следующим основаниям:

1. Единственное существенное основание криминализации – наличие общественной опасности. Распространенность как основание криминализации может не учитываться, так как не все преступления распространены (в частности, мы не можем говорить о неверной криминализации геноцида, потому что за весь период существования РФ не было ни одного случая геноцида).

2. В Плане восстановления ВФЛА (Всероссийской федерации легкой атлетики) указано: «Спортсмены должны были соблюдать укоренившуюся допинговую культуру, если они хотели быть конкурентоспособными на региональном, национальном или международном уровнях, а тренеры по-прежнему получали финансовое вознаграждение и статус в государстве, готовя таких спортсменов. Усугубляющими факторами были отсутствие культуры открытого высказывания о проблемах и отсутствие применения санкций в отношении российских тренеров, даже когда они были наказаны на международном уровне»²³. Итог причин кризиса: «Не существовало стратегии тренировочного процесса, направленного на приоритет обучения молодых спортсменов без историй использования допинга. Если и существовали варианты “чистого пути” для молодых спортсменов, которые хотят не использовать допинг, а тренироваться с использованием современных техник и методов, то их было немного».

Если обратиться к Кодексу ВАДА, то основой для борьбы с допингом выбрано именно то, что допинг посягает на «дух спорта». Принцип *fair play* указывает на необходимость защиты «чистых» спортсменов от такого аморального нарушения правил. Общественная опасность заключается в том, что здесь персонал спортсмена (в части тренера, специалиста по спортивной медицине и иного специалиста в сфере физической культуры и спорта) по сути каким-либо образом заставляет спортсмена нарушать антидопинговые правила.

Поэтому мы предлагаем изменить формулировку ст. 230¹ УК РФ и заменить термин «склонение» термином «принуждение».

²² Сараев В. В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России : учеб. пособие. Омск : Изд-во Ом. акад. МВД России, 2010. 252 с.

²³ К чистому будущему российской легкой атлетики : версия от февр. 2021 г. ; представлена на утверждение Всемир. легкоатлет. ассоциации. URL: https://rusathletics.info/wp-content/uploads/2021/03/plan-vosstanovleniya-vfla_030321.pdf

Под принуждением спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, мы понимаем умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, совершенные путем применения насилия к нему или его близким, уничтожения или повреждения имущества спортсмена или его близких, распространения сведений, порочащих честь и достоинство спортсмена, ущемления прав и интересов спортсменов, а равно под угрозой совершения указанных действий.

В данном случае мы не считаем удачным использовать термин «вовлечение», так как он не предполагает полного подавления воли спортсмена, а соответственно, если у него сохраняется воля, то он сознательно идет на нарушение антидопинговых правил. Более того, термин «вовлечение» предполагает, что лицо, вовлекшее само использует запрещенные субстанции и методы.

Таким образом статья должна быть сконструирована следующим образом.

В первой части необходимо установить ответственность за принуждение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Во второй части указать квалифицирующий признак – специальный субъект. К ним необходимо отнести спортсменов, тренеров и специалистов по спортивной медицине.

В части третьей указать на следующие квалифицирующие признаки:

- 1) группа лиц по предварительному сговору;
- 2) в отношении заведомо несовершеннолетнего спортсмена или двух или более спортсменов;
- 3) применение насилия;
- 4) причинение тяжкого вреда здоровью спортсмена по неосторожности.

В части четвертой указать на признаки: смерть спортсмена по неосторожности или иные тяжкие последствия.

Что касается изменения субъекта, то мы считаем, что так как допинг в целом посягает на моральные отношения, то было бы странно отрицать преступность принуждения со стороны родителя, спортивного агента, друзей, других спортсменов к использованию допинга. Особенно необходимо включение родителя в качестве субъекта: исследование, проведенное К. Erickson и S. Backhouse, показало, что именно родители ответственны за формирование отношения

спортсменов к допингу в силу наиболее близких родственных связей между ними [19].

В данном случае мы считаем необходимым разделить ответственность и выделить признак специального субъекта (тренер и специалист по спортивной медицине) в качестве квалифицирующего, так как тренер и спортсмен являются основными субъектами спортивных отношений, а специалист по спортивной медицине – то лицо, которое ответственно за обеспечение здоровья спортсмена и которое осведомлено в силу профессиональных навыков о запрещенности препарата.

Что касается добавления квалифицирующего признака «повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью спортсмена», то изначально было не очень понятно, почему не включили этот признак, так как одним из важнейших компонентов понятия «дух спорта» является здоровье, а в настоящее время как дополнительный объект данных преступлений рассматривается только жизнь и интересы несовершеннолетних.

Относительно отказа от специального перечня запрещенных субстанций и методов стоит отметить, что при принятии закона в официальном отзыве Правительства РФ было отмечено, что отсутствие такого перечня привело бы к неоднозначным случаям применения, так как список запрещенных субстанций и методов не является исчерпывающим в силу наличия в разных видах спорта специальных запретов на определенные субстанции и методы. Однако, если данное преступление является нарушением норм спортивной морали, то в целом не важно, к использованию чего принуждали спортсмена.

Что касается момента окончания склонения, вовлечения и принуждения, то мы считаем, что для принуждения нет необходимости, чтобы спортсмен непосредственно употребил запрещенные субстанции и методы, поэтому в измененном варианте ст. 230¹ УК РФ деяние будет считаться оконченным уже с момента совершения действий, направленных на подавление воли спортсмена. В настоящее время в силу системного толкования при совершении склонения к какому-либо поведению не важно, совершил ли потерпевший в итоге требуемые от него действия или нет.

Однако для вовлечения есть определенные противоречия, так как преступления, предусмотренные ст.ст. 150 и 151 УК РФ считаются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления

к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ. Вместе с тем преступления, закрепленные в чч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ, считаются оконченными с момента совершения указанных действий, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление террористической направленности.

В силу толкования Верховного Суда РФ «вовлечение» и «иное вовлечение» имеют разные моменты окончания. Принуждение же, как и склонение, не требует выполнения потерпевшим каких-либо действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложения по изменению уголовного законодательства помогут не только уточнить норму, но и отграничить склонение от использования, независимо от согласия спортсмена на применение в отношении него запрещенных субстанций и методов, а также от дисциплинарных проступков и административных правонарушений (в части ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, определенные способы уголовно-правового склонения к использованию допинга подходят под признаки административного правонарушения).

Список литературы

1. Yaffé M. Sport and Mental Health // *Journal of Biosocial Science*. 1981. Vol. 13, suppl. 7. P. 83–95. <https://doi.org/10.1017/S0021932000024573>
2. Merdovic B., Zivaljevic D. *Doping Ethical, Social and Criminal Aspect*. 2020. Vol. 9/2018. P. 487–499.
3. A Conceptual Framework for Achieving Performance Enhancing Drug Compliance in Sport / R. J. Donovan, G. Egger, V. Kapernick, J. Mendoza // *Sports Medicine*. 2002. Vol. 32, № 4. P. 269–284. <https://doi.org/10.2165/00007256-200232040-00005>
4. Kirkwood K. Defensive Doping: Is There a Moral Justification for “If You Can’t Beat ‘Em – Join ‘Em’?” // *Journal of Sport & Social Issues*. 2012. Vol. 36, № 2. P. 223–228. <https://doi.org/10.1177/0193723512437350>
5. A Philosophical Debate on the Morality of Doping Is Interesting but Beyond the Scope of Our Meta-Analysis / N. Ntoumanis, J. Y. Y. Ng, V. Barkoukis, S. Backhouse // *Sports Medicine*. 2015. Vol. 45, № 3. P. 445–446. <https://doi.org/10.1007/s40279-015-0315-x>
6. Eber N. Doping and Fair Play // *Economic Analysis & Policy*. 2009. Vol. 39, № 3. P. 345–347. [http://doi.org/10.1016/S0313-5926\(09\)50031-8](http://doi.org/10.1016/S0313-5926(09)50031-8)
7. Алексеев С. С. Теория права. М. : Бек, 1995. 320 с.
8. Реутов В. П. Единство терминологии как проявление культуры юридического языка // *Юридическая техника*. 2016. № 10. С. 265–269.
9. Рудик М. В. Склонение как способ подстрекательства (на примере статьи 230-1 УК РФ) // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 251–258.
10. Саблина М. А. Подстрекательство: терминологический и квалификационный аспекты // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 4. С. 129–139. <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.129.139>
11. Кутуев А. Р. К вопросу о криминализации склонения, распространения и применения субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // *Образование и право*. 2017. № 10. С. 201–204.
12. Воспякова О. Ф. Применение допинга: уголовно-правовой аспект // *Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VIII междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 23 апр. 2020 г.)*. Могилев : Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь, 2020. С. 41–44.
13. Бугера Н. Н. Соотношение понятий «Вовлечение» и «Склонение» в уголовном праве России // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 3 (29). С. 35–40.
14. Девятковская С. В. Понятие принуждения в российском уголовном праве // *Юристь-Правоведь*. 2010. № 2 (39). С. 126–128.
15. Саблина М. А. Принуждение как способ вовлечения лица в совершение преступления // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. М. : МГЮА, 2016. С. 190–193.*
16. Анненков А. Ю. Государственно-правовое принуждение: философско-правовые основы понимания // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2017. № 3-2. С. 52–60.
17. Ярошенко О. Н. Юридический анализ вовлечения в занятие проституцией, особенности квалификации и профилактики совершения данного преступления // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 7. С. 200–208. <https://doi.org/10.23672/b9574-5596-4986-1>
18. Сараев В. В. О необходимости уголовно-правовой охраны оборота допинга // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2008. № 4 (31). С. 26–29.
19. Erickson K., Backhouse S. H., Carless D. Doping in Sport: Do Parents Matter? // *Sport, Exercise, and Performance Psychology*. 2017. Vol. 6, № 2. P. 115–128. <https://doi.org/10.1037/spy0000081>

References

1. Yaffé M. Sport and Mental Health. *Journal of Biosocial Science*. 1981;13(s7):83-95. <https://doi.org/10.1017/S0021932000024573>
2. Merdovic B., Zivaljevic D. *Doping Ethical, Social and Criminal Aspect*. 2020;9/2018:487-499.

3. Donovan R. J., Egger G., Kapernick V., Mendoza J. A Conceptual Framework for Achieving Performance Enhancing Drug Compliance in Sport. *Sports Medicine*. 2002;32(4):269-284. <https://doi.org/10.2165/00007256-200232040-00005>
4. Kirkwood K. Defensive Doping: Is There a Moral Justification for “If You Can’t Beat ‘Em – Join ‘Em?” *Journal of Sport & Social Issues*. 2012;36(2):223-228. <https://doi.org/10.1177/0193723512437350>
5. Ntoumanis N., Ng J. Y. Y., Barkoukis V., Backhouse S. A Philosophical Debate on the Morality of Doping Is Interesting but Beyond the Scope of Our Meta-Analysis. *Sports Medicine*. 2015;45(3):445-446. <https://doi.org/10.1007/s40279-015-0315-x>
6. Eber N. Doping and Fair Play. *Economic Analysis & Policy*. 2009;39(3):345-347. [http://doi.org/10.1016/S0313-5926\(09\)50031-8](http://doi.org/10.1016/S0313-5926(09)50031-8)
7. Alekseev S. S. *The Theory of Law*. Moscow: Bek Publ.; 1995. 320 p. (In Russ.).
8. Reutov V. P. Unity of Terminology as a Manifestation of the Culture of the Legal Language. *Juridical Techniques*. 2016;10:265-269. (In Russ.).
9. Rudik M. V. Declination as a Way of Incitement (by the Example of Article 230-1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2020;6(1):251-258. (In Russ.).
10. Sablina M. A. Incitement: Terminology and Qualification Aspects. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016;4:129-139. <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.129.139> (In Russ.).
11. Kutuev A. R. The Issue of Criminalization of Declination, Distribution and Use of Substances and (or) the Methods Forbidden for Use in Sports. *Education and Law*. 2017;10:201-204. (In Russ.).
12. Vospyakova O. F. Doping Administration: Criminal Law Aspect. In: *Fighting the Crime: Theory and Practice*. Mogilev: Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus Publ.; 2020. P. 41–44. (In Russ.).
13. Bugera N. N. The Relationship Between the Concepts “Involvement” and “Inducement” in Russian Criminal Law. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2014;3:35-40. (In Russ.).
14. Devjatovskaja S. V. Concept of Compulsion in the Russian Criminal Law. *Jurist-Pravoved*. 2010;2:126-128. (In Russ.).
15. Sablina M. A. Coercion as a Method of Involvement of a Person into the Crime Committing. In: *Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century*. Moscow: MSAL Publ.; 2016. P. 190–193. (In Russ.).
16. Annenkov A. Yu. State-Legal Enforcement: Philosophical-Legal Framework of Understanding. *News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2017;3-2:52-60. (In Russ.).
17. Yaroshenko O. N. Legal Analysis of Involvement in Prostitution, Especially Qualifications and Prevention of This Crime. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2020;7:200-208. <https://doi.org/10.23672/b9574-5596-4986-1> (In Russ.).
18. Sarayev V. V. On Necessity of Penal Protection of Doping Trafficking. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia – Nauchnyi Vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*. 2008;4:26-29. (In Russ.).
19. Erickson K., Backhouse S. H., Carless D. Doping in Sport: Do Parents Matter? *Sport, Exercise, and Performance Psychology*. 2017;6(2):115-128. <https://doi.org/10.1037/spy0000081>

Поступила | Received
11.08.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
11.10.2021

Принята к публикации | Accepted
18.10.2021

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-445-459

Оригинальная научная статья

Современная классификация свойств папиллярных узоров рук и ног человека для решения идентификационных и неидентификационных задач в судебно-экспертной деятельности

Владимир Иванович Балко*

✉ krim90dakto97@mail.ru

Ул. К. Мухамедханова 51/1, Семей, 071400, Республика
Казахстан

Аннотация. Актуальность и новизна темы статьи состоит в том, что впервые рассмотрена усовершенствованная классификация свойств папиллярных узоров человека и их отображений и динамическая тенденция увеличения законодательной базы дактилоскопической регистрации в мире. Использовались общенаучные и специальные методы. Анализ литературы, практика автора позволяют выделить и рассмотреть следующие свойства папиллярных узоров и их отображений, которые были с познавательной целью разбиты на три группы: собственные свойства; свойства отображений и свойства потожирового вещества папиллярного узора человека и его следа. Впервые представлены свойства потожирового вещества папиллярного узора человека и его следа, что важно с учетом тенденции развития комплексной дактилоскопической экспертизы. Первая и вторая группы условно разбиты на четыре подгруппы: по решению идентификационных, диагностических, классификационных и ситуалогических задач. Третья группа условно разбита на четыре подгруппы: по взаимодействию потожирового вещества человека с предмет-носителем; по выделительству потожирового вещества следа человека; по динамике сохранности и по контрастности отображения потожирового вещества папиллярного узора человека. При этом свойства папиллярных узоров разделены на основные свойства и свойства для решения идентификационных и неидентификационных задач. Представлены авторские определения следующих понятий: «основные свойства папиллярных узоров человека» и «свойства папиллярных узоров человека», «основные свойства отображений папиллярных узоров человека» и «свойства отображений папиллярных узоров человека», «основные свойства потожирового вещества человека» и «свойства потожирового вещества человека», «основные свойства потожирового вещества следа человека» и «свойства потожирового вещества следа человека». Это дает возможность специалистам и педагогам улучшить свою когнитивную и практическую деятельность, а компетентным лицам, ответственным за организацию экспертиз, рассмотреть вопрос создания центра комплексной дактилоскопической экспертизы.

Ключевые слова: усовершенствованная классификация свойств папиллярных узоров; собственные свойства папиллярных узоров; свойства отображений папиллярных узоров; свойства потожирового вещества человека; свойства потожирового вещества следа человека; основные свойства узоров человека и дактилоскопия.

Для цитирования: Балко В. И. Современная классификация свойств папиллярных узоров рук и ног человека для решения идентификационных и неидентификационных задач в судебно-экспертной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 445–459. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-445-459>

Original scientific article

Modern Classification of the Properties of Papillary Patterns of Human Hands and Feet for the Solution of Identification and Non-Identification Problems in Forensic Expert Activities

Vladimir I. Balko**

✉ krim90dakto97@mail.ru

51/1 Mukhamedkhanov st., Semey, 071400, Republic of Kazakhstan

Abstract. The relevance and novelty of the topic of the article is connected with the fact that for the first time the improved classification of the properties of human papillary patterns and their displays and the dynamic trend of expanding the legal base of fingerprint registration in the world are considered. The goal is to systematize the properties of human papillary patterns and their representations. General scientific and special methods were used. The analysis of the literature and the author's practice allow us to identify and consider the following properties of papillary patterns and their mappings, which were divided into three groups for cognitive purposes: their own properties, the properties of mappings, and the properties of the fat-rich substance of the human papillary pattern and its trace. For the first time, the properties of the poly-fat substance of the human papillary pattern and its trace are presented, which is important in view of the trend in the development of complex fingerprint examination. For the first time, the first and second groups are conditionally divided into four subgroups: for solving identification, diagnostic, classification and situational problems. For the first time, the third group is further conditionally divided into four subgroups: according to the interaction of the human body fat with the carrier object; according to the isolation of the human body fat trace; according to the dynamics of the preservation and contrast of the display of the fat-free substance of the human papillary pattern. On the other hand, the properties of papillary patterns themselves are divided into basic properties and properties for solving identification and non-identification problems, respectively. The author's definition of the following concepts is presented: "basic properties of human papillary patterns" and "properties of human papillary patterns", "basic properties of human papillary patterns mappings" and "properties of human papillary patterns mappings", "basic properties of human papillary matter" and "properties of human papillary matter", "basic properties of human papillary matter" and "properties of human papillary matter". This provides an opportunity for specialists and teachers to improve their cognitive and practical activities, and for those responsible and competent for the organization of examinations to consider creating a center for comprehensive fingerprint examination.

Keywords: improved classification of the properties of papillary patterns; proper properties of papillary patterns; properties of papillary pattern mappings; properties of human poly-fat matter; properties of human trace poly-fat matter; basic properties of human patterns and fingerprinting.

For citation: Balko V. I. Modern Classification of the Properties of Papillary Patterns of Human Hands and Feet for the Solution of Identification and Non-Identification Problems in Forensic Expert Activities. *Siberian Law Review*. 2021;18(4):445-459. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-445-459> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы статьи обусловлена принятием в ЕврАзЭС законов по дактилоскопической регистрации. Например, в Казахстане в 2016 г. был принят закон «О дактилоскопической и геномной регистрации»¹, начало действия которого было перенесено на 1 июля 2021 г.

На заре развития дактилоскопии «исследовались три свойства папиллярных узоров концевых фаланг пальцев рук человека: устойчивость, восстанавливаемость и индивидуальность» [1, с. 18]. Эти основные свойства папиллярных узоров человека (далее – ПУЧ) в сочетании со способностью отображаться на предметах

© Balko V. I., 2021

** Lecturer at the Kainar Higher College; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8295-0699>

¹ О дактилоскопической и геномной регистрации : закон Респ. Казахстан от 30 дек. 2016 г. № 40-VI (не введен в действие). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33276266

***

материальной обстановки определили интерес к ним соответствующих органов, призванных бороться с преступностью, в целях внедрения средств, приемов и способов дактилоскопии в следственную и экспертную практику, что стало поиском новых возможностей диагностики и идентификации личности.

Поэтому, кроме словосочетания «основные свойства ПУЧ», выделим и просто «свойства ПУЧ», а также словосочетания «собственные основные свойства ПУЧ», «основные свойства отображений ПУЧ» и «основные свойства потожирового вещества (далее – ПЖВ) и основные свойства потожирового вещества следа (далее – ПЖВС) ПУЧ» для решения идентификационных, диагностических, классификационных задач и задач с ситуационным анализом идентификационного и (или) неидентификационного характера.

Следы рук, ног человека являются наиболее распространенными объектами дактилоскопических исследований. Это обусловлено:

- основными собственными свойствами ПУЧ;
- собственными свойствами ПУЧ;
- основными свойствами отображений ПУЧ;
- свойствами отображений ПУЧ;
- основными свойствами ПЖВ, отделяемого от эпидермиса папиллярной поверхностью кожи рук и ног человека идентификационного характера;
- свойствами ПЖВ, отделяемого от эпидермиса папиллярной поверхностью кожи рук и ног человека неидентификационного характера;
- основными свойствами ПЖВС человека, обнаруженного на месте преступления;
- свойствами ПЖВС человека, обнаруженного на месте преступления;
- доступностью ладонных поверхностей рук;
- меньшей доступностью подошвенных поверхностей ног человека;
- разнообразием функций рук и ног человека (например, хватать, брать, касаться, давить, прижимать и т. п.).

Поэтому в настоящее время назрела необходимость рассмотреть расширенную классификацию ПУЧ и их отображений.

В многочисленных криминалистических источниках [1, с. 18; 2, с. 21–25; 3, с. 21–23] выделяются, как правило, 2–4, максимум – 5 свойств ПУЧ. В 2015 г. в статье «К вопросу о классификации свойств отображений папиллярного узора» нами было выделено 9 свойств ПУЧ, затем в 2016 г. в статье «К вопросу о классификации собственных свойств папиллярного узора» – 15 свойств ПУЧ, а в данной работе выделим три группы, где только в третьей группе выделено 24 свойства ПУЧ.

Учитывая тенденции развития дактилоскопии, С. С. Самищенко предлагает следующее определение современной дактилоскопии: «дактилоскопия – раздел криминалистической техники, изучающий ПУЧ с целью идентификации и диагностики морфофизиологических свойств» [3, с. 307–308]. Из этого следует, что к свойствам дактилоскопии относятся: свойства ПУЧ, его морфологические и физиологические свойства, а также свойства отображений папиллярного узора, свойства потожирового вещества и его следа. Понятие «свойство» – философская категория, «выражающая такую сторону предмета, которая обуславливает его различие или общность с другими предметами и обнаруживается в его отношениях к ним»².

Каждая отдельная вещь обладает бесчисленным количеством свойств, единство которых выражает ее качество (качество и количество). Свойства могут быть главными (основными) и неглавными (просто свойства), существенными и несущественными, совместимыми и несовместимыми, отделимыми и неотделимыми, естественными и искусственными и т. п. Свойства не существуют самостоятельно, но «отделить свойства их от вещи можно лишь мысленно»³.

Экспериментальные исследования, проведенные специалистами разных профилей с учетом научно-технического прогресса, длительный анализ профильной литературы, многолетняя практика производства дактилоскопических экспертиз, работа сотрудников правоохранительных органов по поиску, обнаружению и выявлению следов рук, семилетняя работа автора в качестве эксперта-криминалиста позволяют выделить следующие свойства ПУЧ и их отображений,

² Советский энциклопедический словарь / сост. Р. Я. Булатов ; гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М. : Сов. энцикл., 1988. С. 1180.

³ Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. 4-е изд., доп. и испр. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1954. 704 с.

которые для удобства восприятия условно разделим на три группы:

- 1) собственные свойства ПУЧ;
- 2) свойства отображений ПУЧ;
- 3) свойства ПЖВ и ПЖВС ПУЧ.

Рассмотрим первую группу собственных свойств ПУЧ, которую условно поделим на 4 подгруппы:

- собственные свойства ПУЧ по решению идентификационных задач;
- собственные свойства ПУЧ по решению диагностических задач;
- собственные свойства ПУЧ по решению классификационных задач;
- собственные свойства ПУЧ по решению ситуалогических задач.

Некоторые свойства ПУЧ, обозначенные в одной подгруппе, в зависимости от количества и качества поверхности ПУЧ руки могут иметь применение и в другой подгруппе. Такое свойство, как значительная устойчивость ПУЧ руки, может быть в разных подгруппах в зависимости от степени гнилостных изменений кожи. Например, при легкой степени гнилостных изменений кожи ее применяют для решения идентификационных задач, а при более выраженной степени есть возможность применять для решения диагностических задач.

С учетом этого к *первой подгруппе собственных свойств ПУЧ* для решения идентификационных задач могут относиться:

– *индивидуальность* – это одно из основных свойств, обуславливающее неповторимость папиллярных узоров конкретного человека. Общие, частные (детали) признаки и микропризнаки папиллярных узоров в совокупности создают индивидуальную комбинацию: макроструктуру при визуальном осмотре (исследовании), а при оптическом увеличении – микроструктуру (пороскопия, эджеоскопия) ПУЧ, т. е. комплекс потока папиллярных линий и их деталей, который индивидуален для каждого человека, что позволяет осуществлять идентификацию конкретной личности;

– *относительная внутриутробная устойчивость* – это свойство ПУЧ формироваться, начиная с 3–4-х месяцев внутриутробной жизни, и оставаться почти неизменным на протяжении всей остальной внутриутробной жизни и после рождения, изменения связаны только с увеличением размеров папиллярных узоров в процессе развития эпидермального эмбриогенеза человека;

– *относительная прижизненная подростковая устойчивость* – это свойство ПУЧ оставаться почти неизменным на протяжении рождения и юношества. Как известно специалистам, сформировавшись, ПУЧ до 16–18 лет лишь увеличивается в размере, но при этом все его мельчайшие детали остаются неизменными;

– *относительная прижизненная зрелая, или достарческая, устойчивость* – это свойство ПУЧ оставаться практически неизменным на протяжении всей жизни от юношества до старости только с учетом изменения мягких тканей, возрастных и половых характеристик;

– *относительная старческая устойчивость* – это свойство ПУЧ оставаться почти неизменным на протяжении всей жизни. Как известно, папиллярные линии при старении несколько уменьшаются, при этом во всех случаях сохраняется количество и взаиморасположение папиллярных линий;

– *относительная значительная устойчивость* – это свойство ПУЧ оставаться пригодными для исследования и идентификации после смерти на определенный период: в зависимости от факторов внешней и внутренней среды, например, до наступления существенных и значительных (трупных) гнилостных изменений кожи рук (ног), лица, например «пребывание трупа в течение 1–3 дней в сухом, проветренном помещении сопровождается подсыханием и сморщиванием кожи кончиков пальцев, образованием на них неровностей, складок, уплотнений» [4, с. 119], а в дальнейшем мумификация, требующая соответствующие медико-криминалистические методы восстановления ПУЧ;

– *относительная собственная устойчивость* – это линейная сумма свойств по возрасту, т. е. суммирование относительной (внутриутробной, подростковой, зрелой, старческой и значительной) устойчивости папиллярных узоров человека в течение длительного времени. И при этом способность оставаться пригодным для идентификационного исследования лица;

– *относительная устойчивость к деформации* – это свойство ПУЧ оставаться достаточно стабильным и неизменным до, в момент и после слеодообразования. Деформация ПУЧ здоровой эластичной кожи визуально незаметна и практически не играет существенной роли, имеет значение при патологических процессах эпидермиса и дермы в динамике;

– *способность к регенерации* – это свойство ПУЧ восстанавливаться после повреждения эпидермиса кожи. Время регенерации 2–4 недели. В случаях же повреждения сосочкового слоя дермы образуются новые особенности в виде шрамов, рубцов, представляющие уже новые признаки;

– *наглядность* – это свойство ПУЧ, позволяющее визуально изучать (исследовать) общие признаки (например, типы, виды) и частные признаки ПУЧ для принятия соответствующего решения после их предварительного сравнительного исследования с образцом (например, предварительный осмотр фаланг пальцев ладонной поверхности руки в целях исключения подозреваемых на месте осмотра);

– *способность к визуальной кодированности* – это свойство структуры ПУЧ удерживаться в памяти опытного сведущего лица с феноменальной памятью, с учетом особенности изученной «топографии» папиллярного узора для проведения предварительного сравнения визуально, что носит ограниченный характер;

– *способность к электронной кодированности* – это свойство ПУЧ, позволяющее технически и (или) технологически быстро перерабатывать изучаемый папиллярный узор руки (ноги) в целях кодирования для базы данных автоматической дактилоскопической информационной системы (далее – БД АДИС).

Ко второй подгруппе собственных свойств ПУЧ при определенных условиях состояния дермы папиллярного узора для решения *диагностических задач* относятся следующие свойства:

– *относительная собственная диагностическая устойчивость* – это свойство ПУЧ оставаться пригодным для диагностического исследования до рождения, при жизни и после смерти, т. е. сочетание свойств относительной внутриутробной, подростковой, зрелой, старческой и значительной устойчивости ПУЧ человека, подвергшихся определенным воздействиям внешней среды, заболеваниям, посмертным изменениям, оставаться пригодным для диагностических исследований ПУЧ, когда после наступления существенных значительных гнилостных изменений дермы дактилоскопическая идентификация исключается, но диагностика практически возможна по определению типа узора;

– *регенерация* – это свойство ПУЧ восстанавливаться частично или полностью после

повреждения эпидермиса кожи за определенный период. Это свойство ПУЧ учитывается и используется при диагностике времени регенерации эпидермиса конкретного человека, необходимого для следствия.

К третьей подгруппе собственных свойств ПУЧ для решения *классификационных задач* отнесем следующие:

– *классификация* – это свойство классифицировать кожную поверхность ПУЧ, что впервые было осуществлено в 1823 г. чешским биологом Я. Э. Пуркинью, который разделил их на девять типов. В дальнейшем классификация ПУЧ была усовершенствована различными авторами. В настоящее время ПУЧ верхних фаланг пальцев рук делят на три основных типа: дуговые, петлевые и завитковые;

– *способность к электронной классификации и систематизации* – это свойство ПУЧ, позволяющее технически быстро его сканировать, а именно классифицировать и систематизировать, затем кодировать, т. е. его первичная электронная переработка для решения определенной задачи. Это свойство ПУЧ «вытекает» из его свойства индивидуальности.

К четвертой подгруппе собственных свойств ПУЧ для решения *ситуалогических задач* относятся следующие:

– *рефлекторность* – это способность ПУЧ, как правило, автоматически отображаться вовне и неоднократно отображаться на других предметах или объектах;

– *дерматоглифические свойства* – это отражение в ПУЧ его нормы или патологии. Например, визуальная диагностика некоторых наследственных или врожденных заболеваний у подозреваемых, в том числе синдром Дауна;

– *антропометрические свойства* – это отражение в ПУЧ количественной характеристики папиллярных линий (например, сведения о размерах папиллярных линий и расстоянии между ними, которые изучаются с помощью лупы) для решения некоторых диагностических дактилоскопических задач, в частности, примерное установление возраста.

При решении ситуалогических задач возможно применение всех свойств ПУЧ, как и при решении идентификационных, диагностических, классификационных задач, но только как единая комплексная задача в конкретной ситуации.

Рассмотрим вторую группу свойств отображений (отпечаток, оттиск и след) ПУЧ, которые

условно поделим на 4 подгруппы с учетом решения идентификационных, диагностических и ситуалогических задач в процессе раскрытия и расследования преступлений. Некоторые свойства отображений ПУЧ, обозначенные в одной подгруппе, можно использовать и в другой подгруппе. Например, такое свойство, как наглядность отображения ПУЧ, можно применять и при решении идентификационных и неидентификационных задач.

С учетом этого в *первой подгруппе свойств отображений ПУЧ* для решения *идентификационных задач* могут использоваться следующие свойства:

– *индивидуальность отображения* – это свойство отображения ПУЧ, обуславливающее неповторимость отображений папиллярных узоров конкретного человека при следообразовании и дактилоскопировании (след пальца руки и его оттиск и отпечаток). Общие и частные детали отображения ПУЧ в совокупности создают комбинации: макроструктуру и микроструктуру (пороскопия, эджескопия) папиллярного узора человека. Достаточный объем дактилоскопической информации комплекса папиллярных линий отображения индивидуален для каждого человека, что позволяет идентифицировать по сравнительному образцу конкретную личность с учетом индивидуальности отпечатков пальцев и ладони рук и подошва ног.

– *относительная идентификационная устойчивость отображения* – это свойство отображения ПУЧ оставаться относительно неизменным на протяжении определенного длительного периода, при формировании в начале жизни человека происходит увеличение, затем длительное время без изменений и к старости уменьшение размеров папиллярных узоров, а после смерти лица состояние папиллярных линий кожи зависит от температуры, влажности и испаряемости окружающей среды, наличия прямых солнечных лучей, а также от экспозиции внешних факторов среды на отображение (след, отпечаток) и материал, на котором находится;

– *относительная устойчивость к деформации отображения ПУЧ* – это свойство отображения ПУЧ оставаться относительно стабильным в момент образования отображения папиллярных узоров и неизменным в относительно короткий промежуток времени;

– *восстанавливаемость отображения ПУЧ* – это свойство отображения ПУЧ со временем вос-

станавливаться до первоначального отображения после повреждения эпидермиса кожи – в течение 2–4 недель, которое по времени зависит от объема повреждения. В случаях же повреждения сосочкового слоя дермы образуются новые особенности в виде шрамов, рубцов, представляющие уже новые признаки отображения ПУЧ;

– *отображаемость* – свойство ПУЧ неоднократно отображаться на других предметах в виде обратного зеркального отображения. Полнота и адекватность передачи зависят от условий следообразования. Образование отображений обусловлено физиологическими свойствами кожи – тем, что поверхность кожи всегда покрыта выделениями пота и жира. Переходя при прикосновении на предмет, они образуют на нем отображения, копирующие ПУЧ и это может повторяться. Так при одинаковых условиях механизма отображения отпечатки (оттиски) следов будут идентичны друг другу в течении определенного длительного периода времени;

– *зеркальность отображения ПУЧ* – это свойство отображения ПУЧ по отношению к собственному изображению ПУЧ ладонной поверхности руки;

– *наглядность отображения ПУЧ* – это свойство отображения ПУЧ, позволяющее визуально исследовать отпечаток, оттиск или след, его тип или вид ПУЧ для принятия соответствующего решения после их предварительного исследования и на сравнительной стадии;

– *позитивность или негативность отображения ПУЧ* – свойство отображения ПУЧ, позволяющее отмечать механизм следообразования, силу нажима или захвата, специфику следообразующей и следовоспринимающей поверхностей, физиологическую ширину папиллярных линий, которая колеблется от 0,1 до 1,0 мм и промежутками между ними для принятия соответствующего решения после их предварительного исследования. В папиллярных узорах ногтевых фаланг пальцев рук встречаются тонкие линии шириной называемые межпапиллярными линиями, которые по наличию и взаиморасположению являются индивидуальными. Негативное отображение с белыми папиллярными линиями встречается реже на осмотре места происшествия (далее – ОМП), чем позитивное отображение, когда папиллярные линии отображаются, как черные и встречаются чаще;

– *способность к визуальной кодированности* – это свойство отображения ПУЧ удерживать

в профессиональной памяти сведущего лица топографические особенности папиллярного узора следа с ОМП для проведения предварительного сравнения по памяти. Во время Великой Отечественной войны эксперт А. Ф. Еримейкин проверил перед отправкой на фронт более 300 человек, преступник был установлен и подтвержден дактилоскопической экспертизой;

– *способность к электронной переработке* – это свойство отображения ПУЧ, позволяющее технологически быстро перерабатывать отображения папиллярного узора руки (ноги) в целях классификации, систематизации и кодирования для базы данных автоматической дактилоскопической информационной системы (далее – БД АДИС). Это свойство ПУЧ вытекает из свойства отображения индивидуальности ПУЧ.

Ко второй подгруппе свойств отображений ПУЧ при определенных условиях состояния дермы ПУЧ для решения *диагностических задач* относятся:

– *относительная собственная диагностическая устойчивость* – это свойство отображения ПУЧ оставаться пригодным для диагностического исследования до рождения, при жизни и после смерти. Это сочетанное свойство отображения ПУЧ (т. е. сочетание относительной внутриутробной, подростковой, зрелой, старческой и значительной устойчивости). Способность отображений ПУЧ, подвергшихся определенным воздействиям внешней среды, заболеваниям и посмертным изменениям, оставаться пригодным для диагностических исследований ПУЧ. После наступления существенных значительных гнилостных изменений дермы, где дактилоскопическая идентификация исключается, но возможна диагностика типа узора или разновидности дельты, или с целью исключения конкретного лица по дактилоскопической карте;

– *относительная устойчивость к деформации ПУЧ в динамике* – это свойство отображения ПУЧ оставаться достаточно стабильным и неизменным в момент следообразования, а также до и после этого. В процессе следообразования отображение папиллярного узора в зависимости от механизма образования, направления давления следообразующего объекта и состояния дермы может подвергаться относительной деформации. Это определенно нужно учитывать. Деформация возможна при существенных значительных гнилостных изменениях кожи. Это свойство ПУЧ учитывается и использует-

ся при диагностике подвижности анатомических слоев кожи, которое практически бывает в двух случаях: при болезнях дермы первичного или вторичного характера и при посмертных изменениях кожи трупа. В процессе следообразования отображение ПУЧ в зависимости от механизма образования, направления давления следообразующего объекта и состояния дермы может подвергаться деформации – растягивается на одних участках и сжимается на других. При этом могут искажаться макродетали узора и координаты их расположения на плоскости;

– *восстанавливаемость* – это свойство отображения ПУЧ учитывается и используется при диагностике времени регенерации эпидермиса кожи конкретного человека, при получении отпечатков (оттисков) необходимого для следствия;

– *информационность* – это свойство отображения ПУЧ нести определенный объем дактилоскопической и иной папиллярскопической информации, ее степень полноты и качества для решения конкретной задачи, стоящей перед следствием. След может быть сильно, средне, мало или недостаточно информативен.

К третьей подгруппе свойств отображений ПУЧ для решения *классификационных задач* отнесем следующие:

– *классификация отображения ПУЧ* – это свойство учитывается и используется при классификации типа и вида папиллярного узора человека, его разновидностей, например, для грамотного описания протокола ОМП, а также для выведения дактилоскопической основной и дополнительной формулы.

К четвертой подгруппе свойств отображения ПУЧ для решения *ситуалогических задач*, в том числе диагностики обстоятельств и (или) механизма отображений папиллярного узора лица, относятся следующие:

– *отображаемость* – свойство ПУЧ неоднократно отображаться на других предметах в виде обратного зеркального отображения. Полнота и адекватность передачи зависит от условий следообразования. Образование отображений обусловлено физиологическими свойствами кожи – тем, что поверхность кожи всегда покрыта выделениями пота и жира. Переходя при прикосновении на предмет, они образуют на нем отображения, копирующие папиллярные узоры. При этом, как правило, учитывается не одно отображение ПУЧ;

– *наглядность* – это свойство отображений ПУЧ, позволяющее визуально исследовать отпечаток (оттиск), его элементы, признаки ПУЧ и его условной срединной оси с необходимой точностью и достоверностью для определения механизма образования в процессе решения идентификационных и неидентификационных задач;

– *дерматоглифические свойства отображения ПУЧ* – это отображение особенностей кожного папиллярного рельефа пальцев и ладоней рук «в рисунке ПУЧ, выраженном в количественной и качественной характеристике папиллярных линий (например, недоразвитии (гипоплазии) и правильного или неправильного развития папиллярных линий (диплазии), его состояния и особенностей, как в норме, так и при патологии различной этиологии» [2, с. 28]. Например, установление расовых и национальных признаков, психофизических особенностей личности, диагностика наследственных или врожденных заболеваний, а также предрасположений к ним (шизофрения, эпилепсия, сахарный диабет, псориаз, порок сердца и др.), для выдвижения версий при розыске подозреваемого;

– *дерматоглифическая прогнозируемость адаптационного фенотипа человека* – это свойства отображений ПУЧ на основе особенностей кожного папиллярного рельефа рук и дактилоскопических формул предполагать определенный «уровень социальной адаптации индивидов, который создает и позволят проводить научно обоснованное дактилоскопическое и дерматоглифическое прогнозирование» [5, с. 23];

– *дактилоскопическая прогнозируемость* – это свойства отображений особенностей кожного папиллярного рельефа рук ПУЧ, основанное только на дактилоскопических формулах, по которым с определенной «вероятностью можно диагностировать или прогнозировать врожденную предрасположенность этих лиц к наркомании» [6, с. 71];

– *папилляроскопическая прогнозируемость* – это свойства отображений особенностей кожного папиллярного рельефа рук ПУЧ на комплексной основе дерматоглифической и дактилоскопической прогнозируемости;

– *антропометрические свойства* – это отображение в ПУЧ количественной характеристики папиллярных линий (сведения о размерах папиллярных линий и расстоянии между ними) для решения некоторых диагностических дакти-

лоскопических задач. В частности, примерное установление возраста, пола;

– *топографичность* – это свойство отображения ПУЧ (следа), позволяющее визуально определять его локализацию на ладонной папиллярной поверхности руки или папиллярной подошвенной поверхности ноги при достаточной информативности следа. Как правило это сочетается со свойствами наглядности и антропометричности отображений ПУЧ;

– *относительная давность образования папиллярного следа* – это свойство отображения ПУЧ, означающее степень свежести следа. Так, при откопировании и фиксации дактилоскопической пленкой папиллярного следа можно ориентировочно определять давность его образования. Чем свежее, тем более полно переходит вещество отображения следа на пленку. Определение давности образования следа необходимо при «изучении кинетики утоньшения папиллярных линий и изменения формы и размера пор» [2, с. 31] в сочетании с хроматографическими методами;

– *антропометрические свойства отображения ПУЧ* – позволяют визуально определять в нем видовые ПУЧ в отличие от их подобных узоров и рисунков живой и неживой природы. При полной визуальной информативности единичного следа – это в среднем 30–60 % потенциально возможной для использования информации;

– *антропологическая принадлежность отображения ПУЧ* – это свойство отображения ПУЧ, означающее, что к данному предмету, возможно, прикасался человек и это необходимо для дифференцирования аналогов папиллярных узоров живой и неживой природы. При необходимости производят дополнительное исследование, так как визуальная информативность следа ограничена, это от 5 % до 30 % потенциально возможной информации;

– *пороскопичность отображения ПУЧ* – это свойство отображений микрорельефа ПУЧ, позволяющее инструментально с помощью оптики исследовать отпечаток (оттиск) и его элементы и микропризнаки пор папиллярных линий узора следа с необходимой точностью и достоверностью, которое используется при недостаточности частных признаков при идентификации личности на пригодность;

– *эджескопичность отображения ПУЧ* – это свойство отображений микрорельефа ПУЧ, позволяющее инструментально исследовать

отпечаток (оттиск) и его элементы и микропризнаки боковых кромок рельефа папиллярных линий узора следа с необходимой точностью и достоверностью, которое используется при недостаточности частных признаков при идентификации личности на пригодность, как правило, совместно с пороскопичностью;

– *адекватность отображения ПУЧ* – это однозначность отображения ПУЧ их особенностей, в том числе механизма оставления следа (захват, касание и т. д.)

При решении ситуалогических задач возможно применение всех свойств ПУЧ так же, как и при решении идентификационных, диагностических, классификационных задач, но только – как единая комплексная задача в конкретной ситуации.

ПЖВ, входящие в структуру папиллярных узоров человека и их отображений, имеют свой состав и свойства, поэтому к *третьей группе свойств ПУЧ* отнесем следующие.

Адгезивность ПЖВ ПУЧ – свойство ПЖВ прилипать к различным поверхностям, которое обусловлено качественным составом пота и жира. Так, находящееся на ладонной части руки ПЖВ переходит на предмет-носитель, копируя ПУЧ и детали микрорельефа руки.

Прилипаемость к ПЖВС – свойство прилипать различных веществ к наружной поверхности следа от отображения ПУЧ, что обусловлено количественным и качественным составом пота и жира ПЖВ. Например, обеспечивает впоследствии прилипаемость к следу частиц различных следовывяляющих порошков, используемых при выявлении папиллярных следов рук.

Антропологическая принадлежность ПЖВС ПУЧ – это свойство ПЖВ ПУЧ, означающее, что к данному предмету непосредственно прикасался человек, что необходимо для дифференцирования аналогов папиллярных узоров живой и неживой природы. Для этого производят при необходимости дополнительные химические и хроматографические исследования. В современной дерматоглифики выделяется «антропологический раздел (включает представления о типах папиллярных узоров)» [7, с. 51];

Адсорбционность, диффузность ПЖВ ПУЧ – это свойство ПЖВ, основанное на смешивании вещества извне «с потожировыми выделениями, которые переходят в ПЖВС человека» [2, с. 195]. Например, духи, туалетная вода, одеколон, лосьоны, дезодоранты и другие вещества, исполь-

зуемые криминалистами с диагностической целью или с целью выявления папиллярных следов (физические методы).

Выделительство ПЖВС ПУЧ с идентификационной составляющей – это свойство ПЖВ выделять вещества, в том числе и аминокислоты и их метаболиты, выделенные с потом. Данные вещества используются специалистами с идентификационной целью (генная дактилоскопия). Например, «использование для криминалистических целей высокочувствительных методов ДНК-анализа и ДНК-идентификации» [8, с. 192]. А также «когда отпечатки пальцев смазаны, искажены или наложены друг на друга, предполагается, что остатки пота, присутствующие в латентных отпечатках, содержат достаточно большое количество клеточного материала, который при правильном анализе может быть использован для формирования криминалистического ДНК-профиля индивида» [9, с. 64].

Выделительство ПЖВС ПУЧ с диагностической составляющей – это свойство ПЖВ выделять вещества и их метаболиты, выделенные с потом. Данные вещества используются криминалистами с диагностической целью (например, определение группы крови) или при установлении некоторых патологических особенностей и состояния человека, позволяющие выдвинуть версию и сузить круг проверяемых лиц, так как «система АВО 4-х групп не утратила до сих пор значения дифференцирования следов крови в виду ее высокого полиморфизма, повышенной стойкости антигенов к внешней среде» [10, с. 396].

Микробиологические свойства вещества ПЖВС ПУЧ основаны на выявлении латентных отображений ПУЧ, на способности бактерий утилизировать ПЖВС при определенных условиях внешней среды т. е. росте колонии бактерий на гребешке папиллярного узора и его выявлении, например, по «методике разработки латентных отпечатков пальцев» [11, с. 134]. И в зависимости от объема полной или неполной утилизации ПЖВС.

Отображаемость микробиологического выделительства ПЖВС ПУЧ – это свойство ПЖВС при повторном отображении папиллярного следа повторно отображать копирующие штампы бактерий и отображения ПУЧ следовоспринимающей поверхности в определенный промежуток времени.

Одородолгичность ПЖВС ПУЧ – это свойство ПЖВС выделять особую специфичность состава

вещества следа т. е. специфический запах конкретного человека, который можно рассматривать как генетически обусловленный, идентификационный признак. Это восприятие вещества следа производится «биодетектором» при достаточном объеме папиллярных следов и (или) чувствительности восприятия собаки.

Испаряемость ПЖВС ПУЧ – это свойство молекул воды испаряться из ПЖВС под воздействием параметров внешней среды (температура, влажность, солнечный свет и др.). Применяется для определения давности оставления папиллярных следов, их условно делят на «свежие и старые».

«Анализ опубликованных аналитических данных о реальных отпечатках пальцев и ряд теоретических соображений, касающихся скорости испарения и пополнения, указывают на вероятное начальное среднее содержание воды в отпечатке пальца вскоре после осаждения 20 % или менее» [12, с. 134].

Высыхаемость ПЖВС ПУЧ – это свойство молекул «подвижного» вещества выделяться (выходить) из ПЖВС под воздействием параметров внешней среды (температура, влажность, солнечный свет и др.). Применяется для определения давности оставления папиллярных следов.

Относительная сохраняемость ПЖВС ПУЧ – это свойство ПЖВС сохраняться на предмете-носителе в сохранности на определенный период в зависимости от свойств материала и воздействия внешних факторов среды. Недолго сохраняются пальцевые следы на пористых материалах: картоне, газетной бумаге, фанере. В течение 10-40 часов в зависимости от параметров внешней среды потожировое вещество впитывается, расплывается и размывается в не имеющее каких-либо деталей пятно. Поэтому при поиске папиллярных следов подобные предметы должны быть исследованы в первую очередь. В среднем, при комнатной температуре вне запыленных помещениях следы сохраняются от 90 до 180 дней на стекле, кафеле, фарфоре.

Интересны результаты, когда в качестве проявителя в исследовании (при рассматриваемых факторов, которые включают температуру, относительную влажность, воздушные потоки, состав отложений отпечатков пальцев (сальные и эккриновые), различные воздействия дневного света (прямые, полутень и темнота) и тип физического субстрата (стекло и пластик) в течение 6 месяцев.) использовался порошок на ос-

нове диоксида титана. Где латентные отпечатки пальцев, подвергнутые воздействию «прямых солнечных лучей в помещении, деградируют аналогично тем, которые находятся в темноте, где условия окружающей среды более постоянны. В то время как все сальные латентные отпечатки пальцев на стекле все еще полезны для идентификации через 6 месяцев, различные результаты получены с отпечатками на пластике; они демонстрируют гораздо более высокую и быструю степень распада, что делает идентификацию трудной» [13, с. 857].

Определимость времени оставления ПЖВС ПУЧ – это свойство ПЖВС с возможностью определять время оставления следов папиллярного узора в зависимости от внешних и внутренних факторов среды и экспозиции оставления следа. С определенной закономерностью, т. е. с увеличением давности следа, уменьшается относительное содержание входящих в состав ПЖВС веществ, например, триглицеридов и других составных частей ПЖВС. Исследование старения остатков отображений пальцев с использованием «тонкослойной и высокоэффективной жидкостной хроматографии» [14, с. 261].

Исследовали жирные кислоты в динамике отображений пальцев рук и их изменения и пришли к выводу, что «деканал является основным продуктом деградации наблюдаемых ненасыщенных жирных кислот» [15, с. 1565] в старых остатках следов пальцев.

Люминесцентность ПЖВС ПУЧ – это свойство ПЖВС (особенно с большим содержанием жировых компонентов) люминесцировать под действием УФ-лучей или лазерное обнаружение скрытых отпечатков пальцев [16, с. 90].

Флуоресцентность ПЖВС ПУЧ – это свойство ПЖВС при применении флуоресцентных органических порошков совместно усиливать визуализацию отпечатков ПУЧ (это физический процесс, разновидность люминесценции). За последние 5 лет усилилось внимание к флуоресцентным органическим порошкам ее эко безопасностью для пользователей.

Флуоресцентная визуализация скрытых отпечатков пальцев имеет преимущество высокой контрастности, чувствительности и селективности.

«В последнее время большое внимание уделяется использованию флуоресцентных наноматериалов, в том числе квантовых точек (QDs) и редкоземельных флуоресцентных наноматериалов (UCNMs), благодаря их уникальным

оптическим и химическим свойствам» [17, с. 160] для получения высокой контрастности, чувствительности и селективности отображений ПУЧ.

Термовакuumная контрастность ПЖВС ПУЧ – это свойство «следообразующего вещества локально изменять поверхностную энергию, а значит энергию связи со следовоспринимающей поверхностью конденсирующих паров металлов, испаряющихся в вакууме» [2, с. 85]. На этом свойстве основано выявление папиллярных следов способом термовакuumного напыления, основанного на способности атомов металлического порошка, нагретого до испарения в условиях глубокого вакуума (вольфрама, молибдена, цинка, сурьмы, меди и их смесей) конденсироваться на свободной от потожирового вещества следа поверхности. Создается контраст между интенсивностью окрашивания следовоспринимающей поверхности и самого ПЖВС и в результате этого след становится видимым.

Гидрофобная контрастность ПЖВС ПУЧ – это свойство ПЖВС (особенно с большим содержанием жировых компонентов) при соприкосновении с жидкостью не смачивается водой. Это свойство лежит в основе выявления ПЖС водными растворами красителей для примера могут служить чернила, которые в результате окрасят весь объект, кроме места с потожировым следом.

Нанометаллическая контрастность отображения потожирового вещества ПУЧ – это свойство ПЖВС на бумаге при соприкосновении с раствором наночастиц золота в комплексе с молекулами «двойного действия» не взаимодействовать с ними. Например, взаимодействие раствора происходит с целлюлозой бумаги, где «нет жировых отложений, после чего остается проявить отпечаток нитратом серебра»⁴.

Увеличилось значение нанотехнологии. При разработке и обнаружении латентных следов ПУЧ нанотехнологии обладают огромным потенциалом.

«Такие характеристики, как четкие гребневые детали отпечатков пальцев, могут быть получены путем нанесения различных наночастиц, таких как серебро, оксид цинка, диоксид кремния, оксид алюминия, золото (с физическим проявителем серебра), европий, флуоресцентный угле-

род и амфифильный кремнезем, на различные поверхности объектов, и среди них наиболее часто используется золото» [15, с. 26].

Физическое взаимодействие ПЖВС ПУЧ – это свойство веществ, входящих в состав потожировых выделений, удерживать внедрившиеся в них частицы других веществ (например, следовывяляющих), *не вступая* с ними в химические соединения. Это используется для выявления невидимых, маловидимых и видимых папиллярных следов физическими методами.

Физико-химическое взаимодействие ПЖВС ПУЧ – это свойство веществ, входящих в состав потожировых выделений, удерживать внедрившиеся в них частицы других веществ (например, следовывяляющих), *временно вступая* с ними в химические соединения. Используется для выявления латентных папиллярных следов, например, парами йода.

Химическое взаимодействие ПЖВС ПУЧ – это свойство веществ, входящих в состав потожировых выделений, удерживать внедрившиеся в них частицы других веществ (например, следовывяляющих), *вступая* с ними в химические соединения. Используется для поиска латентных папиллярных следов химическими методами (например, полицианакрилата для выявления отпечатков пальцев).

Коррозионность ПЖВС – это свойство ПЖВ вызывать разъедание или ржавчину металла (особенно железа) на месте непосредственного контакта. Применяется для выявления стертых папиллярных следов на металле физическим методом, например, на гильзе из α -фазной латуни и ее процесс коррозии.

«Получение идентифицируемых отпечатков пальцев из эккриновых отложений пота на латуни зависело от времени года отбора проб, причем отложения, взятые в летние месяцы, давали аналогичный процент идентифицируемых отпечатков пальцев для солевых отложений» [18, с. 1314]. В теплое время года увеличение процента идентифицируемых эккриновых отложений пота было статистически значимым по сравнению с холодными временами года.

Вторичная радиоактивность ПЖВС ПУЧ – свойство веществ, входящих в состав потожировых выделений под действием облучения потоком нейтронов становиться радиоактивными и засвечивать фотопластинку при контакте

⁴ В Израиле разработали метод снятия отпечатков пальцев на бумаге. URL: http://newsru.co.il/israel/19nov2012/fingerprints_005.html

и могут сочетаться с адсорбцией. На этом основан радиографический способ выявления следов.

Измеряемость электрического потенциала контакта ПЖВС – это свойство ПЖВ измерять микроскопические изменения электрического потенциала электрохимических реакций, возникающих при прикосновении пальцев к металлу. Например, «с помощью так называемого сканирующего зонда Кельвина», который предложил профессор Нил Макмерри из Университета Уэльса (Великобритания). В результате серии экспериментов выяснилось, что данный зонд прекрасно работает с железом, сталью, алюминием, цинком и бронзой⁵.

Третью группу свойств ПЖВ и ПЖВС с теоретической и практической целью условно поделим на 4 подгруппы с учетом решения идентификационных, диагностических, классификационных и ситуалогических задач в процессе раскрытия и расследования преступлений.

В первой подгруппе для решения *идентификационных задач* будут использоваться следующие свойства: выделительство с идентификационной составляющей, микробиологические свойства, отображаемость микробиологического выделительства и одорологичность ПЖВС ПУЧ.

Во второй подгруппе для решения *диагностических задач* будут использоваться следующие свойства: антропологическая принадлежность, адгезивность, прилипаемость к ПЖВС; адсорбционность, диффузность потожирового вещества, выделительство с диагностической составляющей; люминесцентность, термовакуумная контрастность, гидрофобная контрастность, нано металлическая контрастность и измеряемость электрического потенциала контакта ПЖВС.

В третьей подгруппе для решения *классификационных задач* будут использоваться следующие свойства: микробиологические свойства и отображаемость микробиологического выделительства ПЖВС ПУЧ.

В четвертой подгруппе для решения *ситуалогических задач* будут использоваться следующие свойства: испаряемость, высыхаемость, относительная сохраняемость и определимость времени оставления ПЖВС.

Некоторые свойства отображений ПУЧ, обозначенные в одной подгруппе, можно использовать и в другой подгруппе. Например, такое свой-

ство как микробиологическое свойство вещества отображения ПУЧ можно применять и при решении идентификационных и (или) классификационных задач.

Третью группу свойств ПЖВ и ПЖВС также с познавательной целью условно поделим на 4 подгруппы с учетом механизма взаимодействия ПЖВ и ПЖВС с предметом-носителем и внешними воздействиями.

Первая подгруппа свойств по *взаимодействию* ПЖВ и ПЖВС с предметом-носителем: это адгезивность, диффузность и вторичная радиоактивность ПЖВ ПУЧ; прилипаемость к ПЖВС; адсорбционность, химическое взаимодействие, физическое взаимодействие, физико-химическое взаимодействие, коррозионность и измеряемость электрического потенциала контакта ПЖВС.

Вторая подгруппа свойств по *выделительству* ПЖВ и ПЖВС папиллярного узора: это антропологическая принадлежность, выделительство с идентификационной составляющей, выделительство с диагностической составляющей, микробиологические свойства вещества отображения, отображаемость микробиологического выделительства, одорологичность и вторичная радиоактивность ПЖВС ПУЧ.

Третья подгруппа свойств по *динамике сохранности* ПЖВС: испаряемость, высыхаемость, относительная сохраняемость и определимость времени оставления ПЖВС ПУЧ.

Четвертая подгруппа свойств по *контрастности выявления* ПЖВС: люминесцентность, термовакуумная контрастность, гидрофобная контрастность и нанометаллическая контрастность ПЖВС ПУЧ.

Некоторые свойства отображений ПЖВС ПУЧ, обозначенные в одной подгруппе, можно использовать и в другой подгруппе. Например, такое свойство, как вторичная радиоактивность ПЖВ ПУЧ, которое характерно по взаимодействию и при выделительстве.

Перечисленные свойства ПЖВ и ПЖВС ПУЧ не являются окончательными. С развитием научно-технического прогресса будет увеличиваться и количество свойств ПЖВ и ПЖВС.

Рассмотрим определение «основные собственные свойства ПУЧ» и «собственные свойства ПУЧ», «основные свойства отображений ПУЧ» и «свойства отображений ПУЧ»,

⁵ Евсеев А. Сканирующий зонд Кельвина. URL: <http://www.pravda.ru/...opiyadety-0/>

«основные свойства ПЖВ человека и свойства ПЖВ человека», «основные свойства ПЖВС человека» и «свойства ПЖВС человека».

Основные собственные свойства ПУЧ – это резко выраженные индивидуальные особенности рельефных папиллярных линий ладонных и подошвенных (включая пальцы) поверхностей человека в достаточном объеме, стабильные в динамике, а также другие особенности, позволяющие решать идентификационные задачи, в том числе с ситуационным анализом. Собственные свойства ПУЧ – маловыраженные групповые особенности рельефных папиллярных линий ладонных и подошвенных (включая пальцы) поверхностей человека в ограниченном объеме, позволяющие решать не идентификационные (диагностические, классификационные и ситуационные без идентификационной составляющей) задачи.

Основные свойства отображений ПУЧ – это резко выраженные индивидуальные особенности отображений рельефных папиллярных линий и узоров ладонных и подошвенных (включая пальцы) поверхностей человека в достаточном объеме, стабильные и в динамике, и другие особенности, позволяющие решать идентификационные задачи, в том числе с ситуационным анализом. Свойство отображений ПУЧ – маловыраженные групповые особенности отображений рельефных папиллярных линий ладонных и подошвенных (включая пальцы) поверхностей человека в ограниченном объеме, позволяющие решать неидентификационные (диагностические, классификационные и ситуационные без идентификационной составляющей) задачи.

Основные свойства ПЖВ – это резко выраженные индивидуальные особенности ПЖВ папиллярных линий и узоров ладонных и подошвенных (включая пальцы) поверхностей человека в достаточном объеме, стабильные в динамике, и другие особенности, позволяющие решать идентификационные задачи, в том числе с ситуационным анализом. Свойства ПЖВ – выраженные общие особенности ПЖВ папиллярных линий и узоров ладонных и подошвенных (включая пальцы) поверхностей человека в определенном объеме, позволяющие решать неидентификационные (диагностические, классификационные и ситуационные без идентификационной составляющей) задачи.

Основные свойства ПЖВС человека – это резко выраженные индивидуальные особенности

отображений ПЖВС папиллярных линий и узоров ладонных и подошвенных (включая пальцы) поверхностей человека в достаточном объеме, стабильные в динамике, и другие особенности, позволяющие решать идентификационные задачи, в том числе с ситуационным анализом.

Свойства ПЖВС человека – выраженные общие особенности отображений ПЖВС папиллярных линий и узоров ладонных и подошвенных (включая пальцы) поверхностей человека в определенном объеме, позволяющие решать неидентификационные (диагностические, классификационные и ситуационные без идентификационной составляющей) или задачи с комплексной составляющей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разделение свойств папиллярных узоров на «основные свойства» и «свойства» удобно с когнитивной целью для решения идентификационных и неидентификационных задач для будущих юристов.

Усовершенствованная и расширенная классификация свойств ПУЧ дает возможность рассмотреть почти все свойства ПУЧ и их отображений и разбить их на три группы: собственные свойства, свойства отображений и свойства ПЖВ ПУЧ и его следа. В свою очередь с познавательной целью группы разбиты на четыре подгруппы по решению идентификационных, диагностических, классификационных и ситуационных задач. Третья группа дополнительно разбита на четыре подгруппы в зависимости от механизма взаимодействия ПЖВ и ПЖВС с предметом-носителем и внешними воздействиями.

Криминалистическое значение ПУЧ определяется их важнейшими основными свойствами, которые иногда называют «законами дактилоскопии», в первую очередь это – индивидуальность, собственная устойчивость, регенерация или восстанавливаемость, отображаемость, классификация ПУЧ и их отображений в достаточном объеме, выделительство ПЖВ и ПЖВС ПУЧ с идентификационной составляющей, а также и другие свойства ПЖВ и ПЖВС, позволяющие решать идентификационные задачи.

Расширенная классификация свойств ПУЧ и их отображений основана на свойствах ПУЧ и внутренних свойствах ПЖВ и ПЖВС, составляющих вместе, как минимум, три идентификационных поля и гораздо большее количество

диагностических полей, что предполагает увеличение использования комплексных дактилоскопических экспертиз. А «использование результатов комплексной экспертизы позволит выявить наиболее полный объем диагностической информации о человеке, оставившем следы на месте происшествия, что будет способствовать сокращению времени уголовного судопроизводства в ходе раскрытия, расследования преступлений, а также их профилактической составляющей» [5, с. 23].

Данная усовершенствованная классификация свойств ПУЧ и их отображений – это одно из направлений систематизации криминалистического знания, где теория и практика усиливают значимость дактилоскопии. Будущие специалисты и эксперты знают основные свойства и свойства ПУЧ и их отображений, ПЖВ и ПЖВС, которые им позволяют успешно использовать их для обна-

ружения, выявления, фиксации и предварительного исследования, а также надлежащего решения идентификационных, диагностических, классификационных и ситуалогических задач в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Изучение отдельных свойств ПУЧ, их отображений, ПЖВ и ПЖВС служит ступенькой к познанию их качеств, теоретического и практического познания основ дактилоскопии в свете современной концепции криминалистического исследования следов рук (ног) и дает толчок к рассмотрению возможности создания центра комплексной дактилоскопической экспертизы и последующего образования его филиалов в регионах, так как почти половина изымаемых следов – это следы ПУЧ. Центр комплексной дактилоскопической экспертизы может находиться в составе главного центра комплексной экспертизы страны или ЕврАзЭС.

Список литературы

1. Корнаухов В. Е., Ярослав Ю. Ю., Яровенко Т. В. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. 320 с.
2. Моисеева Т. Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека / науч. ред. Н. П. Майлис. М. : Городец-издат, 2000. 224 с.
3. Самищенко С. С. Современная дактилоскопия: основы и тенденции развития / науч. ред. А. М. Кустов. М. : Москов. психолого-социал. ин-т, 2004. 456 с.
4. Толоконников В. К. Медико-криминалистические методы восстановления папиллярных узоров пальцев рук // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2015. № 1–2 (17). С. 116–121.
5. Самищенко С. С., Толстухина Т. В. Папиллярные узоры как маркер адаптационного фенотипа человека // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 1–2. С. 19–24.
6. Самищенко С. С. Дактилоскопическое прогнозирование наркомании на основе дактилоскопических формул // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 68–71.
7. Кудинова Н. С. Роль современных направлений диагностической дактилоскопии в раскрытии и расследовании преступлений // Информационная безопасность регионов. 2016. № 1 (22). С. 46–52.
8. Перепечина И. О. Криминалистические методы ДНК-анализа: выход за традиционные рамки // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 192–195. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10221>
9. Effects of latent Fingerprint Development Reagents on Subsequent Forensic DNA Typing: a Review / P. Kumar, R. Gupta, R. Singh, O. P. Jasuja // Journal of Forensic and Legal Medicine. 2015. Vol. 32. P. 64–69. <https://doi.org/10.1016/j.jflm.2015.03.002>
10. Шамонова Т. Н. Работа с материальными следами на месте происшествия при расследовании убийств // Актуальные проблемы расследования преступлений : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23 мая 2013 г.). В 2 ч. Ч. 2. М. : Издательство ООО «Ваш полиграфический партнер», 2013. С. 393–399.
11. A Bacteriological Technique for the Development of Latent Fingerprints / D. R. Harper, C. M. Clare, C. D. Heaps, J. Brennan, J. Hussain // Forensic Science International. 1987. Vol. 33, iss. 3. P. 209–214. [https://doi.org/10.1016/0379-0738\(87\)90129-0](https://doi.org/10.1016/0379-0738(87)90129-0)
12. Kent T. Water Content of Latent Fingerprints – Dispelling the Myth // Forensic Science International. 2016. Vol. 266. P. 134–138. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2016.05.016>
13. Determination of Latent Fingerprint Degradation Patterns – a Real Fieldwork Study / J. De Alcaraz-Fossoul, C. Mestres Patris, A. Balaciari Muntaner, C. Barrot Feixat, M. Gené Badia // International Journal of Legal Medicine. 2013. Vol. 127, iss. 4. P. 857–870. <https://doi.org/10.1007/s00414-012-0797-0>
14. Aging Studies on Fingerprint Residues Using Thin-Layer and High Performance Liquid Chromatography / Y. S. Dikshitulu, L. Prasad, J. N. Pal, C. V. N. Rao // Forensic Science International. 1986. Vol. 31, iss. 4. P. 261–266. [https://doi.org/10.1016/0379-0738\(86\)90165-9](https://doi.org/10.1016/0379-0738(86)90165-9)
15. Fatty Acid Structure and Degradation Analysis in Fingerprint Residues / S. Pleik, B. Spengler, T. Schäfer, D. Urbach, S. Luhn, D. Kirsch // Journal of the American Society for Mass Spectrometry. 2016. Vol. 27, iss. 9. P. 1565–1574. <https://doi.org/10.1007/s13361-016-1429-6>
16. Laser Detection of Latent Fingerprints: Treatment with Glue Containing Cyanoacrylate Ester / E. R. Menzel, G. A. Burt, T. W. Sinor, W. B. Tubach-Ley, K. J. Jordan // Journal of Forensic Sciences. 1983. Vol. 28, iss. 2. P. 307–317.
17. Fluorescent Nanomaterials for the Development of Latent Fingerprints in Forensic Sciences / M. Wang, M. Li, A. Yu, Y. Zhu, M. Yang, C. Mao // Advanced Functional Materials. 2017. Vol. 27, iss. 14. <https://doi.org/10.1002/adfm.201606243>

18. Cooper-Dunn A., Jones O., Bond J. W. The Effect of Varying the Composition of Fingerprint Sweat Deposits on the Corrosion of Brass and Fingerprint Visibility // *Journal of Forensic Sciences*. 2017. Vol. 62, iss. 5. P. 1314–1319. <https://doi.org/10.1111/1556-4029.13427>

References

1. Kornaukhov V. E., Yaroslav Yu. Yu., Yarovenko T. V. *Fingerprinting Expertise: Present-Day State and Development Prospects*. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ.; 2015. 320 p. (In Russ.).
2. Moiseeva T. F. *Comprehensive Forensic Study of Human Poly-Fat Traces*. Moscow: Gorodets-izdat Publ.; 2000. 224 p. (In Russ.).
3. Samishchenko S. S. *Present-Day Fingerprinting: Basics and Development Trends*. Moscow: Moscow Psychologic-Social Institute Publ.; 2004. 456 p. (In Russ.).
4. Tolokonnikov V. K. Forensic Medical Methods of the Restoration of Hand Finger Papillary Patterns. *Herald of Samara Humanitarian Academy. Series: Law*. 2015;1-2:116-121. (In Russ.).
5. Samishchenko S. S., Tolstukhina T. V. Fingerprint as a Marker Adaptation of Human Phenotype. *News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2015;1-2:19-24. (In Russ.).
6. Samishchenko S. S. Dactyloscopic Formulae as a Predictor of Drug Addiction. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2015;12:68-71. (In Russ.).
7. Kudinova N. S. Role of Modern Methods of Diagnostic Fingerprinting in Investigation and Prosecution of Crimes. *Information Security of Regions*. 2016;1:46-52. (In Russ.).
8. Perepechina I. O. Forensic Methods of DNA-Analysis: Beyond the Traditional Framework. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2019;4:192-195. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10221> (In Russ.).
9. Kumar P., Gupta R., Singh R., Jasuja O. P. Effects of latent Fingerprint Development Reagents on Subsequent Forensic DNA Typing: a Review. *Journal of Forensic and Legal Medicine*. 2015;32:64-69. <https://doi.org/10.1016/j.jflm.2015.03.002>
10. Shamonova T. N. Work with Material Traces on the Crime Scene in case of Homicide Investigation. In: *Topical Issues of the Crime Investigation. Ch. 2*. Moscow: Vash poligraficheskii partner Publ.; 2013. P. 393–399. (In Russ.).
11. Harper D. R., Clare C. M., Heaps C. D., Brennan J., Hussain J. A Bacteriological Technique for the Development of Latent Fingerprints. *Forensic Science International*. 1987;33(3):209-214. [https://doi.org/10.1016/0379-0738\(87\)90129-0](https://doi.org/10.1016/0379-0738(87)90129-0)
12. Kent T. Water Content of Latent Fingerprints – Dispelling the Myth. *Forensic Science International*. 2016;266:134-138. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2016.05.016>
13. De Alcaraz-Fossoul J., Mestres Patris C., Balaciart Muntaner A., Barrot Feixat C., Gené Badia M. Determination of Latent Fingerprint Degradation Patterns – a Real Fieldwork Study. *International Journal of Legal Medicine*. 2013;127(4):857-870. <https://doi.org/10.1007/s00414-012-0797-0>
14. Dikshitulu Y. S., Prasad L., Pal J. N., Rao C. V. N. Aging Studies on Fingerprint Residues Using Thin-Layer and High Performance Liquid Chromatography. *Forensic Science International*. 1986;31(4):261-266. [https://doi.org/10.1016/0379-0738\(86\)90165-9](https://doi.org/10.1016/0379-0738(86)90165-9)
15. Pleik S., Spengler B., Schäfer T., Urbach D., Luhn S., Kirsch D. Fatty Acid Structure and Degradation Analysis in Fingerprint Residues. *Journal of the American Society for Mass Spectrometry*. 2016;27(9):1565-1574. <https://doi.org/10.1007/s13361-016-1429-6>
16. Menzel E. R., Burt G. A., Sinor T. W., Tubach-Ley W. B., Jordan K. J. Laser Detection of Latent Fingerprints: Treatment with Glue Containing Cyanoacrylate Ester. *Journal of Forensic Sciences*. 1983;28(2):307-317.
17. Wang M., Li M., Yu A. Y., Zhu Y., Yang M. Y., Mao C. B. Fluorescent Nanomaterials for the Development of Latent Fingerprints in Forensic Sciences. *Advanced Functional Materials*. 2017;27(14). <https://doi.org/10.1002/adfm.201606243>
18. Cooper-Dunn A., Jones O., Bond J. W. The Effect of Varying the Composition of Fingerprint Sweat Deposits on the Corrosion of Brass and Fingerprint Visibility. *Journal of Forensic Sciences*. 2017;62(5):1314-1319. <https://doi.org/10.1111/1556-4029.13427>

Поступила | Received
19.07.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
3.10.2021

Принята к публикации | Accepted
7.10.2021

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.9

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-460-470

Оригинальная научная статья

Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения

Саният Абдулганиевна Агамагомедова*

✉ saniyat_aga@mail.ru

Ул. Красная, 40, Пенза, 440026, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы теоретического обоснования риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора, а также выделены проблемы практического использования данного подхода в условиях реформы контрольно-надзорной деятельности. Автором сравниваются позиции относительно категории риска в экономических и правовых исследованиях, обосновывается растущий интерес к применению риск-технологий в публичном управлении. Анализ использования категории риска в научно-правовом и нормативном поле позволяет выделить две позиции применительно к риску: риск как возможное наступление события, имеющего негативный эффект, и риск как вероятность его наступления. Институт риска относится к общей теории права и одновременно находит развитие в отраслевых исследованиях. В современных условиях праву присущи задачи предупреждения, преодоления и минимизации рисков в различных областях социальной действительности с одновременным их признанием и допущением. Автором рассматривается эволюция применения системы управления рисками при осуществлении таможенного и налогового контроля, обосновывается трансформация его трактовки. На основе проведенного анализа делается вывод, что риск-ориентированный подход применительно к системе государственного контроля и надзора следует трактовать как принцип современной системы государственного контроля и надзора; условие его выборочности и достаточности; средство снижения административной нагрузки на подконтрольную сферу; средство стимулирования подконтрольной сферы в заданном направлении и современный метод организации и осуществления государственного контроля и надзора. Выделены узкий и широкий подходы в позиционировании рисков при реализации последнего. В первом случае под риском понимается вероятность несоблюдения обязательных требований. Широкий подход предполагает учет двух факторов: вероятности несоблюдения требований и последствий подобного несоблюдения. Анализируются следующие характеристики риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора: стадийность, подвижный характер, стимулирование профилактической составляющей, развитие межведомственного взаимодействия, связь с цифровизацией контрольно-надзорной деятельности. В качестве проблем применения риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора выделены: разработка и использование критериев для риск-категорирования подконтрольных лиц, соотнесение данных критериев с показателями результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности; отсутствие соотношения между контрольно-надзорными процедурами и производством по делам об административных правонарушениях; использование категории добросовестности при реализации контрольно-надзорной деятельности и др. Решение названных проблем позволит повысить эффективность государственного контроля и надзора в современных условиях.

Ключевые слова: государственный контроль и надзор; риск; риск-ориентированный подход; добросовестность; реформа государственного контроля и надзора.

© Агамагомедова С. А., 2021

* Доцент кафедры менеджмента и экономической безопасности Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>

Для цитирования: Агамагомедова С. А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 460–470. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-460-470>

Original scientific article

Risk-Oriented Approach in the Implementation of Control and Supervision Activities: Theoretical Justification and Problems of Application

Saniyat A. Agamagomedova**

✉ saniyat_aga@mail.ru

40 Krasnaya st., Penza, 460026, Russian Federation

Abstract. The article discusses the theoretical justification of the risk-based approach in the implementation of state control and supervision, and also highlights the problems of the practical use of this approach in the context of the reform of control and supervision activities. The author compares the positions regarding the risk category in economic and legal studies, justifies the growing interest in the use of risk technologies in public administration. An analysis of the use of the risk category in the legal and regulatory field allows us to distinguish two positions in relation to risk: risk as a possible occurrence of an event that has a negative effect, and risk as the probability of its occurrence. The risk institute belongs to the general theory of law and at the same time finds development in industry research. In modern conditions, the law is inherent in the task of preventing, overcoming and minimizing risks in various areas of social reality with their simultaneous recognition and assumption. The author considers the evolution of the application of the risk management system in the implementation of customs and tax control, substantiates the transformation of its interpretation. Based on the analysis, it is concluded that the risk-based approach in relation to the system of state control and supervision should be interpreted as the principle of a modern system of state control and supervision; the condition of its selectivity and sufficiency; means of reducing the administrative burden on the controlled sphere; a means of stimulating the controlled sphere in a given direction and a modern method of organizing and implementing state control and supervision. Narrow and broad approaches in positioning risks in the implementation of state control and supervision are highlighted. In the first case, risk is understood as the probability of non-compliance with mandatory requirements. A broad approach involves two factors: the likelihood of non-compliance and the consequences of such non-compliance. A characteristic is given to such characteristics of a risk-based approach in the implementation of state control and supervision: staging, agile, stimulating the preventive component of state control and supervision, the development of interagency cooperation, the connection with the digitalization of control and surveillance activities. The following are identified as the problems of applying the risk-based approach in the implementation of state control and supervision: the problems of developing and using criteria for the risk categorization of controlled persons, correlating these criteria with indicators of the effectiveness and efficiency of control and supervision activities; lack of correlation between control and supervisory procedures and proceedings on administrative offenses; the problem of using the category of good faith in the implementation of control and supervision activities and others. Solving the identified problems will improve the effectiveness of state control and supervision in modern conditions.

Keywords: state control and supervision; risk; risk-based approach; integrity; reform of state control and supervision.

For citation: Agamagomedova S. A. Risk-Oriented Approach in the Implementation of Control and Supervision Activities: Theoretical Justification and Problems of Application. *Siberian Law Review*. 2021;18(4):460-470. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-460-470> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Проводимая на протяжении последних лет в стране реформа контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти актуализировала использование категории риска и многих связанных с ней понятий как в нормативно-правовом поле, так и в правоприменительной практике. Риск-ориентированный подход становится доминирующим методом осуществления контрольно-надзорной деятельности. При этом не всегда можно говорить о его теоретико-правовом и административно-процедурном обосновании, что, на наш взгляд, приводит к не всегда оправданному использованию таких понятий, как риск, уровень риска, индикатор риска, критерий отнесения к определенной категории риска в правоприменительной деятельности органов управления. Современная система государственного контроля и надзора включает достаточно широкий перечень разновидностей и направлений контрольно-надзорной деятельности, различающихся по сфере и методу управленческого воздействия; по спектру охраняемых законом ценностей, входящих в подконтрольную сферу; по функционалу административных органов, осуществляющих контрольно-надзорные мероприятия. Все это обуславливает закономерную пестроту и разноплановость контрольно-надзорного воздействия в различных сферах социального бытия, что в свою очередь предполагает специфику использования риск-ориентированного подхода при осуществлении определенных видов государственного контроля и надзора.

Понятие риска

Под риском в русском языке традиционно понимается «возможная опасность» либо «действие наудачу в надежде на счастливый исход»¹. Отметим, что двоякое понимание риска – и как опасность, угроза наступления неблагоприятных последствий, и как определенное действие, решение – сложилось исторически и имеет место в современной практике использования рассматриваемой и всех связанных с ней категорий.

Представители экономической науки понимают под риском «возможность наступления событий с отрицательными последствиями в ре-

зультате определенных решений или действий» либо «вероятность понести убытки или упустить выгоду; неуверенность в получении соответствующего дохода или убытка»². Кроме того, в рамках экономической психологии риск позиционируется как «мера ожидаемого неблагоприятия при неуспехе в деятельности, определяемая сочетанием вероятности неуспеха и степени неблагоприятных последствий»³. Экономисты предлагают достаточно широкую классификацию рисков: банковский, валютный, аудиторский, деловой, страховой, имущественный, инвентарный, инвестиционный, коммерческий, кредитный, предпринимательский, хозяйственный, товарный, рыночный, ценовой и даже военный риск.

Риск и непредвиденные расходы в государственном управлении учитывались всегда, однако в современных условиях их круг существенно расширяется. Так, для административно-государственного управления в зарубежных странах он может быть сведен к нескольким взаимосвязанным группам рисков: политическим, экономическим, техническим и экологическим [1, с. 121].

В последние годы актуальны исследования рисков в системе государственного управления, в частности в государственном финансовом секторе [2, 3, 4].

Управление рисками в государственном администрировании позволяет сделать деятельность более прозрачной и обеспечить эффективное использование государственных средств [5]. Например, речь может идти об эффективности инспектирования учреждений образования на основе оценки риска, о специализированных целевых инспекциях (проверках), влияющих на ключевые показатели сферы образования [6].

Планирование проверок на основе анализа рисков рассматривается Ф. Бланком, который обосновывает логику таргетирования инспекционной деятельности на основе рисков [7].

В правовой науке и нормативно-правовом поле доминируют две позиции применительно к трактовке риска: возможное наступление события (осуществление действия), имеющего негативный эффект, и вероятность его наступления, совершения. Оба понимания связаны с признаком неопределенности в определенном

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Издат. дом «ОНИКС 21 век»: Мир и Образование, 2004. С. 888.

² Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. 3-е изд., стереотип. М.: Ин-т новой экономики, 1998. С. 578.

³ Там же.

процессе, конкретной деятельности, направлении социального движения. При этом о рисках и угрозах (эти категории часто используются в качестве синонимов) можно говорить в ситуациях, когда имеет место свобода, вариативность поведения, событийная вариативность.

Так, Ю. А. Тихомиров под риском понимает вероятное наступление события и совершение действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере [8], модель неблагоприятного сценария реализации права, воплощение которой угрожает снижением качества правовых результатов и правового регулирования [9, с. 175–177].

В правовом массиве риск трактуется как «вероятность причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда»⁴, как «вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда охраняемым законом ценностям различной степени тяжести»⁵.

Интересно, что п. 2 ст. 22 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (начало действия документа – 1 июля 2021 г. (за исключением отдельных положений)) использует понятие риска причинения вреда (ущерба), под которым понимается «вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда (ущерба) различного масштаба и тяжести охраняемым законом ценностям»⁶.

Институт риска правомерно относится специалистами к институтам теории права, в то же время он получает развитие и конкретизацию как в отраслевых правовых институтах риска, так и в комплексных институтах. Следует согласиться с мнением о том, что право выполняет применительно к риску такие функции,

как легальное признание и допущение рисков, установление средств их предупреждения и минимизации, определение меры ответственности и компенсаторных средств [8]. В современных условиях перед юридической наукой остро встают вопросы системного исследования института риска в сфере права и роли права в минимизации, предсказуемости, возможном устранении причин появления рисков [10].

Следует отметить, что задолго до осуществления риск-ориентированного подхода к организации государственного контроля и надзора система управления рисками использовалась в таможенном и налоговом контроле⁷. Полагаем, что это обусловлено определенным доминированием фискальных управленческих функций государства в определенный период времени и необходимостью укрепления финансовой дисциплины подконтрольных субъектов при одновременном стимулировании их предпринимательской активности. Кроме того, пристальное внимание к риск-менеджменту на мировых финансовых рынках стало объективным следствием последнего, весьма затянувшегося, финансового кризиса в экономике многих развитых государств [11].

Интересно проследить эволюцию понятия риска в таможенном законодательстве РФ, позже – в таможенном законодательстве уровня евразийской экономической интеграции. Таможенные органы стали использовать категорию риска при проведении таможенного контроля одними из первых среди контролирующих органов. Впервые данное понятие в рамках таможенного законодательства появляется в Таможенном кодексе РФ 2003 г. Внедрение системы управления рисками в качестве базового принципа таможенного контроля было обусловлено активным переговорным процессом по поводу включения России во Всемирную торговую организацию. Одним из условий такого включения было приведение таможенного законодательства РФ в соответствие с международными стандартами

⁴ О техническом регулировании : федер. закон от 27 дек. 2002 г. № 184-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // Рос. газ. 2002. 31 дек. ; 2017. 4 авг.

⁵ Базовая модель определения критериев и категорий риска : утв. протоколом заседания проектного комитета от 31 марта 2017 г. № 19 (3) (вместе с «Требованиями к обоснованию предлагаемых федеральными органами исполнительной власти – участниками приоритетной программы “Реформа контрольной и надзорной деятельности” категорий риска (классов опасности) и критериев риска в отношении осуществляемых ими видов государственного контроля (надзора)»). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Рос. газ. 2020. 5 авг.

⁷ Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок : приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ (ред. от 10 мая 2012 г.) // Экономика и жизнь. 2007. № 23.

таможенного регулирования. Основой последнего является Киотская конвенция, которая предусматривает использование системы управления рисками при реализации таможенного контроля. В преамбуле данного международного соглашения контроль на основе управления рисками назван в качестве одного из современных методов контроля, а Стандарт 6.4. документа определяет, что таможенные органы применяют анализ рисков для определения лиц и товаров, включая транспортные средства, которые должны быть проверены, и степени такой проверки⁸.

В связи с необходимостью инкорпорации положений Киотской конвенции в российское законодательство в ст. 358 «Принципы проведения таможенного контроля» Таможенного кодекса РФ 2003 г. было внесено положение о том, что при выборе форм таможенного контроля используется система управления рисками. При этом риск трактовался как вероятность несоблюдения таможенного законодательства РФ.

Позже в ст. 127 Таможенного кодекса Таможенного союза риск толковался как степень вероятности несоблюдения таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государств-членов таможенного союза⁹. В настоящее время законодатель вернулся к прежней трактовке, но с учетом интеграционного фактора. Так, в действующем Таможенном кодексе Евразийского экономического союза под риском понимается вероятность несоблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании¹⁰.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА

Целями внедрения системы управления рисками при осуществлении государственного

контроля и надзора провозглашалось: повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности и повышение комфортности ведения бизнеса¹¹. Учеными справедливо обращалось внимание на то, что комфортность ведения бизнеса в данном случае – не совсем универсальная категория, так как в отдельных направлениях государственного контроля и надзора (например, при осуществлении финансово-бюджетного контроля) корректнее говорить о повышении качества предоставления услуг (работ) населению [12].

На наш взгляд, эффективность контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти уже включает в себя в качестве критериев и комфортное ведение бизнеса, и улучшение делового климата, и содействие развитию деятельности подконтрольных лиц, и стимулирование развития подконтрольной сферы в целом в заданном государственной властью направлении.

Риск-ориентированный подход представляет собой метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, по профилактике нарушения обязательных требований обусловливается отнесением деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя и (или) используемых ими при осуществлении такой деятельности производственных объектов к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности. Данная дефиниция риск-ориентированного подхода, представленная в Федеральном законе от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»¹² предполагает два важных аспекта: стадийность применения

⁸ *Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур* : совершено в Киото 18 мая 1973 г. (в ред. Протокола от 26 июня 1999 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 32, ст. 4810 (опубликовано без специальных приложений).

⁹ *Таможенный кодекс Таможенного союза* (ред. от 8 мая 2015 г.) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 нояб. 2009 г. № 17) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50, ст. 6615 (утратил силу).

¹⁰ *Таможенный кодекс Евразийского экономического союза* (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/>

¹¹ *Риск-ориентированный подход при исполнении контрольно-надзорных полномочий. Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации: аналитический доклад* – 2013. 2-е изд. М. : МАКС Пресс, 2014. С. 151.

¹² *О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля* : федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ (ред. от 2 авг. 2019 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2020 г.) // Рос. газ. 2008. 30 дек. ; 2019. 9 авг.

предлагаемого подхода (организация: анализ индикаторов риска, выбор индикаторов риска, внедрение (автоматическое и иное) индикаторов риска в систему контрольно-надзорной деятельности, определение результатов внедрения; осуществление: реализация контрольно-надзорных мероприятий с учетом дифференциации подконтрольных субъектов, их деятельности и (или) используемых ими объектов на основе критериев риска) и выборочность (выбор форм, методов, средств, интенсивности контрольно-надзорного воздействия и др.).

В Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» выделена отдельная глава 5 «Управление рисками причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Законодатель устанавливает основы системы оценки и управления рисками причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям; категории риска причинения вреда (ущерба) и индикаторы риска нарушения обязательных требований; порядок отнесения объектов государственного контроля (надзора), муниципального контроля к категориям риска и выявления индикаторов риска нарушения обязательных требований; условия учета рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при проведении контрольных (надзорных) мероприятий. Следует отметить, что в данном законе не используется понятие «риск-ориентированный подход», а категорию «риск нарушения обязательных требований» законодатель заменил категорией «риск причинения вреда (ущерба)». Последнее видится нам вполне обоснованным с точки зрения того, что нарушение обязательных требований не всегда влечет причинение вреда.

Кроме того, новым является использование категории «допустимый уровень риска причинения вреда (ущерба) в соответствующей сфере деятельности», который в рамках вида государственного контроля (надзора) должен закрепляться в ключевых показателях данного вида контроля (п. 4 ст. 22). Правовое регулирование использования управления рисками в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» еще предстоит исследовать и оценить. В то же время следует отметить, что регламентация применения рисков (их раз-

новидностей) при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в новом законодательстве стала более системной и обоснованной.

Риск-ориентированный подход (или подход на основе управления рисками) при реализации государственного контроля и надзора выступает в качестве условия выборочности и достаточности контрольно-надзорной деятельности, ее соразмерности и адекватности. Данный подход позволяет сделать государственный контроль (надзор) «умным», экономичным, более направленным и сфокусированным, основанным на доминировании профилактики нарушений обязательных требований, а следовательно – более эффективным. Это современный способ организации контрольно-надзорной деятельности, позволяющий минимизировать юрисдикционные аспекты государственного управления и стимулировать регулятивную составляющую государственного контроля и надзора,

Таким образом, риск-ориентированный подход применительно к системе государственного контроля и надзора с теоретико-правовых позиций можно трактовать как:

- 1) принцип современной системы государственного контроля и надзора;
- 2) условие выборочности и достаточности государственного контроля и надзора;
- 3) средство снижения административной нагрузки на подконтрольную сферу;
- 4) средство стимулирования подконтрольной сферы в заданном направлении;
- 5) современный метод организации и осуществления государственного контроля и надзора.

Можно выделить узкий и широкий подходы в позиционировании рисков при реализации государственного контроля и надзора. В первом случае под риском понимается вероятность несоблюдения (нарушения) обязательных требований. Широкий подход предполагает учет одновременно двух факторов: вероятности несоблюдения (нарушения) и последствий подобного несоблюдения (нарушения).

В практике государственного контроля и надзора используются две системы оценки рисков: статическая и динамическая. В первом случае используется однократное отнесение подконтрольных субъектов к определенной категории риска. Динамическая система позволяет варьировать уровень риска в зависимости от опыта взаимодействия подконтрольного субъекта с государственными органами, по результатам

использованных подконтрольным лицом средств понижения уровня риска своей деятельности. Второй вариант является более привлекательным, прежде всего для подконтрольных лиц, которые имеют право на переход из одной группы риска в другую.

Риск-ориентированный подход при реализации государственного контроля и надзора имеет подвижный характер. Это закономерно, так как в течение определенного периода могут измениться как факторы и условия деятельности подконтрольного лица, так и установленные контролирующим органом критерии отнесения лиц к определенной категории риска или классу опасности. Речь идет о праве подконтрольного лица изменить свой риск-статус посредством обращения в контролирующий орган. Правоприменительная практика свидетельствует о фактах, когда хозяйствующие субъекты активно отстаивают данное право, в том числе и в судебном порядке¹³.

Выше нами уже говорилось о многообразии рисков, об их обширной классификации в зависимости от различных критериев. Наиболее распространенным критерием является сфера генерации и существования риска (бюджетные, налоговые, банковские и др.). Кроме того, риски можно дифференцировать в зависимости от факторов, генерирующих риск (субъективные и объективные), от местонахождения данных факторов (внутренние и внешние). При этом при характеристике и практическом применении рисков нередко уходит от внимания их направленность. С точки зрения теории интересов у любого риска есть заинтересованная сторона, или сторона, для которой последствия возникновения рисков ситуации будут неблагоприятными, отрицательными. Определение отдельными авторами налогового риска в качестве «возможного наступления неблагоприятных правовых последствий для налогоплательщика в результате действий (бездействия) органов государства и органов местного самоуправления» [13] представляется не совсем корректным. Данная позиция учитывает нежелательность последствий для подконтрольного лица, налогоплательщика. В то же время считаем целесообразным при выяснении конкретного вида риска вычленять в качестве заинтересованных сторон не только подконтрольного

субъекта, но и иных лиц, включая само государство, максимально заинтересованное в развитии соответствующей сферы общественных отношений.

При учете рисков в публично-правовой сфере, а именно при осуществлении государственного контроля и надзора, на наш взгляд, можно говорить о «правильно понятом публичном интересе» [14].

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

Отдельно следует сказать о профилактической функции риск-ориентированного подхода при реализации государственного контроля и надзора, которая заключается в стимулировании подконтрольных субъектов к правомерному поведению, к созданию и сохранению своей «контрольно-надзорной истории». Ученые справедливо отмечают, что выявление и минимизация рисков нарушения правовых предписаний представляет собой одно из базовых средств обеспечения правопорядка [15], а риск-ориентированный подход при осуществлении государственного контроля и надзора – мера, способствующая созданию системы мотивации эффективной деятельности самих контролируемых органов в целом и отдельных должностных лиц в частности [16].

Интересно, что обозначенная нами выше стадийность как характерная черта применения риск-ориентированного подхода позволяет перенести крен контрольно-надзорного давления на иные сегменты управленческого взаимодействия. Например, на предпроектный период при налоговом контроле [17] или на стадию после выпуска товаров при таможенном контроле.

Кроме того, риск-ориентированный подход стимулирует межведомственное взаимодействие контролирующих органов. Возникает и развивается определенное перекрестное риск-информирование различных федеральных органов исполнительной власти, иных органов, задействованных в контрольно-надзорном механизме. Так, в современных условиях категорирование участников внешнеэкономической деятельности таможенными органами РФ осуществляется в двух формах: отраслевой и автоматизированной. При этом используются

¹³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 июля 2019 г. № Ф09-2881/19 по делу № А60-54208/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

информационные ресурсы ФТС России, ФНС России и Центрального банка России¹⁴.

Следует отдельно сказать о неразрывной связи риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля и надзора с его цифровизацией. Речь идет об автоматическом категорировании подконтрольных лиц на основе анализа рисков, активном внедрении цифровых платформ и сервисов для предварительной проверки и самопроверки подконтрольного лица («Электронный инспектор»¹⁵, «Личный кабинет участника ВЭД»¹⁶ и др.).

ПРОБЛЕМЫ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Правоприменительная практика контрольно-надзорных органов свидетельствует об определенных проблемах реализации риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора. Среди них хотелось бы выделить следующие.

Контрольно-надзорные органы часто разрабатывают и используют не вполне приемлемые и недостаточно полные критерии для отнесения подконтрольных субъектов к конкретной категории риска. Так, в целях вычисления «добросовестного отношения» работодателя к трудовому законодательству используются специально выведенные формулы [18], которые в конечном итоге не всегда позволяют говорить о комплексном подходе к оценке состояния в подконтрольной сфере. Должны учитываться как экономические и технические, так и социальные, психологические и иные показатели функционирования подконтрольной сферы. При этом различные показатели риска должны интегрироваться в величину суммарного (или средневзвешенного) риска. В определенных случаях можно использовать две программы контроля: исходную, или типовую (на основе положений действующих правил без учета анализа рисков), и риск-ориентированную (полученную на основе исходной программы путем оценки показателей риска и анализа изменения сум-

марного риска при переходе на нее с исходной программы)¹⁷.

Следует отметить в отдельных случаях сложность процедуры получения подконтрольным субъектом административного статуса лица, отнесенного к категории низкого уровня риска, что закономерно вызывает вопрос о необходимости и оправданности его получения.

Критерии и характеристики деятельности подконтрольных лиц, используемых ими объектов отличаются уникальностью, спецификой применительно к каждому конкретному виду контроля и надзора. Так, в отношении осуществления жилищного контроля (надзора) в сферах содержания и использования жилищного фонда предлагается рассмотреть вопрос об определении уровней риска (классов опасности) не по субъектному, а по объектным признакам, с учетом особенностей объектов недвижимого имущества жилого назначения. Такие особенности объектов, являющиеся классификационными при определении уровней риска (классов опасности), должны быть применимы для целей именно осуществления жилищного контроля (надзора) [16].

Смежной с предыдущей проблемой выступает проблема установления параметров результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности. Критерии анализа рисков и показатели результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности в определенной сфере регулирования должны соотноситься.

Другой проблемой является проблема разграничения полномочий контрольно-надзорных органов. Примером может служить использование федеральными и региональными уровнями экологического контроля и надзора различных методик и подходов к контрольно-надзорной деятельности. Нередко требования, которые предъявляются к подконтрольным лицам, и критерии, по которым осуществляется их проверка на соответствие обязательным требованиям, их количество и другие характеристики у проверяющих органов часто не совпадают. Эта ситуация негативно

¹⁴ О реализации в ФТС России субъектно-ориентированной модели системы управления рисками // Официальный сайт ФТС России. URL: <http://customs.ru/uchastnikam-ved/kategorirovanie-uchastnikov-ved/o-realizaczii-v-fts-rossii-sub-ektno-orientirovannoj-modeli-sistemy-upravleniya-riskami>

¹⁵ Электронный инспектор – сервис самопроверок. URL: <https://онлайнинспекция.пф/inspector>

¹⁶ Личный кабинет участника ВЭД. URL: <https://edata.customs.ru/FtsPersonalCabinetWeb2017/>

¹⁷ ГОСТ Р 50.05.20-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Система оценки соответствия в области использования атомной энергии. Контроль эксплуатационный неразрушающий металла оборудования и трубопроводов атомных станций. Порядок обоснования объемов и периодичности : утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 9 апр. 2019 г. № 122-ст. М. : Стандартинформ, 2019.

сказывается на владельцах объектов негативного воздействия, так как требует от них своевременно реагировать на новые требования государственного органа [19].

Следует также согласиться со специалистами в том, что внедрение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора, не обеспечивает защиту юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении внеплановых проверок [20].

Еще одной существенной проблемой рассматриваемого аспекта реформирования системы государственного контроля и надзора является отсутствие механизмов соотнесения контрольно-надзорной деятельности и производства по делам об административных правонарушениях, в том числе и при риск-категорировании подконтрольных лиц. Критерии дифференциации подконтрольных лиц и лиц, привлекаемых к административной ответственности по результатам контрольных мероприятий, различны.

В качестве проблемы следует, на наш взгляд, выделить проблему отсутствия доктринального обоснования категории «добросовестность» в публично-правовых отношениях вообще и применительно к государственному контролю и надзору в частности. Исторически присущая частноправовой сфере регулирования категории добросовестности сегодня активно используется в правоприменительной деятельности контрольно-надзорных органов и выступает в качестве признака, критерия для реализации риск-ориентированного подхода. В то же время содержание рассматриваемой категории в публично-правовом поле несколько отличается от общепризнанного понимания добросовестности в частном праве. Полагаем, что данные аспекты требуют дополнительного теоретико-правового обоснования в целях использования критерия добросовестности при осуществлении государственного контроля и надзора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ применения риск-ориентированного подхода при осуществлении контрольно-надзорной деятельности свидетельствует о наличии ряда проблем. Они связаны с разработкой и использованием критериев для риск-категорирования подконтрольных лиц, соотнесением данных критериев с показателями результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности, обладающими определенной спецификой в зависимости от направления (вида) государственного контроля и надзора. Кроме того, риск-ориентированный подход практически не затрагивает процедуры проведения внеплановых проверок, не способен обеспечить права и законные интересы подконтрольных лиц при данном направлении контрольно-надзорной деятельности. Существенной проблемой является также отсутствие системного соотношения между контрольно-надзорными процедурами и производством по делам об административных правонарушениях, различные критерии дифференциации лиц, взаимодействующих с публичной властью, при прохождении государственного контроля и надзора, при привлечении к административной ответственности. Кроме того, считаем необходимым в условиях активного использования категории добросовестности при реализации контрольно-надзорной деятельности обосновать особенности ее использования в публично-правовых отношениях. Наличие выделенных проблем в определенной степени нивелирует положительный эффект от использования риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора. Последовательное и системное их решение позволит повысить результативность контрольно-надзорной деятельности публичной власти, обеспечить права и законные интересы граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Список литературы

1. Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2001. 200 с.
2. Risk Analysis and Risk Management in the Public Sector and in Public Auditing / L. Domokos, M. Nyeki, K. Jakovac, E. Nemeth, C. Hatvani / Public Finance Quarterly. 2015. Vol. 60, iss. 1. P. 7–28.
3. Wengert H., Schittenhelm F. A. Corporate Risk Management. Berlin : Heidelberg : Springer Gabler, 2013. 125 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-36689-5>
4. Raczkowski K. Risk Management in Public Administration. London ; New York : Palgrave Mcmillan, 2017. 448 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-30877-7>
5. Blättler S., Hunziker S. Public Administration Risk Management // Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance / under the general editorship: A. Farazmand. Cham : Springer, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5>

6. Ehren M. C. M., Shackleton N. Risk-Based School Inspections: Impact of Targeted Inspection Approaches On Dutch Secondary Schools // *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. 2016. № 28. P. 299–321. <https://doi.org/10.1007/s11092-016-9242-0>
7. Blanc F. *Inspection Reforms: Why, How, and with What Results*. Paris : OECD, 2012. 91 p.
8. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // *Журнал российского права*. 2014. № 3. С. 5–16. <https://doi.org/10.12737/2575>
9. Тихомиров Ю. А. *Право. Прогнозы и риски : моногр. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИНФРА-М, 2015. 240 с.*
10. *Риски финансовой безопасности: правовой формат : моногр. / О. А. Акопян, С. Я. Боженко, О. В. Веремеева [и др.] ; отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2018. 304 с.*
11. Янова С. Ю. Риск-ориентированный подход: новая парадигма регулирования и развития страхового рынка // *Финансы*. 2018. № 1. С. 26–33.
12. *Контроль в финансово-бюджетной сфере : науч.-практ. пособие / И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина, Н. Е. Абрамова [и др.] ; отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. М. : ИЗиСП : Контракт, 2016. 320 с.*
13. Щекин Д. М. *Налоговые риски и тенденции развития налогового права / под ред. С. Г. Пепеляева. М. : Статут, 2007. 236 с.*
14. Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право // *Журнал российского права*. 2000. № 4 (41). С. 70–79.
15. Безруков А. В. Выявление, минимизация и устранение конституционных рисков как средство обеспечения правопорядка // *Конституционное и муниципальное право*. 2018. № 11. С. 18–22.
16. Козлова Е. Б. Риск-ориентированный подход при осуществлении государственного жилищного надзора и муниципального жилищного контроля (концептуальные основы) // *Семейное и жилищное право*. 2017. № 1. С. 25–29.
17. Ефремова Т. А. Развитие предпроверочного анализа при планировании выездных налоговых проверок в контексте риск-ориентированного подхода // *Налоги*. 2015. № 4. С. 14–18.
18. Бутаева Е. Государственное регулирование охраны труда: риск-ориентированный подход // *Трудовое право*. 2017. № 1. С. 95–112.
19. Кирилловых А. А. Риск-ориентированный подход и разграничение полномочий в сфере надзора за объектами НВОС: проблемы практической реализации // *Право и экономика*. 2017. № 7 (353). С. 12–17.
20. Мартынов А. В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес // *Юрист*. 2016. № 18. С. 22–27.

References

1. Vasilenko I. A. *Administration and State Authorities in Western Countries: the USA, the UK, France, Germany*. 2nd ed. Moscow: Logos Publ.; 2001. 200 p. (In Russ.).
2. Domokos L., Nyeki M., Jakovac K., Nemeth E., Hatvani C. Risk Analysis and Risk Management in the Public Sector and in Public Auditing. *Public Finance Quarterly*. 2015;60(1):7-28.
3. Wengert H., Schittenhelm F. A. *Corporate Risk Management*. Berlin, Heidelberg: Springer Gabler; 2013. 125 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-36689-5>
4. Raczkowski K. *Risk Management in Public Administration*. London, New York: Palgrave Mcmillan; 2017. 448 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-30877-7>
5. Blättler S., Hunziker S. Public Administration Risk Management. In: Farazmand A. (Ed.). *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance*. Cham: Springer; 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5>
6. Ehren M. C. M., Shackleton N. Risk-Based School Inspections: Impact of Targeted Inspection Approaches On Dutch Secondary Schools. *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. 2016;28:299-321. <https://doi.org/10.1007/s11092-016-9242-0>
7. Blanc F. *Inspection Reforms: Why, How, and with What Results*. Paris: OECD; 2012. 91 p.
8. Tikhomirov Yu. A. Predictions and Risks in the Legal Sphere. *Journal of Russian Law*. 2014;3:5-16. <https://doi.org/10.12737/2575> (In Russ.).
9. Tikhomirov Yu. A. *Law: Forecasts and Risks*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ.; INFRA-M Publ.; 2015. 240 p. (In Russ.).
10. Akopyan O. A., Bozhenok S. Ya., Veremeeva O. V. *Financial Security Risks: Legal Format*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ.; Norma Publ.; INFRA-M Publ.; 2018. 304 p. (In Russ.).
11. Yanova S. Yu. Risk-Oriented Approach: A New Paradigm of Insurance Market Regulation and Development. *Finance*. 2018;1:26-33. (In Russ.).
12. Kuchеров I. I., Povetkina N. A., Abramova N. E. *Supervision in the Finance and Budgeting Area*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ.; Kontrakt Publ.; 2016. 320 p. (In Russ.).
13. Shchekin D. M. *Taxation Risks and Trends of the Tax Law Development*. Moscow: Statut Publ.; 2007. 236 p. (In Russ.).
14. Tikhomirov Yu. A. Administrative Discretion and Law. *Journal of Russian Law*. 2000;4:70-79. (In Russ.).
15. Bezrukov A. V. Identification, Minimization and Elimination of Constitutional Risks as Means of Securing Law and Order. *Constitutional and Municipal Law*. 2018;11:18-22. (In Russ.).
16. Kozlova E. B. Risk-Based Approach in State Housing Supervision and Municipal Housing Control (Conceptual Foundations). *Family and Housing Law*. 2017;1:25-29. (In Russ.).
17. Efremova T. A. Development of the Pre-Audit Analysis in Planning Field Tax Inspections in the Context of Risk-Oriented Approach. *Taxes (Journal)*. 2015;4:14-18. (In Russ.).

18. Butaeva E. State Regulation of the Labour Protection: Risk-Oriented Approach. *Trudovoe Pravo*. 2017;1:95-112. (In Russ.).
19. Kirillovykh A. A. The Risk-Based Approach and Lines of Authority in the Sphere of Supervision over Objects Which Negatively Impact on the Environment: Problems of Practical Implementation. *Pravo i Ekonomika*. 2017;7:12-17. (In Russ.).
20. Martynov A. V. Application of a Risk-Oriented Approach While Exercising State Control and Supervision, as Necessary Condition for Reduction of Pressure on Business. *Jurist*. 2016;18:22-27. (In Russ.).

Поступила | Received
16.09.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
26.10.2021

Принята к публикации | Accepted
8.11.2021

УДК 342.6:351.77

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-471-484

Оригинальная научная статья

Медикализация и секьюритизация административно-публичной сферы в условиях пандемии в России и Германии

Олег Иванович Бекетов*

✉ ol_beketov@mail.ru

Пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация

Алексей Давидович Майле[▲]

✉ alex.majle@mail.ru

Ноймюнстерштрассе, 110, Боштетт, 24598,

Федеративная Республика Германия

Арина Викторовна Куянова[▼]

✉ a_kuyanov@mail.ru

Пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация

Аннотация. На фоне повсеместного введения широкого спектра социальных и медицинских мер защиты здоровья граждан в целях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 обращает на себя внимание крепнущая социально-политическая тенденция медикализации всей административно-публичной сферы. Ее отражением выступает все более явственная «секьюритизация» многих звеньев публичной власти, что находит свое выражение в происходящих перераспределении и трансформации полицейских полномочий. Правительствами разных стран принимаются меры по борьбе с пандемией: от введения ответственности за недобросовестное соблюдение противоэпидемиологических ограничений до разработки вакцины и проведения массовой вакцинации, в результате чего активно осуществляется правотворческая деятельность. В экстраординарных условиях в России, как и в других странах мира, оказались востребованы наиболее действенные меры предотвращения распространения инфекции COVID-19 и преодоления последствий – меры административного принуждения. Государством активно используется весь арсенал средств правового воздействия, включая меры административного предупреждения, административно-процессуального обеспечения и административного наказания. Авторами проведен анализ административно-правовых норм Российской Федерации и Федеративной Республики Германии, направленных на недопущение завоза и распространения новой коронавирусной инфекции. Проиллюстрированы тенденции расширения масштабов административного и полицейского контроля, влияния государства на изменение стандартов поведения граждан и образа жизни населения, перемещения значительных сегментов преступности в киберпространство. Осмысление новейшего отечественного и зарубежного опыта, форм и методов полицейско-правового воздействия в целях отражения опасности подтверждает высокую актуальность и важное теоретическое значение проведенного исследования. Делается вывод, что в настоящее время и для России, и для Германии вопросы перераспределения и трансформации полицейских полномочий в административно-публичной сфере любого государства, отражающие процессы медикализации и секьюритизации различных звеньев и секторов публичной власти в ответ на экзистенциальные угрозы, являются актуальными и перспективными направлениями научных изысканий.

Ключевые слова: меры защиты здоровья граждан; социально-политическая тенденция; медикализация административно-публичной сферы; секьюритизация; отражение опасности; перераспределение; трансформация; полицейские полномочия.

Для цитирования: Бекетов О. И., Майле А. Д., Куянова А. В. Медикализация и секьюритизация административно-публичной сферы в условиях пандемии в России и Германии // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 471–484. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-471-484>

© Бекетов О. И., Майле А. Д., Куянова А. В., 2021

* Начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9219>

▲ Служащий земельного ведомства по вопросам иммиграции и беженцев Министерства внутренних дел федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн (ФРГ), кандидат юридических наук (Россия), доктор права, магистр административных наук (ФРГ); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3028-5919>

▼ Заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2940-1516>

Original scientific article

Medicalization and Securitization of the Administrative-Public Sphere in the Conditions of the Pandemic in Russia and Germany

Oleg I. Beketov*[✉]

✉ ol_beketov@mail.ru

7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation

Alexey D. Maile[✉]

✉ alex.majle@mail.ru

110 Neumünsterstraße, Boostedt, 24598, Federal Republic of Germany

Arina V. Kuyanov[✉]

✉ a_kuyanov@mail.ru

7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation

Abstract. Against the background of the widespread introduction of a wide range of social and medical measures to protect the health of citizens in order to prevent the spread of the new coronavirus infection COVID-19, attention is drawn to the growing socio-political trend of medicalization of the entire administrative and public sphere. It is reflected in the increasingly clear "securitization" of many parts of public power, which is reflected in the ongoing redistribution and transformation of police powers. A number of world governments are taking actions to combat the pandemic, from imposing responsibility for poor compliance with the introduced anti-epidemiological restrictions to developing a vaccine and conducting mass vaccinations, as a result of which lawmaking is actively pursued. In the extraordinary conditions in Russia, as in other countries of the world, the most effective measures to prevent the spread of COVID-19 infection and overcome its consequences were in demand – measures of administrative coercion. The state actively uses the entire arsenal of legal means, including measures of administrative prevention, administrative procedural support and administrative punishment. In the article, the authors analyzed the administrative and legal norms of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany, aimed at preventing the import and spread of a new corona virus infection (COVID-19). The trends in the expansion of the scale of administrative and police control, the influence of the state on changing the standards of behavior of citizens and the lifestyle of the population, and the movement of significant segments of crime into cyberspace are illustrated. Comprehension of the latest domestic and foreign experience, forms and methods of police-legal influence in order to reflect the danger, confirms the high relevance and important theoretical significance of the study. The authors conclude that at present both for Russia and for Germany the issues of redistribution and transformation of police powers in the administrative-public sphere of any state, reflecting the processes of medicalization and securitization of various links and sectors of public power in response to existential threats, are relevant and promising. directions of scientific research.

Keywords: measures to protect the health of citizens; socio-political trend; medicalization of the administrative-public sphere; securitization; defense from danger; redistribution; transformation; police powers.

For citation: Beketov O. I., Maile A. D., Kuyanov A. V. Medicalization and Securitization of the Administrative-Public Sphere in the Conditions of the Pandemic in Russia and Germany. *Siberian Law Review*. 2021;18(4):471-484. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-471-484> (In Russ.).

© Beketov O. I., Maile A. D., Kuyanov A. V., 2021

** Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9219>

^^ Government Employee at the Land Office for Immigration and Refugees of the Ministry of Interior of the Federal State of Schleswig-Holstein (Federal Republic of Germany), Candidate of Legal Sciences (Russia), Doctor of Law, Master's Degree in Administrative Sciences (Federal Republic of Germany); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3028-5919>

^^ Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2940-1516>

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия коронавируса стала триггером и катализатором кризисных процессов современного общества. Ее происхождение, эволюция, мутации вируса, региональные особенности и скорость распространения все еще изучены недостаточно. Увеличение плотности населения в крупных городах, развитие биотехнологий и иные факторы провоцируют возникновение новых инфекций, а рост миграционного потока и процессы экономической глобализации только способствуют их распространению и росту заболеваемости.

Одновременно пандемия способствовала развитию некоторых социальных трендов¹, существование которых, полагаем, вполне может оказаться весьма продолжительным и иметь значимые последствия как для политической организации общества, так и для граждан, подвергаемых дополнительной административно- и полицейско-правовой нагрузке².

На уровне государства обращает на себя внимание крепнущая тенденция медиализации всей административно-публичной сферы [1, с. 649; 2, с. 256]. Термин «медиализация» означает проникновение медицинских терминов и практик в те области социальной жизни, которые ранее не относились к зоне особого внимания медицины, но в условиях пандемии все больше используются в управлении. Медицинская атрибутика прочно вошла в разнообразные сферы человеческой жизни и публичного управления, где до этого ее не было. Всеобъемлющая медиализация, опираясь на современные технологии, с необходимостью влечет определенную «секьюритизацию»³ публичной сферы. Секьюритизация при этом рассматривается как форма социальной практики, в которой государство обоснованно возводит пандемию в ранг экзистенциальной угрозы безопасности и реализует право на чрезвычайные действия, обуславливающие расширение применения принуждения,

в обход стандартных политических, правовых и организационных процедур [3, с. 186]. Понятие «административно-публичная сфера» используется авторами в значении символического пространства, объединяющего частный мир людей и официальный мир публичной власти. Оно включает места, где люди могут собираться вместе и обсуждать какие-либо вопросы, имеющие общественный интерес. Предполагается, что прежде всего встречи людей происходят в общественных местах, таких как улицы, скверы, парки, кафе, рестораны, магазины, музеи, кинотеатры, стадионы, учреждения, организации, общественный транспорт и т. п.

Среди выделяемых специалистами долгосрочных базовых социально-политических тенденций, которые существовали до пандемии и которые последняя ускорила и укрепила, прежде всего отмечается гуманизация и повышение цены человеческой жизни⁴ [4, с. 246]. Действительно, масштабность, всепроницаемость и строгость вводимых в разных странах ограничений свидетельствуют о том, что человеческая жизнь в эпоху постмодерна стала дороже.

Ни одно правительство мира сегодня не может себе позволить недостаточную активность во введении социальных и медицинских мер защиты здоровья граждан и предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Соответственно, подход государств к обеспечению личной безопасности граждан и общественной безопасности принимает вид «религии нового времени»; для граждан потребность в безопасности также становится первоочередной. Субъекты, обеспечивающие безопасность, утверждаются во главе властных структур, а люди все больше проявляют готовность подвергнуться разнообразным административным ограничениям и нести бремя новых юридических обязанностей ради сохранения своих жизни и здоровья, приобретших новую ценность [5, с. 100].

¹ Кремль считает QR-коды безальтернативной мировой практикой борьбы с коронавирусом. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5076287>

² Какие регионы объявили обязательную вакцинацию от коронавируса. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/07/2021/60d0a0c19a79476c7f137ce8>; Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/66975>

³ Якушина О. Теория секьюритизации в международных отношениях. Ч. 1. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1#.vjb3clfhdiv>

⁴ Кравченко А. И. Политология : учеб. М. : Проспект, 2018. С. 71; Мухаев Р. Т. Политология : учеб. М. : Проспект, 2015. С. 494, 505; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351; Екатерина Шулман рассказала о пяти базовых тенденциях, которые ускорила пандемия. URL: <https://newizv.ru/article/general/15-12-2020/ekaterina-shulman-rasskazala-o-pyati-bazovyh-tendentsiyah-kotorye-uskorila-pandemiya>

На примере органов государственного санитарно-эпидемиологического надзора можно видеть, что их функции по обеспечению безопасности усилились не только в силу наделения дополнительными административно-юрисдикционными полномочиями, но и в связи с корректировкой их целей и задач, определения «места в строю» с другими субъектами обеспечения безопасности – силами единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В настоящее время в России готовят законопроект, который расширит полномочия Роспотребнадзора. Главный санитарный врач страны сможет вводить ограничения по коронавирусу в субъектах РФ, если их губернаторы не согласны с рекомендациями местных отделений ведомства⁵.

Бесконтактные термометры, тепловизоры, иные системы обеспечения дистанционного измерения температуры тела используются на входе в общественные и частные здания (спортивные залы и стадионы, торговые и офисные здания, театры и т. п.), в аэропортах, на вокзалах, в любых общественных местах с большой пропускной способностью людей. Информация о температуре тела конкретного человека, количестве антител и прохождении вакцинации сегодня стала публичной и предоставляется широкому кругу отвечающих за безопасность субъектов⁶.

Ведется дискуссия о «паспортах вакцинации», идея введения которых в цифровом или аналоговом виде широко обсуждается, а *de facto* уже реализуется как за рубежом, так и в российских регионах. В рамках функционирующих миграционных режимов с учетом особенностей, вызванных пандемией, проводится работа по контролю за состоянием здоровья прибывающих в Российскую Федерацию иностранных граждан.

Реально существующая угроза распространения в России новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV, потребовала принятия неотложных мер. Для решения задачи предупреждения распространения инфекции государ-

ственная власть проводит комплексную и последовательную политику⁷.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

Стремительное распространение новой коронавирусной инфекции в России повлекло изменения законодательства, имеющие существенное значение, затронувшие как обширные сферы жизнедеятельности граждан, так и функции публичного управления. Поскольку по-новому стали нормироваться многие правила поведения граждан в общественных местах (посещение общественных мест при условии получения QR-кода⁸, соблюдение режима социального дистанцирования, масочный режим), сотрудники полиции и другие представители властных структур практически одновременно приобрели дополнительные полномочия, как правило, принудительного характера, связанные с обеспечением режима ограничительных мероприятий.

Прежде всего отметим, что в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 г. № 66 «О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих» коронавирусная инфекция (2019-nCoV) внесена в указанный перечень. Таким образом, нормативное закрепление получила сама угроза (опасность), которая собственно и потребовала введения последующих административных, санитарных, полицейских и иных мер, направленных на ее отражение.

Серьезнейшей корректировке подвергся текст Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Были уточнены полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, введены общие требования к установлению обязательных для исполнения гражданами и организациями

⁵ Роспотребнадзор сможет вводить ограничения в регионах при несогласии губернаторов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5076524>

⁶ Законопроекты об использовании QR-кодов в общественных местах и на транспорте внесены в Госдуму. URL: <http://government.ru/docs/43789/>

⁷ Людей с антителами предлагают вносить в регистр. В Чувашии уже решили выдавать им QR-коды. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/12/14195917.shtml>

⁸ Федеральная платформа выдачи цифровых пропусков будет внедрена в 21 субъекте Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/39786/>

правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Среди дополнительных мер защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций предусмотрено ограничение доступа людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации, в реализации которых широко задействована полиция.

Решениями Оперативного штаба⁹ федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в период с марта 2020 г. по октябрь 2021 г. (с учетом эпидемиологической обстановки) было рекомендовано: сократить количество проводимых массовых мероприятий; отменить заграникомандировки; перевести на дистанционную форму работы сотрудников, осуществляющих трудовую деятельность, при наличии такой возможности и с учетом необходимости обеспечения бесперебойного функционирования соответствующих организаций; перевести обучающихся на дистанционную форму обучения; приостановить деятельность ночных клубов (дискотек) и иных аналогичных объектов, кинотеатров (кинозалов), детских игровых комнат и детских развлекательных центров, иных развлекательных и досуговых заведений и пр.

Главный государственный санитарный врач Российской Федерации своим постановлением от 13 марта 2020 г. № 6 «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-2019» отдал высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации весьма характерное полицейско-правовое предписание ограничить проведение массовых мероприятий.

Новые, с нашей точки зрения, типичные полномочия полицейско-правового характера получило Правительство Российской Федерации, не замедлившее ими воспользоваться, издав постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении

Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации», которым установлены ранее неизвестные нормы по соблюдению гражданами общественного порядка, а также запреты на осуществление действий, создающих угрозу жизни и здоровью окружающих лиц.

В соответствии с действующим законодательством органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе принимать меры, ограничивающие передвижение лиц и транспортных средств, направленные на борьбу с пандемией, с учетом территориального и временного характера их действия, не допуская при этом несоразмерного ограничения конституционных прав и свобод граждан. Для этого не надо вводить режим чрезвычайного положения или чрезвычайной ситуации, достаточно «режима повышенной готовности»¹⁰. В законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» п. 6 ст. 4.1 предусматривает режимы функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций:

- повседневный режим (при отсутствии угрозы возникновения чрезвычайной ситуации);
- режим повышенной готовности (если такая угроза существует)¹¹.

Введение данного режима требует от граждан и организаций исполнения правил и норм поведения, в том числе:

- выполнять законные требования представителей органов управления;
- использовать средства коллективной и индивидуальной защиты;
- иметь при себе и предъявлять по требованию необходимые документы, QR-коды.

В соответствии со ст. 31 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 2-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» вследствие возникшей угрозы возникновения

⁹ Создан оперативный штаб по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации. URL: <https://government.ru/info/39357/>

¹⁰ По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 25 дек. 2020 г. № 49-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 68-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

и распространения инфекционных заболеваний на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей решениями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации на всей территории страны введены ограничительные мероприятия. Так, в соответствии с Распоряжением Губернатора Омской области от 17 марта 2020 г. № 19-р «О мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Омской области» (ред. от 19 октября 2021 г. № 129-р) на граждан возложены обязанности:

- соблюдать дистанцию до других граждан не менее 1,5 м (социальное дистанцирование), в том числе в общественных местах и общественном транспорте, за исключением отдельных перечисленных в нормативном акте случаев;

- при появлении первых респираторных симптомов незамедлительно обратиться за медицинской помощью на дому без посещения медицинских организаций;

- при посещении мест приобретения товаров, работ, услуг (в том числе расположенных вне закрытых помещений), реализация которых не ограничена в установленном порядке, при нахождении в местах массового пребывания людей, на остановках общественного транспорта, на парковках, в лифтах, при совершении поездок в общественном транспорте, включая легковое такси, использовать средства индивидуальной защиты органов дыхания (маски, респираторы, повязки или иные изделия, их заменяющие)¹².

На юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан, осуществляющих регулярные перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом на территории Омской области, возложена обязанность обеспечить оказание услуг по перевозке только пассажирам, использующим средства индивидуальной защиты органов дыхания.

С 30 октября введены QR-коды для доступа в учреждения культуры, кинотеатры, библиотеки, аквапарки и гостиницы, в торговые центры, предприятия общественного питания.

Работодателям, осуществляющим деятельность на территории Омской области, рекомендовано:

- обеспечить измерение температуры тела работникам, осуществляющим трудовую деятельность, на рабочих местах с обязательным отстранением от работы лиц с повышенной температурой, а также вызовом врача по адресу проживания (нахождения) работника;

- исключить допуск на рабочие места и (или) территорию организации работников, в отношении которых приняты постановления Главного государственного санитарного врача по Омской области, его заместителя об изоляции;

- проводить собрания, совещания в заочном режиме, в том числе с помощью аудио- и видеоконференц-связи, временно приостановить проведение торжественных мероприятий в рабочих коллективах;

- руководителям организаций, осуществляющих деятельность в местах массового скопления людей (в том числе на торговых объектах, в местах проведения театрально-зрелищных, культурно-просветительских или зрелищно-развлекательных мероприятий), перевозку авиационным, железнодорожным, автомобильным транспортом, осуществлять мероприятия по усилению режима текущей дезинфекции¹³.

Различные дополнительные обязанности и ограничения возложены и на других субъектов. Так, заселение в дома отдыха, санатории и другие аналогичные объекты возможно осуществлять на основании документов, подтверждающих проведение полного курса вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19), или отрицательного результата лабораторного исследования на наличие новой коронавирусной инфекции (ПЦР-исследование является действительным при условии, что со дня его проведения прошло не более 3 календарных дней).

При этом можно наблюдать перманентную корректировку текстов нормативных актов субъектов Российской Федерации, а следовательно, возложенных обязанностей и ограничений.

Была усилена ответственность за невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения, нарушение законодательства в области обеспечения

¹² ВС: Нахождение без маски в общественном месте – значительное нарушение. URL: <https://rg.ru/2021/10/15/vs-nahozhdenie-bez-maski-v-obshchestvennom-meste-znachitelnoe-narushenie.html>

¹³ Осложнения после COVID-19 появляются не только у пациентов, но и у их работодателей. URL: <https://www.garant.ru/news/1488110/#ixzz79tEicAau>

санитарно-эпидемиологического благополучия населения¹⁴.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях дополнен нормами об административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина) (чч. 2 и 3 ст. 6.3), за невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения (ст. 20.6.1), за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации (чч. 9–11, примечания к ст. 13.15).

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ В РОССИИ

Сотрудники полиции и должностные лица органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций получили право осуществлять административное преследование правонарушителей, составлять протоколы (ст. 28.3 КоАП РФ)¹⁵, направлять дела по подведомственности для их рассмотрения и назначения административных наказаний (ст. 23.1 КоАП РФ).

Силы безопасности – полиция и должностные лица органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, призванные обеспечить соблюдение нового правопорядка, стали публичным лицом реакции государства на опасность распространения вируса. Полученные ими новые полномочия полицейско-правового характера демонстрируют основной отличительный признак направления их транс-

формации – осуществление принуждения ради блага принуждаемых.

Одной из задач полиции как органа государственной власти является защита жизни и здоровья населения Российской Федерации. МВД России было подготовлено распоряжение от 17 марта 2020 г. № 1/2851 «О комплексе дополнительных мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции», в соответствии с которым сотрудники полиции принимают непосредственное участие в:

- мероприятиях по соблюдению карантинных ограничений лицами, прибывающими на территорию Российской Федерации из стран с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, связанной с распространением COVID-19, в том числе по установлению их местонахождения;
- выявлении и пресечении административных правонарушений, связанных с нарушением карантинных ограничений, и привлечении виновных к ответственности;
- охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, в том числе в местах дислокации обсервационных пунктов и лечебных учреждений;
- предупреждении распространения инфекционных заболеваний среди задержанных полицией лиц;
- информировании граждан о необходимости в период обострения санитарно-эпидемиологической обстановки предпринимать меры для защиты себя и своих близких от угрозы заражения;
- выявлении и пресечении деликтов, посягающих на здоровье и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и др.

Обширные и сверхбыстрые изменения законодательства не могли не повлечь противоречивость правоприменительной практики, затруднения в оценке правовой сущности происходящего¹⁶. В то же время можно утверждать, что меры, принятые государством, правоприменительная

¹⁴ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 99-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 100-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ О перечне должностных лиц органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, включая должностных лиц органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 12 апр. 2020 г. № 975-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Обзоры по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, 2, 3 : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 21 апр. 2020 г., 30 апр. 2020 г., 17 февр. 2021 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

деятельность сотрудников полиции, изменение стандартов поведения и образа жизни населения в период пандемии повлияли на состояние и динамику преступности.

Так, по данным ГИАЦ МВД России, по итогам 2020 г. зарегистрировано на 22,6 % меньше квартирных краж, грабежей – на 16,2 %, разбоев – на 21,7 %. В общественных местах (на улицах, площадях, в парках и скверах) было зарегистрировано на 9,9 % меньше преступлений, в том числе меньше краж – на 18,5 %, грабежей – на 24,8 %, разбойных нападений – на 23,3 %. На 9,5 % снизилось число преступлений в семейно-бытовой сфере, в том числе на 15,8 % – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 13,5 % – вреда средней тяжести, на 10,0 % – легкого вреда здоровью.

Вместе с тем на 73,4 % выросло количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3 %, с использованием средств мобильной связи – на 88,3 %.

Цифровизация общества, ограничения, введенные для контроля над распространением коронавируса (в результате которых миллионы людей находятся в домашнем окружении, изолированы, ограничены в экономических возможностях), создали спрос на незаконный бизнес – «киберпредпринимательство», тем самым ускорили принятие решения о создании специального подразделения «киберполиции» в составе МВД России¹⁷. Прогноз эффективности мер противодействия такой преступности пессимистичен, специфические признаки информационной эпохи в перспективе будут нарастать и усугубляться [6, с. 426].

Вызванные пандемией бурные преобразования «репрессивной» части российского законодательства, расширение масштабов административного и полицейского контроля, опирающегося на современную технологическую основу, изменение стандартов поведения граждан и образа жизни населения способствовали усилению тенденции перемещения значительных сегментов преступности в киберпространство. Явственным видится формирование общественного запроса на подготовку для по-

лиции уникальных специалистов, в равной степени разбирающихся в телекоммуникационных технологиях и юриспруденции.

Современному постиндустриальному обществу и каждому его члену есть что терять, любые достижения цивилизации могут быть использованы для ее же разрушения. Учитывая это, в развитие Указа Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»¹⁸ был принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности Российской Федерации»¹⁹. В нем предусмотрен комплекс мер, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов и предотвращение биологических угроз (опасностей).

Со стороны перераспределения полицейских полномочий (под которыми мы понимаем официально предоставленное право каким-либо субъектам осуществлять нормотворческую либо исполнительно-распорядительную деятельность, направленную на охрану общественного порядка, обеспечение личной и общественной безопасности, противодействие преступности, реализация которого сопряжена с отражением опасности и непосредственным вторжением в права и свободы физических и юридических лиц), полагаем, особый интерес представляет их ускоренная передача федеральным центром на уровень субъектов Российской Федерации, состоявшаяся на фоне обострения обстановки, когда опасность стала по-настоящему масштабной и угрожающей. Такая передача была осуществлена Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»²⁰ и подтверждена последующими нормативными правовыми актами.

Ограничения, введенные для контроля над распространением коронавируса, продолжают

¹⁷ В структуре МВД создается киберполиция. URL: <https://rg.ru/2020/12/18/v-strukture-mvd-sozdaetsia-kiberpoliciia.html>

¹⁸ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2019. № 11, ст. 1106.

¹⁹ Там же. 2021. № 1, ч. 1, ст. 31.

²⁰ Там же. 2020. № 14, ч. 1, ст. 2082.

действовать. Так, в Омской области с момента введения ограничений на физических лиц наложено 17 769 административных штрафов на сумму 26 669 940 рублей. В отношении 387 индивидуальных предпринимателей и юридических лиц судами вынесены административные штрафы на общую сумму 15 029 000 рублей²¹.

Особенности правового регулирования общественных отношений в условиях пандемии в Германии

Беспрецедентная угроза со стороны COVID-19, его непрекращающееся распространение вызвали острые изменения в общественно-политической жизни всех государств. Становится все более очевидным, что мировая пандемия требует решений мирового масштаба. Имеется настоятельная потребность дальнейшей активизации международного сотрудничества на площадках ООН, ВОЗ и МВФ, объединения всех имеющихся ресурсов для разработки вакцин и схем лечения, минимизации экономических потерь за счет согласования мер налогово-бюджетного и кредитно-денежного стимулирования.

В Европейском Союзе борьба с пандемией в настоящее время достигла своего пика. К сожалению, приходится констатировать, что страны-члены ЕС на сегодняшний день не справляются с задачей по защите населения от COVID-19. Это в полной мере затрагивает и такие экономические локомотивы Европы, как Франция и Германия.

Общенациональный режим ограничительных мер был введен в Германии еще 2 ноября 2020 г. Для минимизации негативных последствий кризиса, защиты жизни и дохода населения в ФРГ в целях оказания прямой финансовой поддержки нуждающимся были максимально мобилизованы бюджетные средства государства.

Несмотря на критику со стороны Еврокомиссии, Германия ввела пограничный контроль на границах с Чехией, Словакией и австрийским Тиролем. Немецкое правительство признало эти регионы зонами особого риска (зонами с особыми мутациями вируса). Тем, кто ездит на работу

через границу, необходимо предъявлять свидетельства, подтверждающие их занятость на территории Германии. Кто не может предъявить действующие результаты теста на коронавирус, должен пройти его на границе²².

Непосредственно же борьба с распространением COVID-19 осуществляется в Германии федеральными землями и муниципалитетами²³. Это привело к тому, что в различных регионах страны действуют разные режимы ограничительных мер, доходящие иной раз до абсурда, что сегодня признано одним из основных недостатков эффективной борьбы с эпидемией.

Например, в столице Германии в настоящее время действует уже третье постановление о мерах, необходимых для защиты населения от заражения COVID-19²⁴. При этом каждый житель Берлина обязан сократить до абсолютного минимума число социальных контактов с другими людьми, не входящими в круг членов его семьи, отказаться от поездок, покидать место постоянного проживания только по уважительной причине. Особенно это касается лиц с симптомами заражения COVID-19 согласно действующим критериям, установленным Институтом им. Роберта Коха. Прежде чем принять участие в каком-либо мероприятии, каждый житель призван удостовериться в отсутствии заражения коронавирусом при помощи экспресс-теста и при любом контакте с людьми носить маску для лица и органов дыхания, медицинскую маску или респиратор.

Пребывание в общественных местах под открытым небом, в частности на улицах, дорогах, площадях и в скверах, разрешается только в одиночку или в сопровождении одного члена семьи или лица, имеющего право на опеку или общение. При этом действует максимальный предел в количестве пяти одновременно присутствующих лиц (исключение – дети до 14-летнего возраста). Пребывание в общественных местах под открытым небом в период с 21 час. до 5 час. утра следующего дня разрешаются только в одиночку или в компании одного человека, при этом собственные дети до 14-летнего

²¹ В Омской области за неделю выявили 252 нарушителя масочного режима. URL: <https://omsk.bezformata.com/listnews/viyavili-252-narushitelya-masochnogo/98411522/>

²² Strikte Grenzkontrollen – 530 Menschen abgewiesen. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article226341749/Corona-Massnahmen-Strikte-Grenzkontrollen-530-Menschen-abgewiesen.html>

²³ Проводятся соответствующие консультации Федерального правительства и федеральных земель, на которых обсуждаются промежуточные итоги, действенность принятых мер, а также согласовывается внедрение (расширение) новых мер противодействия эпидемии.

²⁴ Dritte SARS-CoV-2-Infektionsschutzmaßnahmenverordnung. URL: <https://www.berlin.de/corona/massnahmen/verordnung/>

возраста не считаются. За несоблюдение данных правил предусмотрен административный штраф в размере от 50 до 100 Евро²⁵.

За несоблюдение социальной дистанции (1,5 м) предусмотрен штраф в размере от 100 до 500 Евро. Исключением из правил является случаи, когда нельзя предотвратить сближение на расстояние менее 1,5 м, в частности:

- при осуществлении деятельности в рамках медицинского обслуживания и ухода, включая обслуживание с помощью лечебных и вспомогательных средств, а также средств для оказания ухода;

- при осуществлении дневного ухода за детьми в школах, а также в сфере профессионального образования;

- при осуществлении услуг по гигиене тела;

- при пользовании общественным транспортом или автотранспортными средствами (когда в порядке исключения допускается несоблюдение минимальной дистанции и имеются другие меры по обеспечению защиты от инфекций).

Обязанность носить медицинские маски не распространяется на:

- детей в возрасте до шести лет;

- лиц, которые ввиду подтвержденного врачом расстройства здоровья, хронического заболевания или инвалидности не могут носить такую маску;

- лиц, которые с помощью иных средств способствуют сокращению распространения воздушно-капельных частиц и аэрозолей, передающих инфекции;

- лишенных слуха и слабослышащих лиц, а также сопровождающих их граждан;

- клиентов предприятий сферы услуг в области персонального ухода, когда они не могут постоянно носить медицинскую маску или если предусмотрены иные исключения.

Медицинскую маску обязан носить персонал при пользовании общественным транспортом, включая вокзалы, аэропорты и паромные терминалы, с меняющимся составом пассажиров; пер-

сонал в пунктах розничной торговли всех видов и торговых центрах, предприятиях сферы услуг, обслуживающих посетителей; персонал учреждений медицинского обслуживания при условии, что соответствующее медицинское лечение не препятствует ношению маски; сотрудники и посетители офисных и административных зданий, не считая случаев, когда они находятся на стационарных местах или могут обеспечить соблюдение минимальной дистанции в 1,5 м; персонал и посетители в крытых спортивных сооружениях, включая крытые плавательные бассейны и аналогичные используемые для занятия спортом помещения, кроме момента занятия спортом, а также в других случаях, предусмотренных постановлением.

За нарушение правил ношения медицинской маски предусмотрен административный штраф в размере от 50 до 500 Евро.

Согласно постановлению работодатели обязаны два раза в неделю обеспечивать своим сотрудникам, присутствующим на рабочем месте, возможность бесплатного тестирования на коронавирус при помощи экспресс-теста. Они также обязаны по запросу компетентных органов выдавать справки о результатах тестирования, которые должны храниться в течение четырех недель. За несоблюдение указанных правил работодатель может быть привлечен к административной ответственности в виде штрафа в размере от 10 000 до 25 000 Евро.

Розлив, выдача и продажа алкогольных напитков в период с 23 час. до 6 час. утра следующего дня запрещены. Употребление алкогольных напитков в скверах, а также на парковках запрещено. На лиц, нарушивших данные правила, может быть наложен административный штраф в размере от 50 до 500 Евро.

Предприятия общественного питания согласно Закону «О предприятиях общественного питания» в редакции от 20 ноября 1998 г. открывать для посещения не разрешается²⁶. Нарушение должностными лицами данных правил

²⁵ Освобождаются от ответственности лица, пребывающие в общественных местах под открытым небом в целях освещения событий (представители прессы, радио, кинематографа или других средств массовой информации), осуществляющие работы по мандату профессиональной или волонтерской деятельности, включая необходимую в соответствии со временем года обработку сельскохозяйственных, садоводческих и лесохозяйственных территорий; оказывающие помощь бездомным и сами бездомные, когда и если они размещаются не в муниципальном порядке или не в соответствии с законодательством об общественном порядке и не превышает максимальный предел в количестве десяти одновременно присутствующих лиц; а также лица, участвующие в разрешенных постановлением мероприятиях и собраниях под открытым небом и некоторые другие категории лиц.

²⁶ О предприятиях общественного питания : закон Федератив. Респ. Германии от 20 нояб. 1998 г. : с последними поправками, внесенными ст. 14 Закона от 10 марта 2017 г. // Вестн. федер. законодательства. Ч. 1. 1998. С. 3418 ; 2017. С. 420.

наказывается административным штрафом в размере от 1 000 до 10 000 Евро.

При проведении собраний и митингов согласно ст. 8 Основного закона ФРГ и ст. 26 Конституции Берлина между участниками должна постоянно соблюдаться минимальная дистанция в 1,5 м. Организатор мероприятия обязан разработать концепцию по мерам индивидуальной защиты и гигиены, в которой следует предусмотреть меры по обеспечению соблюдения минимальной дистанции и правил гигиены, а также меры по обеспечению соблюдения максимально допустимого количества участников, исходя из пригодной для этого площади. Компетентный орган по вопросам проведения собраний и митингов вправе потребовать от организатора предоставления данной концепции и обратиться в компетентное ведомство по вопросам здравоохранения с просьбой оценки ее соответствия положениям законодательства о защите от инфекций. Организаторы собрания или митинга обязаны обеспечить соблюдение участниками необходимых мер защиты и гигиены, в том числе носить медицинские маски, за исключением случаев, когда мероприятие проводится в формате парада при исключительном использовании транспортных средств²⁷. За нарушение указанных правил проведения собраний и митингов предусмотрен административный штраф в размере от 50 до 100 Евро.

Лица, въезжающие из-за границы в Берлин сухопутным, морским или воздушным путем и находившиеся последние десять дней до въезда в одном из регионов, отнесенных Правительством Германии к зонам риска²⁸, обязаны после въезда незамедлительно направляться к месту постоянного проживания или иное пригодное для самоизоляции место и постоянно находиться в нем в течение десяти дней с момента въезда (домашний карантин для въезжающих и возвращающихся из-за границы лиц). За нарушение правил домашнего карантина предусмот-

рен административный штраф в размере от 300 до 5 000 Евро.

Если у въехавших и находящихся на самоизоляции лиц проявились типичные симптомы заражения коронавирусом, такие как кашель, температура, насморк или утрата обоняния их вкусовых ощущений, то они обязаны незамедлительно обратиться к врачу или в центр тестирования. За нарушение данного правила предусмотрен административный штраф в размере от 500 до 5 000 Евро.

После въезда в Германию все лица обязаны в течение десяти дней сохранять медицинскую справку. Нарушение этого правила влечет наложение административного штрафа в размере от 500 до 5 000 Евро.

Необходимо отметить, что в постановлении г. Берлина прямо указано (ст. 26), что установленные в нем правила поведения ограничивают основные права на свободу личности, свободу собраний, свободу передвижения и неприкосновенность жилища²⁹. Административное правонарушение совершает лицо, которое действует преднамеренно (умышленно) или по неосторожности.

Преследование в административном порядке осуществляется с учетом требований § 73 Федерального закона от 20 июля 2000 г. «О защите населения от инфекционных заболеваний»³⁰ и в соответствии с предписаниями Федерального закона от 19 февраля 1987 г. «Об административных правонарушениях»³¹.

Аналогичные правила поведения в период пандемии установлены, например, Правительственным распоряжением по коронавирусу для г. Бремена и Бремерхафена от 11 февраля 2021 г.³² В отличие от Берлина, максимальный административный штраф в данных городах составляет 5 000 Евро. Но при повторном нарушении размер штрафа удваивается, максимум до 25 000 Евро. Если правонарушения совершены по неосторожности, то размер штрафа

²⁷ Brenneisen H. Voraussetzungen eines Versammlungsverbotes während der Corona-Pandemie // Neues Polizeiarchiv. 2020. № 7. S. 75.

²⁸ Федеральное министерство здравоохранения по согласованию с Федеральным министерством иностранных дел и Федеральным министерством внутренних дел Германии устанавливает, в каких странах существует особенно высокий риск заражения коронавирусом SARS-CoV-2. Какие регионы на данный момент классифицируются как зоны с высокой заболеваемостью и зоны с вариантами вируса, можно узнать на сайте: <https://www.rki.de/risikogebiete>

²⁹ Статьи 2, 8, 11 и 13 Основного закона Федеративной Республики Германия (URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html>).

³⁰ URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/ifsg/IfSG.pdf>

³¹ URL: https://www.gesetze-im-internet.de/owig_1968/OWiG.pdf

³² URL: <https://medien.bremen.de/sixcms/media.php/41/corona-rechtsverordnung-einfache-sprache.pdf>

составляет половину предусмотренного по данной статье.

Основания для уменьшения штрафа являются:

- риск причинения вреда здоровью третьих лиц очень низкий;
- нарушитель осознает свою вину;
- нарушитель находится в крайне неблагоприятной финансовой ситуации.

Основания для увеличения размера штрафа:

- риск причинения вреда здоровью третьих лиц необычайно велик;
- нарушитель не осознает своей вины.

В настоящее время в г. Гамбурге наряду с аналогичными правилами, действующими в г. Берлине, введен комендантский час, который действует с 21.00 до 5.00. Ранее он вводился в федеральных землях Бавария и Тюрингия. За нарушение ночного комендантского часа может быть наложен административный штраф в размере до 5 000 Евро.

Чтобы сдерживать волну заражения коронавирусом, федеральные земли Германии ввели в действие большое количество собственных правил и предписаний. Основными органами, осуществляющими контроль за их исполнением, являются полиция земель и служащие муниципальных органов охраны общественного порядка. Именно эти органы наделены полномочиями по отражению угроз и опасностей в Германии [7, с. 321].

При проверке соблюдения установленных в период пандемии правил и ограничений полиция имеет право:

- проводить опросы в целях установления причин ухода из квартиры/дома в запрещенное время;
- выносить предупреждения и налагать денежные штрафы за совершение административных правонарушений;
- удалять лиц при формировании групп в общественных местах;
- направлять прокурору материалы для возбуждения уголовного дела;
- приводить в исполнение карантинные распоряжения;
- осуществлять пограничный контроль, включая контроль между федеральными землями в стране;
- прекращать работу магазинов, предприятий, учреждений и организаций, нарушающих действующие правила в период пандемии.

В целях дальнейшего ограничения роста числа зараженных вирусом людей Федеральное правительство разработало законопроект, передающий Федерации полномочия на введение ограничений из-за коронавируса, которые сейчас согласно Федеральному закону «О защите населения от инфекционных заболеваний» принадлежат главам федеральных земель³³.

Законопроект наделяет Федеральное правительство правом вводить комендантский час с 21:00 до 05:00 в регионах, где уровень заболеваемости за последние семь дней превысит 100 случаев на 100 000 человек три дня подряд. Находящиеся в этой зоне магазины, которые не торгуют товарами первой необходимости, должны будут закрыться, а компании должны будут тестировать сотрудников на наличие коронавируса дважды в неделю. Там, где заболеваемость превысит 200 случаев на 100 000 человек будут закрываться детские сады, школы и т. д. Канцлер Германии продвигает данный законопроект на фоне неспособности 16 регионов страны прийти к единым стандартам по борьбе с коронавирусом.

Германия – страна с устойчивой развитой демократией. В то же время очевидна последовательно реализуемая в законодательстве идея обеспечения безопасности общества [8, с. 574]. Она является приоритетной в Европейских странах. В чрезвычайных ситуациях возможны ограничения основных прав и свобод граждан. В настоящее время все уровни публичной власти в Германии (федеральный уровень, земли и муниципалитеты) работают над достижением одной поистине жизненно для государства важной цели: выиграть время в борьбе с вирусом. Количество заболевших продолжает расти, темпы вакцинации очень низки. Чувствуется усталость и недовольство населения в стране. Очевидно, что одними репрессивными полицейскими полномочиями порядка достичь невозможно.

Из-за пандемии коронавируса публичная жизнь в Германии сведена до минимума. При этом преступность не исчезла, а видоизменилась. Так, рост квартирных краж резко снизился. В Гамбурге подобных преступлений стало меньше на 30 %, а в Нижней Саксонии – на 50 %. Эксперты отмечают и уменьшение количества краж из складов и в офисах. В данном случае объяснение довольно простое – не воруют сами сотрудники фирм.

³³ URL: https://rp-online.de/panorama/coronavirus/neues-infektionsschutzgesetz-testpflicht-ausgangssperren-lockdown-was-die-buerger-im-gesetzentwurf-erwartet_aid-57292581

В Нижней Саксонии количество карманных краж снизилось на 90 %, в Берлине наполовину уменьшилось число краж велосипедов.

Наряду с этим наблюдается резкий рост киберпреступности. Это случаи виртуального мошенничества, продажа поддельных медицинских товаров. Кроме того, в больших городах наблюдается рост домашнего насилия, хотя в целом по стране домашних инцидентов стало меньше на треть по сравнению с аналогичным периодом прошлого года³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя изложенное, полагаем, что вопросы понятия, распределения, перераспреде-

ления и трансформации полицейских полномочий в административно-публичной сфере любого государства, отражающие процессы медиализации и секьюритизации различных звеньев и секторов публичной власти в ответ на экзистенциальные угрозы, являются перспективными направлениями научных изысканий. Осмысление новейшего отечественного и зарубежного опыта, форм и методов полицейско-правового воздействия в целях отражения опасности подтверждает высокую актуальность и важное теоретическое значение исследования различных аспектов развития и становления полицейского права в новых исторических условиях.

Список литературы

1. Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф., Дивеева Н. И. Криминологическая безопасность в сфере профилактической медицины: риски и их предупреждение // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 5. С. 647–659. [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(5\).647-659](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(5).647-659)
2. Михель Д. В. Медиализация как социальный феномен // *Вестник Саратовского государственного технического университета*. 2011. № 4 (60), вып. 2. С. 256–263.
3. Тамбовцева М. А. Теоретический подход копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 9 (83). С. 185–187.
4. Кравец И. А. «Человек достойный» (“homo dignus”) в современном конституционализме и в правовом регулировании статуса личности (отечественный, сравнительный и международный аспекты) // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 459. С. 242–255. <https://doi.org/10.17223/15617793/459/30>
5. Старостин С. А. Административное принуждение: проблемы теории, законодательства, практики // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2021. № 39. С. 93–108. <https://doi.org/10.17223/22253513/39/8>
6. Серебренникова А. В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 3. С. 423–430. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(3\).423-430](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(3).423-430)
7. Schwarz K.-A. Das Infektionsschutzgesetz und die Grundrechte – ein Lehrstück zum verfassungsrechtlichen Freiheitsverständnis bei drohenden Gefahren // *Juristische Arbeitsblätter*. 2020. S. 321–326.
8. Бавсун М. В. Проблемы определения содержания предмета и метода уголовного права в условиях современной концепции развития общественных отношений // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 4. С. 570–580. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(4\).570-580](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(4).570-580)

References

1. Burlakov V. N., Shchepel'kov V. F., Diveeva N. I. Criminological Security in the Sphere of Preventive Medicine: Risks and Their Prevention. *Russian Journal of Criminology*. 2020;14(5):647-659. [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(5\).647-659](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(5).647-659) (In Russ.).
2. Mikhel D. V. Medicalization as a Social Phenomenon. *Vestnik Saratov State Technical University*. 2011;4-2:256-263. (In Russ.).
3. Tambovtseva M. A. Theoretical Approach of Copenhagen School to Ensuring International Security: the Basic Provisions of Securitization Theory. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017;9:185-187. (In Russ.).
4. Kravets I. A. A “Worthy Man” (“Homo Dignus”) in Modern Constitutionalism and in the Legal Regulation of the Status of a Person (Domestic, Comparative and International Aspects). *Tomsk State University Journal*. 2020;459:242-255. <https://doi.org/10.17223/15617793/459/30> (In Russ.).
5. Starostin S. A. Administrative Coercion: Problems of Theory, Legislation and Practice. *Tomsk State University Journal of Law*. 2021;39:93-108. <https://doi.org/10.17223/22253513/39/8> (In Russ.).
6. Serebrennikova A. V. Criminological Problems of the Digital World (Digital Criminology). *Russian Journal of Criminology*. 2020;14(3):423-430. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(3\).423-430](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(3).423-430) (In Russ.).
7. Schwarz K.-A. Das Infektionsschutzgesetz und die Grundrechte – ein Lehrstück zum verfassungsrechtlichen Freiheitsverständnis bei drohenden Gefahren. *Juristische Arbeitsblätter*. 2020:321-326. (In German).

³⁴ URL: <https://www1.wdr.de/radio/cosmo/programm/sendungen/radio-po-russki/masche-102.html>

8. Bavsun M. V. Problems of Determining the Contents of the Subject and Method of Criminal Law Within the Current Concept of the Development of Public Relations. *Russian Journal of Criminology*. 2020;14(4):570-580. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(4\).570-580](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(4).570-580) (In Russ.).

Поступила | Received
16.07.2021

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
28.10.2021

Принята к публикации | Accepted
9.12.2021

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и/или английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению рукописи научной статьи, направляемой в журнал

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf). Приоритетной формой представления рукописи является заполнение формы на сайте журнала <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. Рукопись статьи для публикации с лицензионным договором в 2 экземплярах и заявкой автора может быть также направлена на электронную почту редакции (nauka@siblu.ru).

Рукопись принимается на русском и английском языках, при этом она должна соответствовать профилю журнала и отражать результаты оригинальных научных исследований.

Общий объем рукописи (всех ее структурных элементов) должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста или 40–45 тыс. знаков с учетом пробелов.

При наборе текста необходимо использовать шрифт Times New Roman. Размер шрифта для основного текста рукописи – 14 пт, сносок – 12; нумерация сносок сквозная. Межстрочный интервал – полуторный. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается УДК.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие структурные элементы:

- название статьи;
- сведения об авторах;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- введение;
- основную часть статьи, состоящую из двух и более разделов, каждый из которых должен иметь собственное наименование;
- заключение;
- благодарности (данный раздел включается по усмотрению автора);
- список литературы (на русском и английском языках).

Наименования структурных элементов статьи «Аннотация», «Ключевые слова», «Введение», «Заключение», «Благодарности», «Список литературы» должны быть воспроизведены в тексте статьи. Структурные элементы статьи не нумеруются.

Название статьи (не более 10 слов) должно содержать основные ключевые слова, характеризующие содержание статьи. Указывается на русском и английском языках. Располагается по центру в верхней части листа.

Сведения об авторах указываются в следующей строке после названия статьи с выключкой вправо, без сокращений, на русском и английском языках и включают в себя: фамилию, имя, отчество, должность, место работы (организация, город, страна; название организации, соответствующее указанному в ее уставе), ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты, почтовый адрес (рабочий или домашний), номер контактного телефона.

Авторы в обязательном порядке указывают свои идентификаторы (ORCID iD, Researcher ID). Если таковые отсутствуют, авторам необходимо предварительно зарегистрироваться на <https://orcid.org>.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Авторы могут указываться в алфавитном порядке, если их вклад в исследование равноценен.

Аннотация (объем 250–300 слов) – самостоятельный источник информации о статье, краткая характеристика работы, представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть логичной и отражать основное содержание статьи (предмет, цель, методы и выводы исследования). Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют ос-

новное содержание публикации, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. Рекомендуется составлять аннотацию в соответствии со структурой ее основной части, выбирая из каждого раздела самые важные сведения, дающие в совокупности полное представление о содержании статьи.

Аннотацию рекомендуется составлять после завершения работы над статьей. Особое внимание следует уделить качеству перевода.

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) должны отражать специфику темы, объект и результаты исследования. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Введение должно содержать обоснование актуальности и новизны темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку исследовательской проблемы, формулирование гипотезы исследования, описание методов, которые использовались для получения результатов, указание на цели и задачи исследования.

Основная часть статьи, состоящая из двух и более разделов, включает в себя фактические результаты исследования, их интерпретацию, в том числе оценку соответствия полученных результатов гипотезе исследования, обобщение его итогов, сравнение с результатами других исследователей, предложения по практическому применению результатов исследования, а также по направлению будущих исследований.

Заключение содержит главные идеи статьи, итоги исследования без дословного воспроизведения формулировок, содержащихся в основной части статьи.

Благодарности. Данный структурный элемент включается в статью по усмотрению автора в целях выражения признательности коллегам за помощь в подготовке статьи, критические комментарии, которые позволили улучшить содержание рукописи, благодарности за финансовую поддержку исследования юридическими и физическими лицами. Здесь же может содержаться указание на то, за счет каких грантов, контрактов, стипендий удалось провести исследование.

Список литературы должен содержать ссылки на все научные источники информации, упомянутые в тексте статьи.

Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Список приводится в конце статьи, выстраивается по порядку упоминания источников в тексте, а не по алфавиту, независимо от названия и языка источника, и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяется.

В списке литературы сведения об используемом издании должны обязательно содержать указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер.

Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным.

По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]).

Обязательные параметры списка литературы:

- не менее 10–12 источников, из них: не менее 25 % источников – зарубежные (из которых 10 % – статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии, опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);
- не более 15 % источников – монографии;
- ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 г., должны быть единичными, кроме исследований, отражающих исторический аспект проблемы;
- не допускается самоцитирование. В случае невозможности избежать упоминания о ранее опубликованных автором трудах следует указать лишь на то, что автор уже рассматривал данный вопрос, при этом ссылки на опубликованные труды в тексте статьи не делаются, и в списке литературы они не приводятся.

Не включаются в список литературы следующие внеаучные источники информации:

- диссертации, авторефераты диссертаций;
- учебники, учебные пособия;
- нормативные правовые акты, судебные акты;
- правила, стандарты, патентные документы;
- словари, энциклопедии, другие справочники;
- доклады, отчеты, протоколы, данные статистики;
- средства массовой информации, интернет-ресурсы.

Ссылки на перечисленные внеаучные источники информации приводятся в подстрочных сносках.

Подстрочные сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

В **списке литературы на английском языке (References)** порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы. При переводе русскоязычных источников рекомендуется проверять наличие официального опубликованного перевода.

После описания источника необходимо указать язык издания, если оно было опубликовано на русском языке – (In Russ.).

Транслитерация применяется в следующих случаях:

- для обозначения фамилии, имени, отчества (при наличии) авторов источника;
- для собственных названий издательств, например: Nauka, Yurlitinform;
- если нет информации об использовании журналом англоязычного названия (рекомендуется проверить на официальном сайте данного журнала).

Транслитерация производится по стандарту BSI.

При подготовке списка литературы можно обратиться к автоматическим системам подготовки списка литературы (EndNote, Mendeley, Zotero и др.)

Формулы, таблицы и рисунки, приводимые в статье, должны быть пронумерованы, а рисунки и таблицы также и названы, к ним должны быть отсылки в тексте статьи. В таблицах не должно быть пустых граф. Простые внутристрочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы также прилагаются к статье отдельными файлами в формате JPEG с разрешением не менее 300 dpi.

Не допускаются во всех структурных элементах статьи:

- набор шрифтом «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и (или) знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный и (или) уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и (или) содержанию решением редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность приведенных в статье сведений ответственность несут ее авторы.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the "Antiplagiat" system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements to the formatting of the scientific article submitted to the journal

The manuscript of the scientific article (hereinafter referred to as the manuscript/article) shall be submitted in electronic version, in the format supported by Microsoft Word 2007 or higher (doc, docx, rtf). The priority form of the Article submission is the filling of the form at our web-site <https://www.siberianlawreview.ru/jour/author/submit/1>. The manuscript of the article to be published with the license agreement (in duplicate) and the Author's request enclosed may also be sent to the editorial office's e-mail (nauka@siblu.ru).

The manuscript shall be accepted in Russian and English, hereby it should comply with the Journal's profile and highlight the results of the original scientific research.

The total volume of the article (including all the article elements) must be 20 to 40 type-written pages or 40,000–45,000 characters (blank spaces included).

For the text typing use Times New Roman font. Font size for the body of the Article – 14 pt, footnotes – 12; footnote numbering – consecutive. Line spacing – 1.5. No hyphenation.

UDC Code before the text of the Article is mandatory.

The Article must include the following **structural elements**:

- Title of the Article;
- About the Authors;
- Abstract;
- Keywords;
- Introduction;
- The body of the Article consisting of two or more sections each having its own title;
- Conclusion;
- Acknowledgements (to be included at the Author's discretion);
- References (in Russian and English).

The titles of the structural elements ("Abstract", "Keywords", "Acknowledgements", "Introduction", "Conclusion", "References") must be stated in the text of the Article. The Article structural elements shall not be numbered.

Title of the Article (maximum 10 words) must contain the main key words. Shall be provided in Russian and English. Center-aligned in the top of the page.

About the Authors (in the next line, right-aligned, without abbreviations, in Russian and English): surname, given name, patronymic, position, affiliation (institution, city, country; the name of the institution must be the same as stated in the Charter), academic degree, academic rank, e-mail address, postal address (office, home), contact telephone number.

Authors must state their identifiers (ORCID iD, Researcher ID). If they have no identifiers the Authors should first sign in at: <https://orcid.org>.

The sequence of the enumeration of the Authors is based on their contribution to the work completed. If the contribution to the research is equal the Authors may be listed alphabetically.

Abstract (250–300 words) – independent source of information of the Article, brief characteristic of the Work, shall be provided in Russian and English. The Abstract must be logical and highlight the main contents of the Article (subject, objective, methods and conclusions of the study). The data contained in the title of the Article must not be repeated in the text of the Abstract. Avoid excessive introductory phrases, like "the Author of the article reviews...". Historical data (unless they are the main contents of the Article), description of the previously published works and commonly known provisions shall not be included into the Abstract. We recommend to make up the Abstract in accordance with the structure of the body of the Article selecting the most important data from each section to provide in aggregate the comprehensive idea of the contents of the Article.

The Abstract should be made up after the completion of the work on the Article. Special emphasis should be given to the quality of the translation.

Keywords (5–10 words or word-combinations) should highlight the specific features of the topic, object and findings of the study. The Keywords must be separated with a semi-colon.

Introduction shall include the substantiation of the topicality and novelty of the study, review of the literature on the study subject-matter, study problem setting, definition of the study hypothesis, description of the methods used to obtain the findings, definition of the study objectives and tasks.

The body (main part) of the Article consisting two or more sections, contains the actual findings of the study, interpretation thereof, including compliance of the findings obtained with the study hypothesis, limitations of the study and generalization of its outcomes, comparison with the findings of other researchers, proposals on the future practical application of the future studies.

Conclusion contains the main ideas of the body of the Article, outcomes of the study without verbatim repetition of the definitions included in the body of the Article.

Acknowledgements. This structural element shall be included into the Article at the Author's discretion to express appreciation to the colleagues for the help with the Article preparation, including critical comments which enabled the manuscript improvement, gratitude for the financial support of the study by people and institutions. It may also contain data of the grants, contracts, etc. used to fund the study.

References section shall contain references to all the scientific information sources mentioned in the text of the Article.

The literature used for the Article writing shall highlight the present-day state of the problem and include publications in both Russian and international journals and editions.

The Reference list is provided at the end of the Article and made up in the order the sources are referred to in the text, not alphabetically, regardless of the original title and language, the listed references shall be numbered. One list item shall include only one information source.

The list of references shall be made up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 "Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making" and carefully checked.

The list of references must state the publishing house, total number of pages in the edition used, or specific pages containing the relevant materials if the edition is periodical.

If the reference has a DOI it must be stated.

In the text of the Article references to the specific number of the bibliographic record from the list shall be provided in square brackets. If the reference to the information source in the text of the Article is made several times, the source number from the list shall be repeated in the square brackets (without any changes in the List of References itself). In case of direct citation the page number must be provided (for example: [1, c. 25], [1, c. 59–60]).

Mandatory parameters of the List of References:

– minimum 10–12 sources, including: minimum 25 % sources – international (out of which 10 % – articles from the journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French published in the scientific periodicals (not supplementary issues!)) as well as articles in the collections of proceedings of the conferences and monographs published in the reputable publishing houses);

– maximum 15 % sources – monographs;

– references to the literature published before 2009 must be single, except studies containing historical aspect;

– avoid self-citation. If it is impossible to mention the previously published works, just mention in the Article that the Author has already reviewed this issue, in this case no references to the published works should be included into the list of references.

The following extrascientific information sources shall not be included into the list of references:

– dissertations, author's abstracts of the dissertations;

- text books, workbooks;
- statutes and regulatory acts, judicial acts;
- rules, standards, patents;
- dictionaries, encyclopedias, other reference books;
- reports, statements, protocols, statistics data;
- mass media, the Internet resources.

References to the extrascientific information sources above shall be provided in the footnotes.

The footnotes shall be made as notes to the text provided at the bottom of the page, consecutively numbered as per GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Making”.

Translation of the References and Transliteration. The order of the sources shall match the Russian list of References. During the translation of the Russian sources we recommend to check for the availability of the official published translation. After the source description state the language of the edition, if it was published in Russian – (In Russ.).

Transliteration shall be applicable in the following cases:

- to provide the surname, given name and patronymic (if applicable) of the Authors of the reference;
  - for the proper names of the publishing houses, for example, Nauka, Yurlitinform;
  - if the information of the use of the English title by the Journal is not available (check by the journal official web-site is recommended).
- The transliteration shall be provided as per BSI standard.

To prepare the list of references automatic systems for the preparation of the list of references may be used (EndNote, Mendeley, Zotero, etc.)

Formulae, figures, table. All the formulae, tables and figures must be numbered, and the figures and tables – also titled, there must be references to them in the body of the Article. The tables must not have blank columns. Simple inline and single-line formulae as well as figures and tables must be typed without using special editor software. Figures and formulae shall be attached to the Article as separate files in JPEG-format, resolution – min. 300 dpi.

In the Article elements above the following shall not be admissible:

- using Caps Lock
- bold font
- two or more consecutive blank spaces
- tabulation symbols
- paragraph indent using blank spaces and tabulation character
- soft hyphens
- sparse or condensed font.

If the Article does not comply with the requirements to the line-up and/or contents above the editorial board shall decline the Article and notify the Author by e-mail.

The reliability of the data used in the texts shall be the Authors' responsibility.